

Акценты

Первый номер журнала в 2022 году открывается циклом стихотворений Елены Афанасьевой «...А шонді уйö гёсти чими ордö...» (...А солнце плывёт в гости к рыбе-сёмге...) в традиционном разделе «Литература сегоДня». Эта подборка отличается особой лиричностью, кажется, героиня стихов достигла полной гармонии со своим внутренним «я» и с окружающим миром. Журнал продолжает публикацию романа Юрия Екишева «Семья и мир». Читатель вместе с юным героем попадёт в мир Сыктывкара 1970-х годов, коми села, узнает реалии быта городских детей того времени, но главное в романе – это размышления самого автора об эпохе, в которой было много разного – и хорошего, и плохого. Журнал также публикует дальше роман Алексея Мишарина «Из вылö из» (Камень на камень). В разделе – дебютная подборка Екатерины Цуммер. Цикл её стихотворений «Облако на ветке» обладает художественной цельностью вкупе с нотками романтического декаданса начала XX века с его эстетизмом и нестандартностью образной системы.

К 155-летию со дня рождения замечательного русского мыслителя и писателя, выходца из коми-зырян Каллистрата Жакова посвящён специальный раздел, в который вошли статья Даниила Тестова «Роль авангардной традиции Каллистрата Жакова в актуализации коми литературы» и один из первых переводов на коми язык фантастической новеллы Жакова «Майбыр».

Материалы в разделе «Мифология в современном искусстве» объединены образами, сочетающиеся многими смыслами. Интервью с Пьером Броше, Президентом Национальной галереи, знакомит с биеннале, прошедшим в 2021 году в Республике Коми. Елена Шелест представила на суд читателей статью о впечатлениях по поводу выставки современного русского авангарда в г. Екатеринбурге («Дойдёт ли «вторая волна» до Коми?»). Искусствовед из Йошкар-Олы Эльвира Колчева рассказывает об авангардном направлении в финно-угорских республиках России («Искусство этнофутуризма – «магически-охранительный» голос художника»). Образы современного искусства сродни мифологии, поэтому в концепцию раздела вписалось давнее интервью Павла Лимерова с этнографом Дмитрием Несанелисом о мифологии детских игр коми. Раздел завершает онлайн-беседа о мифологии в современном искусстве с Ириной Котылевой, Александром Котылевым, Ольгой Орловой и Анжелой Размановой.

Журнал в журнале «Ы» начинается с подборки стихотворений Тимофея Ветошкина (урождённого коми, но прожившего жизнь в г. Златоусте) в переводе Евгения Козлова. Мало сказать, что сами стихи этого рано ушедшего поэта – открытие, но и переводы отличаются высоким профессионализмом. «Ы» публикует также интервью с новым главным редактором детского журнал «Би кинь» Алёной Нестеровой, стихи которой публиковались и на страницах журнала «Арт».

АРТ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

• Литература сегодня

Е. Афанасьева. «...А шонді уйö гöсти чими ордö...». <i>Кывбуръяс</i>	4
Ю. Екишев. <i>Семья и мир. Роман</i>	12
Е. Цуммер. <i>Облако на ветке. Стихи</i>	46
А. Мишарин. <i>Из вылö из. Роман</i>	56
И. Жеребцов, Е. Цыпанов. «Свадьба с приданым» Николая Дьяконова: слабая комедия или коми шедевр?	96

• К 155-летию Каллистрата Жакова

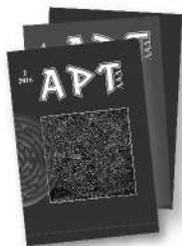
Д. Тестов. Роль авангардной традиции Каллистрата Жакова в актуализации коми литературы	111
П. Кальö. <i>Майбыр. Мойд</i>	115

• Мифология в современном искусстве

П. Броше: «Художник должен ставить вопросы» <i>Интервью Е. Шелест</i>	125
Е. Шелест. Дойдёт ли «вторая волна» до Коми?	130
Э. Колчева. Искусство этнофутуризма – «магически-охранительный» голос художника	136
Д. Несанелис: Мифология детской игры <i>Интервью П. Лимерова</i>	143
И. Жеребцов: «Научной работы Дмитрию было мало...»	153
Мифология в современном искусстве: материалы онлайн-круглого стола	156

• Ы

Т. Ветошкин. «О, ньöжджык, олöм...». <i>Кывбуръяс</i>	178
А. Нестерова: «Выныс вужйын». <i>Ёрта серни</i>	184
Памяти Е. В. Козловой. <i>Некролог</i>	190

Присоединяйтесь!

к мессенджерам и социальным сетям

[instagram.com/art.lad_rk](https://www.instagram.com/art.lad_rk)

vk.com/zhurnalart

t.me/komiart

ok.ru/art.artovich

artjournal.tumblr.com

ЧИТАЙТЕ ТАМ,
ГДЕ УДОБНО

АРТ ЛАД

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

И. о. руководителя редакции – Татьяна Логинова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Технический редактор – Роман Пашнин.

Корректор – Алёна Старцева.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 1 (97) 2022 г.

Дата выхода в свет: 18.03.2022.

И. о. руководителя редакции:

Логинова Т. И.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.

Подписано к печати по графику – 14.03.22.

Фактически – 14.03.22.

Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,48. Заказ № 22-1617.

Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

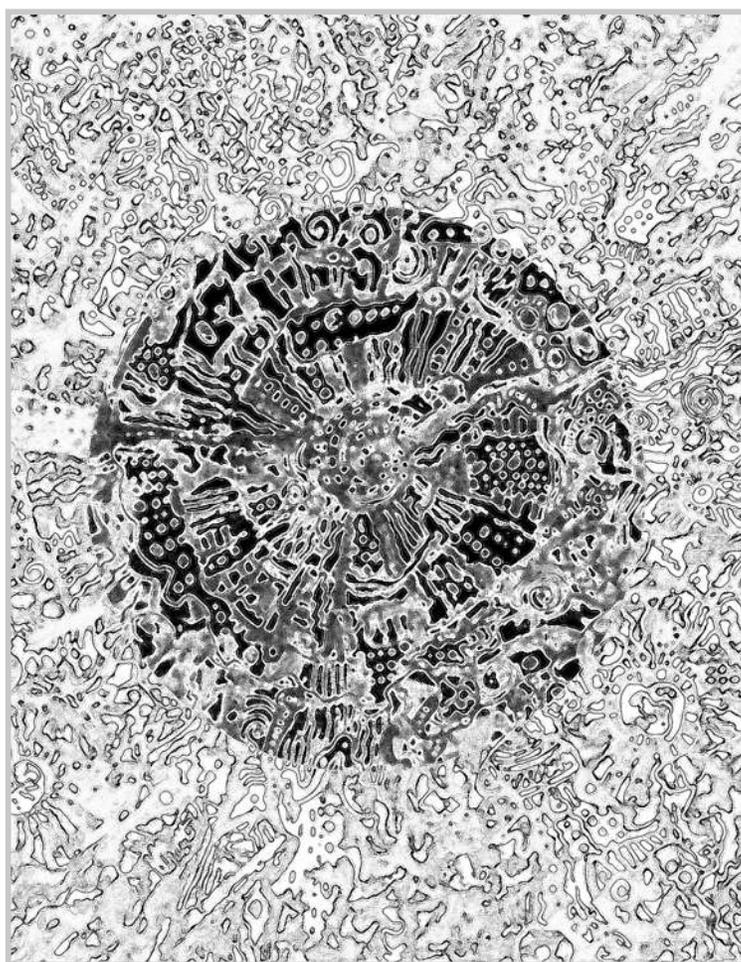
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

Литература сегоДНЯ

Елена
АФАНАСЬЕВА

Елена Евгеньевна Афанасьева чужис Удораын, Важгорт сиктын. Гижö кывбуръяс, висъясьяс. «Енкöлаö ыбöс», «Ву» – сылön кывбура асиöр книгаяс. Челядьлы лоины козинön «Кути», «Дуда Платтьöа», «Дуда кимöститчö», «Дуда чуксалö» висъясьяс небöгъяс.

«...А шондi уйö гöсти чими ордö...»

кывбуръяс

* * *

Менам сьöлёмöй
абу кө тэныд-а...
Дöзмин пестыны сысянь лов?
Öтнад ветлöдлан арся пемыдас,
Орччön некод тэн оз и ков.

А ме төвруөн...
а ме сырчикön
Тэнö вöтöда тайö вой.
Ыджыд воськолön шалсян кытчöкö,
Келан гуранъяс, вуджан сойт.

Кыдзи чукöстны тэнö
пысталы...
Мый тэ корсян сэсь – ловлы лич?
Кодкö мусмис сэн? Чолём ысталö –
Эзысь синваён тырöм видз?

* * *

Öтчыд шуин:
«Некодöс ог радейт!»
Пасьталi ме тешитчана падей,
Мутиясöс корсьны мунi вөрö,
Вои стöч да
налön көлысь шөрö.
Сыыли-йöктi,
пыркöдi став лёкöс.
Мути чукөр босьтiс лунья шогöс.
Петi вöрсыйс –
вильön мыськём лола.
Сöмын öнi аслам мөвпысь пола –
Воис, кодыр пöрччи гортын падей:
«Ме и ачым некодöс ог радейт!»

Гуся ордым

Гуся ордымөд пыравла раскө.
Тайө пельөссө некод оз төд.
Татшөм ним, чайта, сылы оз парскы,
Лоны вермас-ө кутшөмкө мөд?
Йөзкөд сёрниын некор ог гарав,
Медым кодкө эз сүйсө да вен.
Таво лым усътөдз сиктаным арья.
Мыйта мичыс на мычысылас мен!
Ордым лышкыда восьтылас сьөлөм;
Коркө-й петкөдлас ичөтик яг,
Көни чөскыда чипөстлө сьөла,
Көн юр дикмөдтөдз розьявлө таг.
Мый мен вөчны став козиннас тайөн?
Эм-ө дивөлы донъялан дон?
Кызди гортө став ен-мусө вая?
Гуся ордымөй, чуйдөдан он?

* * *

Кытшовтисны юсьяс вөр ді весьтөд,
сідзкө, воис налөн лэбан кад.
На бөрся и мен кө позис эськө,
сөмын водзын
сымда нюр да вад...
Ыдъяся,
а юсь кельөбыс улі
лэбө, лэбө –
өти бөрся мөд.
Мөвпнам найөс некымынысь сулі...
но эз чукөст менө лэбач рөд.
Воськов, воськов –
аслам сьөлөм юө,
кытчө коркө тальлөмны нин туй.
Мыйла водз эз волы тайө юрө,
мыйла кодкө та вылө
эз чуйд?..

* * *

Арся пельсь тусьыс – менам синва,
Югыд гөрөд
кольём кадыс понда.
Гажтөм руй недыр кезлө чинлө,
Кынмөм розсө кодыр кийн шонта.

Мый мен бөрдны, муніс кө нин сійө?..
Сөмын ставнам бара важас суна;
Гылаласны тусьяс еджыд пиө –
Му-ваислөн помасьлытөм унмө.

Кодлыкө мөй вөзьян киссьөм тусьтө,
Да и курыд быдөнлы оз мозды.
Гашкө, сөмын енэжсайса юсьлы,
Кодлөн талун
бордсьыс коли востым.

* * *

Содзтыръя пызьсө ме пожналі, пожналі.
Еджыдөдз белльөос пожъялі, пожъялі.

Пызьсьыс нянь тупось ме пөжалі, пөжалі.
Төв йылын белльөй пөшаліс, пөшаліс.

Муслунөн сьөлөмөс ойдөді.
Синваөс пөттөдзө войтөді.

* * *

...И зарни бобув
вөтам воис кыськө,
Ме восьті содз, но пуксьыны эз чайт,
А лолөс аслас вералөмөн мыськис.
Друг петкөдчыліс меным шонді сай, –

И воис юөр: тайө зарни чирйыс
Тэ олөмысь. Но мыйла сійө тан?!
И тайө здукас йөткис кодкө дзирья
Да пырис вөтам – кыв ни джын эз пан,

А тшапкис соддзас бобувсө и муніс,
И пемдіс ывла гажөн тырлөм вөт.
А бобулыскөд тшөтш и вошті унмөс,
И өні сытөг вой ни лун ог төд.

* * *

Вом дорЌн инмЌдча ваас,
Окала юсЌ.
Юсяньыс эзысь ру каяс –
ПЌртчас лЌз юсьЌ.

ВЌр сайысь быйкнитас шондї
ЛЌньсьыс на лЌня.
ЮсьсЌ нЌ шызьЌдїс кодї?
ЧЌвтЌны тЌня...

* * *

Вежны шондї-тЌлысьсЌ кЌ местанас,
Луннас лоЌ вой, а войнас – лун.
Шондї войбыд лысва пондас пеставны.
Джуджыд чойЌ мунас дикмЌм ун.

УзьЌм пыдди понда кЌвтны лысвасЌ,
ЛолЌс тырттЌдз вуджа гажа сЌн.
Суас муслун – тЌвру бордїЌн сывъялас...
СьЌлЌмтЌ кЌ кора, сетан он?

* * *

ТЌврулы сета ме ним.
КутшЌмЌс?
ТЌдї кЌ эськЌ...
Аслыс оз аддзывлы ин –
Сылы и ыб шЌрын дзескыд.

Лэбас, и чукЌстан кысь?
СїйЌ ѳд юЌр оз кольлы.
ВидзЌдан: кад колас мысьт
СерлЌдлЌ веркЌссЌ ёльлысь.

Ышмас – вЌр-пу йылЌдз друг
ЌдЌбсяс, исковтас мулань.
СїйЌс ме вЌтын моз тшук
Медмуса нимъяснас шула.

Пелысь

Воём пелысьсö рознас нетша,
Сьöкыд розьяссö лöда муас.
Туйлөн сёртасыс васöд, неджа,
Бабö пестера шлюпкас-мунас.

Гортын пелысьсö öшлас сёрйö,
Сэк збыль мичлунсö аддза сöмын.
Рытъя кыаыс пелысь рөмөн
Менö чукöстас муслун горйö.

Сёрни

- Тайö туйыс некытчö оз нуöd.
- Кыдзи оз?
- Водзö ковмас енэжті ли юöd...
- Вөрпа моз?
- Но а мый нö сьölөмöйлы шуа?
- Косны бөр.
- Öмöй лoa та бöрын ме шуда?
- Сідзкö, бөрд.
- Он öд вексö бөрд. Но либö веськөд.
- Корсь туй вож.
- Та бöрын оз ков мен тэö эскөм.
- Кадыс – пож.

* * *

Е.В.

Рытсö виччысис лун.
Тэкöд лэччим ми паркö.
Пыдын пуяслөн ун,
Мед и тулысөн павкйö.

Тэнад кок туйö кок
Сэтшöм лöсьыда ладмис.
Вошис лов вылысь шог,
Эз вöв некутшöм паdmöм.

Сійö лымыйыс эз сыв,
Тэкöд собам ми водзö.
Корсям колана кыв,
Öктам гылалөм кодзув.

* * *

С.Л.

Рытыс кывтіс шонді рөма юөн.
Кытчө нө Тэ тувсов кадө көмтөг?
Мед и пышйөн – тэнө ог нин суөд...
Вирөй пымөн-пымөн муніс сөнті.

Морөс пыткам төв ныр быттьө садьмис.
Уськөдчи тэ бөрся пельтөм-садьтөм.
Пу-бадь пырыс туй кө вөлі весьтас,
Косөдны на верми тэнө эськө!..

– Сулав, – горза, – сулав! Энлы саяв!
Нёрөм шонді рөма платтьө синъя.
Шонді ыстө югөр – сиа-сиа.
Ывла русө йирмөгалө сайкыд.

Сэсса чайті – пөртчин кө тэ пуө,
Кутлі эськө чулля-чалля китө.
Но и пусө тупкис еджыд руөн.
Тадзи вошис мяян костын йитөд.

* * *

Ме өкта изъяс.
Мый мен вөчны тайөн?
А юыс визув,
Выльясөс нин вайө.

Ме өкта, өкта...
Рытъя көкөс кыла.
И пыжөс йөтка
Эзысь гыяс вылө.

И пета туйө,
Понда кывтны гортө.
А шонді уйө
Гөсти чими ордө.

* * *

Чөв олоны пуяс өшинь сайын.
Унмөн личкө лымйөн тырём сад.
Мый нө көсйө шуны сийө тайён?..
Чуйдө корсьны пыді вөрысь вад?..

Чайтө, сэни лэбач пыр на олө –
Арся төлөн шызьөдлөм вөй лов.
Гулыд ягө пыра – помтөм тола.
Со и тані некодлы ог ков!

Быттө гөсьтя, волө төвся луныс.
Лөня-лөня, весиг шы оз сет.
Регыд бөр нин тыдавтөмас сунас.
Мунас өтнив. Отнив! Но и мед...

*Отнив – уд. насовсем, безвозвратно.

Елена Козловаёс югыда казьтылөмөн

А төдан, өні ставыс мөд ног тан...
А сэни кызди?.. Висьтав меным, нолы.
Та йылысь сёрни некор, дерт, он пан –
А меным тайөс төдны ёна колө.

А вежөртны кө эськө тэнсьыд мыв,
И лолыд тэнад мыйджык өні корсьө.
Тэ аддзылін вижчачаа му выв?
Тэ кывлін вөрлысь лов ру песан горсө?

И чуньяс костөд лэдзлін турун гы,
Сы вывті важас көя пыжөн сынлін?
И кор тай төв ныр катлө мургысь гым,
И зэрсө сувтса кисьтө ыджыд вынөн,

Сэк овлін шоныд сыланөн? И зэр
Тшөтш овліс тэон тайө пальыд лунас?
А тшөтш и помтөм купальнича эрд?

Но воча кывйыд пемыд ваё сунас.

Пыжён кывтігөн зарни көкинькөд сёрни

- Кытчö югдiс туй тiян эзысь Вулöн мыш вывтi, куим мама-ныла?
  - Путшкымдiнö мoг суис лун-мöд кежлö ветлыны, зарни көкинь.
  - Путшкымдiныд ыджыд сикт, код дорö нö сувтанныд, куим мама-ныла?
  - Априк Палэй ныв ордö, асланым вир тусь дорö, зарни көкинь.
  - Кутшöм кывъяс пöрччасны, аддзасны кор тiянöс, куим мама-ныла?
  - «Кысь нö татшöм гöсьтъясыс, локтö пырö керкаö», зарни көкинь.
  - Мый нö пызан выланыс катасны бур гöсьтъяслы, куим мама-ныла?
  - Гöрд чери тшытш катасны, мырпома йöв, сола тшак, зарни көкинь.
  - Мый йылысь нö сёрниыс гартчас Путшкым ю мозыс, куим мама-ныла?
  - Важ олöмас сунгысьлам, рöдвужнымöс казъыштам, зарни көкинь.
  - Мый нö кольö сёрниттöг, дзебас кудйысь перйивтöг, куим мама-ныла?
  - Водзö югдысь олöмсö сёрниын ог вöрзöбдöй, зарни көкинь.
-
- Пу йывсянныд тэныд сэн бура ылöдз тыдалö, зарни көкинь.
  - Став гöгöрыс тыдалö, уна вöлök тыдалö, куим мама-ныла.
  - Мыйся олöм петкöдчö толун векся Ву весьтын, зарни көкинь?
  - Уна овмöс йывмöма, вунöдiсны пас туйяс, куим мама-ныла.
  - Бурсö мыйкö вайö жö ойлун вына төв нырыс, зарни көкинь?
  - Тусьсö лои кöдзöма, коркö мыйкö петалас, куим мама-ныла.
  - Мый нö татшöм олöмас пыр на тэнö чуксалö, зарни көкинь?
  - Выйöн чужöм шондiыс, лысва сора асылыс, куим мама-ныла.
  - Öтмоза-ö шудлунсö быд лов вылö юкöма, зарни көкинь?
  - Кодлөн мыйта сьөлöмыс шудсö вермас лэптыны, куим мама-ныла.
  - Нэмöвöйся югыдас шуд ли шог нö вынаджык, зарни көкинь?
  - Шудыс ачыс новлöдлö, шогсö аслыд кыскавны, куим мама-ныла.
  - Путшкымдiн нин тыдовтчис, регыд тшукам берегö, зарни көкинь.
  - Унаысь на ковмылас кывтны-катны тiянлы, куим мама-ныла.

Юрий
ЕКИШЕВ

Юрий Анатольевич Екишев – русский коми писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Родился 6 апреля 1964 года в Сыктывкаре. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х годов были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. Публикуется в журнале «Арт», «Континент» (Париж), «Таллинн» (Эстония), «Наш современник». Член Союза писателей г. Москвы (2002). Автор книг «О любви от третьего лица» (2002), «Россия в неволе» (2008).

Семья и мир

Роман

(Продолжение. Начало в № 4 2021 г.)

Часть 2

Невидимые овации

Зимой дворовой хоккеей занимал основное время для игр – когда для того были возможности. Даже тогда, ранним утром, сквозь сон – всё равно следишь: а что там по радио? Какая погода? У нас, если температура меньше сорока, то младшие классы активировались, в школу не шли. И об этом говорили по радио. И в этом было неожиданное счастье! Минус сорок, ура! В школу не идём! А что делать дома? Днём, понятно, закутавшись насколько возможно, вылезешь на площадку, на задний двор кафе-блинной (где изредка мы тоже брали блины – с вареньем, с мёдом, проглатывая их, даже не заметив, – это у бабушек горка не убывает, а тут – раз, два, – и всё – и некому сказать: ну съешь ещё!).

Даже вдвоём – один на ворота, а второй бьёт буллиты – уже интересно... Конечно, хоккей был связан с нашими телевизорами, раскалявшихся донельзя во время всех этих противостояний 77-го года: мы – канадцы!

Вместо льда – утопанный снег. Вместо коньков – валенки. Шайба – маленькая, или даже лучше – мячик... Да и клюшки разные – и для шайбы, и для льда – загнутые, круглые, быстро крошившиеся, так что ты мог начать играть новенькой кругленькой клюшкой, а закончить с обрубком в руках.

Как могли мы бороться с этой энтропией – разрушением наших клюшек, потерей мячиков и шайб по сугробам...

Клюшки бережно обматывались изолентой (её ещё предстояло найти – это ж был дефицит!). Наиболее продвинутые промазывали эту ленту эпоксидкой для прочности (я пробовал, но эффекта не получалось). Там следовало быть суперхимиком, на мой взгляд, смешивать смолу с закрепителем в определённой пропорции... и главное – ждать, когда всё застынет... А ждать было не для нас: на улице уже крики, щелчки, удары клюшек друг о друга... Голы!

Так что мой инвентарь ветшал быстро (не то что куклы у девочек). Конечно, я мог сыграть и в середине, и впереди, но в основном – стоял на воротах.

Во дворе было тесно, так что сами битвы перекочёвывали в соседние дворы, где имелись и настоящие ворота, и освещение – играй хоть до ночи. Так что хватало и времени, и эмоций – когда особо классно отбил мяч, принёсший победу, где обычно играли до десяти голов, потом ещё до пяти... Ну и так далее, пока команды не рассыпались.

В школе у нас тоже был хоккей, даже чемпионат школы. Но это я считал дикостью – на настоящем льду с большими взрослыми шайбами и огромными скоростями. Хотя мне на ворота разрешали – без коньков (как в музыкалке – без нот...). Самый главный матч в жизни – с параллельным классом, с «в»-шниками (мы были в пятом «А») – свели вничью 1:1. Пару шайб я, чуть не убившись, несмотря на амуницию, – отбил. Но одну мне вкатили так, что до сих пор мурашки по коже – от надвигающегося соперника, от режущего звука коньков.

Это не игра, а какое-то смертоубийство.

Дворовой хоккей был как шахматы, а тут! Битва гладиаторов. Не... Это не для нас. Потом, в старших классах, мы, видимо, испытывая некое коллективное отвращение к профессиональному спорту, изобрели свой: футбол на льду... Вот это было по нам... Тут следовало думать и комбинировать, но уже потом... В далёком будущем...

После этого на зимних каникулах я уезжал к бабушке в Визингу – брал две клюшки, мяч и шайбу... И там разговаривал на языке дворового хоккея. Там была даже коробка, на которой, правда, редко бывал лёд, да мы в нём и не нуждались.

На каникулах и в ещё одно благословенное время, во время карантин по эпидемии гриппа, – мы заболели хоккеем так, что остальное было лишь приложением к этой бесконечной горячке, когда с каждым днём, пусть в новом составе, продолжалась

ещё вчерашняя игра, сводились старые счёты, складывались прочные связи и сыпались в ворота противника – голы, голы, голы... А ты был как Третьяк или Горди Хоу – один против всего мира...

Это был другой ритм жизни, даже не спорт – музыка, недоступная взрослым. Если поболеть за наших мы ещё могли вместе, лёжа с папкой на диване, и не смели оторваться от важнейшего матча с чехами, – а мамка носила нам вареники на диван, которые мы мигом проглатывали, даже не заметив вкуса, – ведь там... В чёрно-белом, мельками, мы всё ещё видели наше, тёмно-рубиновое – олицетворявшее кровь, силу, мощь (в форме нашей команды), – если всё это мы переживали вместе, единым дыханием, единой горечью поражений, – то...

Музыку, следующую за этим, ещё более волнующую и гармоническую, и красивую, и яростную, и бившую в том же ритме, – нам пришлось постигать одним... Без бабушек и дедушек, и даже без родителей – в одиночку... Выпрашивая у них, не понимающих ничего в кассетах и головках, в настройках записи, – магнитофоны, взамен их устаревших, как комоды XIX века, – радиол. Там, на «рёбрах», – отживали последние отголоски Битлз... А нас ждал океан нового, от чего родители наши отстали...

Хоккей был лишь маленькой ступенькой к тому, что прорвалось с рёвом откуда-то сверху аккордами неведомой музыки, в которой, казалось, прорыв, спасение, новый чудный мир...

В котором мы, герои, отбив решающий удар, – получаем невидимые овации, как те, кто бился сейчас там, за океаном, за нас...

План побега

Во многих фантастических новеллах человек путешествует во времени: то в будущее, то в прошлое – и есть такие мысли, что любое изменение в прошлом, даже взмах крыла бабочки, – может привести к

кардинальным изменениям в будущем. Это мысли людей вне Бога, как и большинство детективов, – фантазия, где физическое действие якобы определяет мир, не ощущая силы, держащей мир, управляющей невидимо миром.

Заглядывая в неведомое, человек обнаруживает атомы, электроны – папка был физиком, и в «третьей комнате» находился целый шкаф, заполненный всеми этими описаниями полупроводников и лекциями Феймана. Две комнаты – «большая» и «моя» – составляли единое целое, – в мою можно было попасть только через большую. А папкина располагалась отдельно, пропитана какой-то горечью, но не от дыма папирос, который я ещё хоть как-то переносил, а вот этой мёртвой книги. Жёлтые страницы с его неразборчивым, но твёрдым почерком внушали мне некое неразрешённое чувство непонятной, не чужой мне, но пока не познанной – омертвевшей жизни, то есть маленькой смерти. Лишь потом я узнал, что папка – веря во всю эту физику – был аспирантом где-то в Питере, в институте – и написал диссертацию по полупроводникам (я не сомневаюсь, что блестящую!), – и его руководитель украл её у него, присвоил и опубликовал от своего имени. И вот с этим был связан какой-то внутренний слом, которого касаться никто не любил, – так и не заживший, поколебавший внутреннюю основу папкиной жизни...

Веру в науку, в её чистоту? Что-то такое, что не говорилось, но присутствовало, будто осевшая пыль на предметах, свидетельствующая об их забытости, заброшенности, ненужности...

Я бегал в папкину комнату посмотреть, что он там чинит, паяет, – но не детали какой-то электротехники, а гораздо более важные вещи – блёсны, снасточки... Какая физика! (которую я так и не полюбил, возможно, и за то, что она так обошлась с папкой). Когда рыбалка! – вот что гораздо важнее.

В самом мелком детстве – я помню, как он сажает меня на колени, – и идёт самая простая игра: когда тебя качают на коленках под присказку – «Баба шла-шла-шла, пирожок нашла...» – и потом под продолжение, но неизвестно в какой момент – уходишь в яму, когда папкины колени расходятся – и с восторгом падаешь – «Села! Поела!» – и вновь тебя поднимают – «И опять пошла!»

И ждёшь и ещё, и ещё – продолжения...

Или вспоминал, как меня качал на одной ноге дед под другую присказку: «Шнычек-шнычек на пригорке! Он усами шевелит...».

Вот об этом бы хотелось тоже написать, да отправить туда, в прошлое, эти страницы.

Что это был за Шнычек-Шнычек такой, я так никогда и не узнал, – конечно, из деревни, из папкиного села, из прошлого. Странно, что влияло на нас – городских детей, – отмечавших это появление вещей и явлений – оттуда, будто из другого мира, – вот этих поговорок или тех же длинных половичков, – и стыдившихся их где-то в глубине сознания – перед другими.

Так, в автобусе было почему-то неловко слышать коренную речь. Возникла некая внутренняя коллизия – как-то отвернуться от этой отсталости, будто стыдясь её незамысловатой нищеты – и в словах, и в предметах, – в которых нет чего?

Я тогда, конечно, не задумывался над этими поветриями, проносившимися под нашими стриженными под полубокс головёшками... Видимо, город с его подменным превосходством демонстрировал, что у него-то, как у некоего богача, – есть много чего: и мороженое, и шоколад (за деньги, конечно!)... И автобусы, на которых раз в год можно было прокатиться бесплатно – в весенний день 19 мая, как помнится, – и мы ждали этого дня, чтоб насытиться, сделав круг на каком-нибудь кольцевом маршруте, или доехать до конечной, до «Больничного городка», – и кричать обратно...

Но и сам город был хоть и провинциален, – но тоже не без недостатков: эти мёртвые головы всюду на плакатах – рубленные, стандартные, лишённые жизни, – будто идолы, тяп-ляп обтёсанные топором без всякой искусности... На фасаде института академии наук, где застыли вертящиеся электроны вокруг атома... Рабочие и работницы в косынках, как роботы, у которых закончились батарейки. Особенно странно выглядела неоновая надпись: «Ленинской туй кузя коммунизм», которая на русском языке звучала чуть ли как неприличие...

Этим город меня отталкивал – это то, что вы предлагаете взамен чего? Лесов, пусть с комарами, но живых? Взамен рек, пусть не так освоенных, зато полных рыб? Ну вы и недотёпы, взрослые! Ну как же вам самим-то не тошно?

И нет ничего у вас даже близко такого прекрасного, как покинутая, но всё ещё служащая церковка, рядом с которой одряхлевшие – и оттого прекрасные берёзы, оттеняющие эту белизну и чистоту... Да никогда!

Тут – заборы и котлованы, в которых мы плавали на плотках, – вот было маленькое приключение, – не находя Тома Сойера и заводилы, выведшего бы нас отсюда в какой-то другой мир, который мы хотели открыть в этом плавании... Да где ж ему быть между изрезанных покрышек? Только в фантазиях...

Эта неловкость от ковриков, о которые спотыкался так же, как о фразы бабушек в автобусах, – проходила там – в «Белом Бору», где на болоте, когда собираешь морошку в одиночестве, за десятки километров от дорог – вдруг встречаешь трёх бабушек, будто трёх ангелов, прилетевших откуда-то с высот: «Болото-то большое?»

И сначала не понимаешь вопроса, потому что ждёшь чего-то иного, здесь говорят «нъл» – болото, а у нас – «нюр»:

– Нълылы ылын?

А потом доходит: – Да, конечно – вот

туда километров тридцать... – и показываешь рукой.

И они удаляются куда-то. Куда? Какими тропами, по каким картам и воспоминаниям? Вовсе не боясь заблудиться...

Город был закрытой комнатой, из которой каждое лето предстояло готовить побег, тщательно прикидывая, – что там ждёт, какая рыбалка, какой толщины леску покупать (всегда хотелось рыбу побольше – но тогда мелкая клевать вовсе не будет).

И с зимы начинается этот «побег из Шоушенка». Походы в магазин «Спорттовары» становились не за клюшками и шайбами, а за крючками и грузилами.

В папкином шкафу откапывалось всё же что-то нужное, живое: древние выпуски альманаха «Рыболов-спортсмен». Все они штудировались от корки до корки – уже выученные чуть ли не наизусть: где и когда у кого какая щука клюнет, или как сорвётся язь... Как плеснёт хариус... – всё, и готов! К побегу из этого города – туда, где всё просто и прекрасно.

И сообщник мой, папка – готов – очнулся от зимней спячки... Надо его шевелить и будоражить. Надо доделать снасти и проверить – чего не хватает... Может, испробовать новую держалку для котелка?

Вечное движение

Конечно, в деревне много чего не было... Не было этого боя далёких барабанов по праздникам, которые мы использовали, чтоб отметить какую-то свою свободу, даже не вдаваясь в те слова, что неслись из репродукторов, – ожидая сначала военного парада по телевизору, а потом – застолья, где можно было перекусить вкусенького – и на улице, где обрывки лент лопнувших шариков... Где-то играет бравурная музыка. Поднимая городское небо, пространство от навесившихся забот – к свободе. И мы вольны делать, что хотим. А что мы хотим? Конечно – играть

допоздна, зная: дома ждёт остывшее и наиболее вкусное застолье с тем, что осталось, – оно почему-то всегда слаще. Развещающиеся флаги и их яркость оставались вовне истраченного на купание в свободе время – это были неожиданные и ожидаемые вспышки каникул: осенние, весенние – особенно майские, говорившие о приближающемся благословенном чуде лета...

Весна была временем военных фильмов. Приходя в школу, мы делились: видел вчера? А как он ему... Смерть профессора Плейшнера переживалась нами не меньше, а то и больше реальных смертей наших дальних, а то и поближе, родственников – ведь она была рядом, вот она – её неотвратимость, – когда он смотрит, как ты в раннем детстве, на играющих, пусть и швейцарских, медвежат... Как агенты обступают его и как он принимает яд и падает на асфальт... Эта смерть была горька и понятна... Мы знаем на себе эту жертвенность в играх, в войнушке, сами «умирали» так же.

Но реальность вторгалась каким-нибудь неожиданным похоронным маршем, заставшим тебя внезапно, когда ты бежишь за молоком, позвякивая бидоном, – и тут... на тебе... люди у подъезда... чёрные венки с лентами...

Это перекликалось с фотографиями, сбивавшимися в семейных альбомах в одну пачку, не расставленные по страницам, а так – пачкой, где приблизительно один и тот же сюжет, характерный особенно для той деревни, ставшей райцентром, потянувшейся к городу и его явлениям, таким как фотография. Чёрно-белый отпечаток, повторяющаяся картина: скорбные люди, в платках женщины, мужчины – кто как, и в центре, в домовине – кто-то. Только меняется имя: это похороны прабабушки Екатерины Дмитриевны, вот тут ещё кто-то неизвестный, совсем далёкий – пролистываемый быстрее, в мелькании тех незнакомых лиц, стоявших вокруг, но не проявившихся в детской памяти, и

эгоистичной – бежащей от мысли о смерти, своей собственной, и лёгкой – способной быстро забыть казавшееся неважным, неспособным объяснить что-то незнакомое: вот человек в военной форме – кто он? Фото ещё старое, довоенное, с потугами на то, чтоб быть цветным: где-то пробивается зелень формы, где-то красные язычки в петлицах... Неведомый тебе дед, брат бабушки, упавший на войне... И осталось только это безмолвное, суровое фото... У-ф-ф... Закончились эти скорбные и непонятные фотки – будто смерть, как овец, угнала какие-то чёрно-белые фигурки, как овец – куда? Неизвестно...

Тебя ведь это не коснётся! У тебя всё будет по-другому. Не так. Руки твои не замрут, как эти скорбные старческие пальцы на груди. И не будешь ты сидеть вот так, сурово насупившись, обтянутый ремнями, – будто сдерживающими готовое выскочить, налившееся силой мужское неведомое начало. Всё будет как-то по-другому?.. Как? На это детский ум уже не давал ответа – он был в том мире, где нет обладающей взрослыми смерти...

Вот пошли другие фотки, узнаваемые. Вот мамка с сестрой, тётей Валею – обе в деревенских серых платьях – и обе, особенно мама – такие молодые, светлые, вечно юные – вот как надо!

Вот это кто? Прабабушка, ещё в силах, ещё какая-то другая, твёрдая. Прабабушка – старая бабушка, а эта – молодая! И опять – такая обожаемая мамка!

Вот она – вожатая, вот на лугу с мячом... Вечно молодая! Вот как-то так надо, как-то так... А это кто? Неужто я? Лицо какой-то скомканной фигуркой – вечно изнывающий, смутный от этих затей – зачем фотографироваться, зачем стоять?! А, так это мы на море! – бывали редчайшие возможности: вот даже бабушка там, папка и мамка, все мы – в Крыму.

Что там из воспоминаний? Машинки в Евпатории – такие, электрические, что ли, на которых мы ездили с папкой, врезаюсь

ещё в кого-то... Как магнит – я норовил завернуть наши пути поближе к ним, к машинкам – но не всегда это удавалось.

Долгий переезд в Севастополь, с экскурсией по морю – на корабле, шутка сказать – с подводными крыльями! Это тебе не те скромные, по морским меркам – речные – на воздушной подушке – катера, которые нам казались пределом скорости и воли... Тут всё серьёзней – летишь, дрожишь – над водой, на палубе – вихрь, брызги... И жара кругом не наша, не северная, обволакивающая, сковывающая обломовской негой – ну куда идти? Зачем? И что тут, в этом Севастополе, может быть достойно поездки?

Все фотки – это стройные ряды взрослых и рядом, в нелепой панамке – сгорбленная фигурка отжившего старичка, страдающего от жары, – это я...

Но вот что-то новое, слово «океанарий», какое-то свежее. Что там? И тут, оказывается, – внутри огромный аквариум! Не вовне, а внутри – и вокруг тебя акулы, скаты, сомики... Вот это да! Ради этого можно было проехаться, да! Рыбины, да ещё какие! И в том виде, как они живут там, – вот бы поймать такую...

Вот это – мой мир! Величественных, не замечающих никого, плавно перебирающих волнистыми краями скатов. Мир медленно и зорко наблюдающих за тобой осетров. Ты для них как гуппи... Но это временно, я вернусь когда-нибудь домой, туда... В деревню – и наше вечное соперничество продолжится... Там посмотрим – кто кого. А тут, разделённые барьером, мы равны. И вечны, как это медленное движение рыбы в поисках чего-то на дне и опадающей сверху сквозь свет – мути... Вот это – основное во всех отпусках и поездках на юг... А недоступное легкомысленное море с его крабиками и запахом водорослей, вознёт в песке в поисках счастливого «куриного бога»... и лёгкостью потери, когда он закатился где-то дома и затаился, – растерявшийся в коробке моих игру-

шек, – зачем меня сюда притащили? Зачем искать, если потом легко забросить и забыть? Как рассыпающиеся сувениры из легко отколупывающихся ракушек... Всё позабыто, кроме пленных рыб в огромном аквариуме, пленяющих и тебя своей красотой.

Всё же как это красиво и величественно – взмах плавника, и вихрь воды, подвластной тебе, – уносит дальше. Движение – это жизнь – твердили вокруг взрослые. Но не всякое же! А только такое, прекрасное, осмысленное, вечное – и жизнь, соответственно, должна быть какой-то царственной и – вечной.

Всё бывает впервые

С выходом в поход начинается другая жизнь. В груди – волнение. Вдохновение теперь уже во всём, даже в том, что составляло рутину и нудную обязанность. Сходить в магазин? Да пожалуйста! Главное – та цель впереди: оказаться там, куда идём – в лесу, а ещё лучше – у реки, возле костра, когда закинута снасти, когда удочки слегка шевелит ветер, когда – вокруг неважно что... главное – кто клюёт и кто пойман.

Первых, самых первых шагов я ещё не помню. Они укрылись где-то в пятнах, которые, может, всплывут в сознании, как говорят, к старости. Первую рыбину тоже не помню. Наверняка пескарь, окунёк или ёршик – кто-то мелкий. Но вот первую щуку помню уже осознанно, самостоятельно, – даже поправляя папку, который тогда, видимо, не придавал значения этому.

Мы, наверное, тогда приехали с города. Это происходило просто – автобусом до Первомайска, посёлка на этом, городском берегу Сысолы, дальше – переправа, если когда с машиной – везёт! Сразу перевезут, а то ещё и до деревни подбросят. Когда нет её, то и паром не тянут, обходятся лодкой – а там уж пешком, пешедралом,

как говорится – через поля, где канавы, а потом ещё вдоль берега, где тоже овраги... Если уж совсем худо, и паром стоит, обрвав старенький канатный трос, и лодка на том берегу... Тогда лишь папка из всей собравшейся на этом берегу компании – конечно, со мной – решает форсировать реку: идём выше по течению, где стоит бона, отбивающая брёвна на середину реки, от парома – коротенькая, но нам достаточно. Главное – на ней можно, как на причале, поймать пару брёвен потолще, связать их проволокой – корабль готов! Посередине – рюкзак, чтобы не намок, и мы, обхватив брёвна ногами для надёжности, в руках – тоже доски вместо вёсел – гребём вперёд! С Богом! Отчаливая от хвоста боны, и уж напротив компании наших бывших спутников, достигая середины, где народ несколько восхищённо и настороженно: «Во дают! Как это он не боится такого мелкого шкета да на брёвнах переправлять?»

А мне – хоть бы хны – стойте, горожане неприспособленные, учитесь! Гребём весело (я с брызгами, попадая папке, который делает замечание – гребки аккуратно, не мочись, ноги не мочи – нам ещё идти... я же – несмыслёныш – не вижу дальше близкой цели – на тот берег перебраться...), ох-х... берег! Надо ещё выскочить, чтоб не замараться, – вода сошла недавно, скользко, вязко... Но мы уже, считай, дома – этот берег наш, управимся...

В тот день, видимо, обошлось без приключений – сложилось всё: и мы оказались дома раньше, чем пришёл вечер, – всех обогнали. Ещё издали высматриваешь – открыты ли двери нашего дома? Если открыты – значит, бабушка дома. Если что, то можно и полчаса, и час её прождать, – пока она где-то медленно ходит, не ожидая нас. И редко, когда наоборот – не только двери открыты, но и стоит фигурка, приложив ладонь к глазам: кто-то приближается? Не свои ли?

Вот мы и дома! И солнце ещё не село! Нам с папкой не надо даже разговаривать – достаточно переглянуться: что,

успеем на речку-то? Конечно! Время дорого, дороже золота! Золота вон навалом – начинает солнце клониться туда, к леску, за которым – и Первомайск, и городская дорога – всё! Этот мир для нас захлопнулся! Тут всё есть, тут всё течёт по-другому, измеряется временем – сколько мы успеем провести на реке, сколько поймаем...

Да, успеем! Но времени мало. Хорошо, что червяки – это уже целая отдельная история – накопаны заранее и уже выпущены в старое, но ещё не дырявое ведро на крыльце, – и землёй уже прикрыты, и подкормлены, не сухой и бесплодной городской, а местной – жирной, чёрной, – вот вам, ползайте, но не расползайтесь!

Вычерпываем горсть их с собой – ведь времени только на поход с удочками... То есть максимум, на что мы можем рассчитывать: папка на хорошего налимчика или нескольких, я... ну, на окунька (вообще, фамилия моя – Екишев – с коми переводится как Окунев. И в русском это уменьшительное «окушок» с появляющимся «ш» – осталось из нашего языка. Так же и «щурёнок», а не «щучонок», – где появляется «р», тоже из нашего языка, потому что щука по-нашему – «сир», а читается как «щир», – вот тебе и разгадка, откуда буква «р» в этом щурёнке... Да и Москва... Эх, ладно, некогда про слова-то, хоть и это слово тоже с нашим языком связано – пора к берегу...

Идём, понемногу ловим мелочь. Параллельно реке протекает ещё неглубокая проточка, где поперёк течения вбиты старые брёвна (так раньше задерживали песок, чтоб сформировать песчаное плотнище). Но плоты теперь не вяжут, сплав сплошной, иногда брёвна по реке плывут по одному. Вот и нашла себе дорогу водичка там, на брёвнышках, оставляем одну удочку... (у папки две, у меня одна). И перебираемся на реку. Пока что наши достижения – только мелочь, а сумерки – вот они, рядом. Вот-вот потемнеет так – поплавок не будет видно.

Папка говорит:

– Видать, щука пугает добычу-то, все притаились... Давай щук попробуем?

И надевает себе вместо червячка – комарика. Ему хорошо! У него два крючка – как раз зацепить рыбу и за губу, и за спинку, – если клюнет, то и зацепится.

Я едва достаю до воды, перешагнув полосу травы.

– Вот так – пугай, а если клюнет – тяни! Леска-то тонкая... По воде не поднимаи! – говорит папка и уходит в темень.

И я кидал, и ругаюсь про себя на траву, которая подло цепляется. Вот и тяну её целый пучок, но что это – это трава, полоска травы извивается! Уж на едином дыхании вытаскиваю, вытягиваю на берег! Да это щука, шу-у-ка! Первая в жизни! Кричу папке, отзывающемуся где-то там, во мгле, – не видно уже ничего.

– Па! Щука! Па!

Он прибегает и, увидев мой улов, приободряет, но и несколько осаждаёт меня:

– А, щука, щурёнок? Ну, молодец! Я потёпал обратно – у меня там щуки клюют! – и скрывается...

Как так? Он не понял – это же щука, первая в жизни! Мне размер не важен, ведь это же первая, моя, собственная! Ну как он не понимает?

Папка там выдернул пару щук, конечно, покрупнее. А на обратном пути, во мраке, мы ещё и леща вытащили на ту удочку, которую оставили в протоке, положив на брёвнышки...

Вот тебе и не клевало, а потом совсем перестало! Как говорится в рыбацких поговорках. Вечер чудесного лова, который я потом пересказывал папке, а он и не помнил – ни леща, ни мою первую. Сколько их было, этих щук-то у него... А у меня началось с этой. И далее, с того чувства, когда приходишь домой и вываливаешь улов на стол перед бабушкой, которая всплескивает руками.

– Ну, вот! – радуясь, что наконец вернулась.

А мы, только приехав, уже где-то шастаем, шатаемся там.

Чудесный вечер, чудесный лов – конечно, без папки я бы ничего не смог, это у него в крови, что ли: каждое мгновение обращать во что-то ради семьи... Время – это не золото, не деньги – это возможность поймать рыбу для кого-то... Время – это то, что ты умеешь.

Сладкая дорога в вечность

Если мы шли далеко, – скажем, на поворот реки ниже Межадора, где мы вели коренную рыбалку – с лагерем, с палаткой и раскинутыми повсюду нашими «сферами влияния» (как сказали бы сегодня), – я старался скрасить этот путь. Орал песни во всё горло, какие только можно, – от мультяшных до тех, что нас заставляли заучивать в школе к разным там мероприятиям (хоть какая-то от них польза). Благодаря музыкалке, что ли, и тренировке слуха – папке даже нравилось (конечно, думаю, ему и без этого бы всё нравилось – сносил же он даже то, что я, по воспоминаниям, будучи совсем мелким, мог напрудить ему на шею, сидя у него на плечах... Я, правда, как мог это отрицал).

Это помогало скрашивать те части пути, где приходилось долго шагать. Хотя, на мой взгляд, больше бы дорогу скрашивало другое: то, что попадалось по пути, – грибы, ну, или, ладно, ягоды...

Выходя из дома и даже не пройдя ещё деревню, уже было первое такое место – огромная развесистая черёмуха во дворе заброшенного дома. Иногда настолько урожайная, что, пока не добьёшься до оскомины, вяжущей рот, не можешь остановиться.

Дальше, с околицы, начинался белошник с реденькими мелкими сосенками. Тут уж могли вылезти и маслята, и даже рыжики... Но последние смысла брать не было никакого – они ж для засолки, а на

рыбалке мы всё равно их не замочим, не просолим. Так что пусть ждут либо нашего обратного пути, либо тех, кто специально идёт за ними.

Дальше – вновь опушка – слева снизу подходила дорога наша, по которой мы и пойдём на рыбалку, и на её обочине, на склонах – земляника! Моя подруга, с её волшебным, никогда не надоедающим ароматом (это вам не дачные всякие там «Виктории» – конечно, тоже вкусные, но созданные специально для еды), а тут – земляника, это не еда... Это украшение нашего пути – ягодки, которые пылесосом вытягиваешь с папкиной ладони, – вот оно счастье, сжимаешь и для него в кулачке го-стинчик... Па, это тебе!

Дальше уже дороги разделяются – одна уходит на сенокосные луга, направо, а наша – идёт в лес, прямо, обрамлённая кустами можжевельника. Сам можжевельник – будто древний реликт, тоже превращающий дорогу во что-то праздничное – в аллею, ведущую к месту подвигов (наших рыбацких, конечно). От него проку мало, кроме особенного аромата, остающегося на руках, когда проведёшь ладонью по его мягкой зелени... Что-то в этом древнее, молчаливое, в вечном ожидании этих кустов, – кого-то сторожащих, выстроившихся, как легионеры или охрана при входе в гущу леса, в чей-то дворец...

В лесу начинается другое: впереди потёмки беломошника. Там уже могут быть и красные, и даже белые... ну и, конечно, маслята с иванчиками...

Как-то я привёл, вернее, принёс свою дочь в первый раз в лес. И она, очутившись на этих полянках, увидев всё это разнообразие, воскликнула:

– Па! А где под ними подписи?

Она же привыкла, что грибы на картинках все подписаны: вот маслёнок, вот сыроежка...

Мы потом, вспоминая, долго смеялись – тому, что в жизни, оказывается, всё не так, как кажется, когда читаешь в книге. Пока

сам не попробуешь – не узнаешь! – а где под ними подписи, ха-ха-ха...

Но пора идти дальше, солнце-то высоко уже, а нам надо успеть расположиться, – если место ещё не занято... да донки закинуть. Да ещё много чего. И время терять на грибы – ну сколько ты их насшибаешь? Так, чуток, на супчик, сушить же не будешь там – время терять не надо. И папка мягко направляет меня дальше...

Кого он мне напоминал? Даже не скажешь вот так вот. Скорее, его мне напомнили – то Валерий Харламов с его взлётом и аварией, то же самое было с его диссертацией и прерванным гениальным научным полётом (о чём я вовсе не жалел – мы таким образом оказались подальше от столиц, поближе к речке и лесу)...

То что-то шукшинское напоминало его – эта его тяга к любви, к её вечной загадке, и – вот же она, загадка! – всем видом свидетельствовал я: не в шумных застольях (очень редких) с какими-то друзьями-сослуживцами, а в этом походе! Что её искать, эту любовь, в тех разговорах? Я понимал: не о той любви, которая у них была с мамкой, очевидно, навсегда, идёт речь. О какой-то другой, чьём-то ещё внимании к нам, свыше...

Всё, хватит этих отвлечений! – надо вперёд... Тут уж половина пути – ручей. Он то тихий-тихий, и можно даже в ботинках перейти, а то и в сапогах увязает... Ручей не беда. Беда – комары, первые нешуточные, попадающиеся на пути из деревни. Дорога поднимается и раздвигается, как железнодорожные рельсы. Две дороги – а между ними перелесок в несколько метров. Тут может быть и красный гриб, реже – белый. Рыжёчек... Место, где можно посоревноваться, – ты – по левой, я – по правой. А ну, кто что найдёт? И тут уж тренировка – быть одному в лесу. Кругом, конечно, разные птички да ёлочки-берёзки – я не мастер их описывать, да и вообще прикладываться к ним. Ну трава травой. Кусты кустиками. Лес – он либо су-

хой и просторный, как бор, либо мешаный и густой... Либо болото.

Тут вот больше лиственных, больше перегноя под сенью, собственно, и грибы ждётся подходящие. Боровиков тут не будет... Настраииваешься каким-то чутьём, что ждать, где... В конце этой части пути дороги снова сходятся. Дальше – снова вниз...

Четвёртая четверть пути – самая трудная. По болотам. Тут уж не до грибов – кусты с обеих сторон практически сходятся, смыкаются. Будто нападает на тебя какая-то сила. И напускает основное своё войско – тучи комаров, мошек, оводов. Единственное лекарство – веник из ольхи, и постоянно бьёшь им себя по лицу, с каждым шагом. Да и вправду место такое, что когда потом ходишь здесь один, – невольно оглянешься: да нет ли там кого за спиной-то? Не следит ли за тобой кто мохнатый, когтистый... О-хо-хо... Сколько потом в этих местах оставлено переживаний...

Чаща чуть расходится – и по левую, и по правую стороны – болота. Черничник. И если есть ягода, то, конечно, попробуешь, но не так, как землянику. Съешь столько, сколько сможешь терпеть этого наглого комара. Но и тут папка найдёт тебе гостинчик – вялую, уже усохшую веточку, на которой прозрачная, уже с проглядывающими косточками – морошка! Вот это да!

Всё, хватит баловства! Дальше, дальше, дальше... Какие тут песни – впереди наш бережок. Уф-ф... И болото закончилось, вот уж что-то мелькнуло впереди – река! Тут она уже не только наша – общая. И вот уже дорога идёт вдоль неё. А слева – этот восхитительный галечник, круто сходящий в реку. Конечно, уже идёшь не по дороге, а выскакиваешь на берег, хотя шагать по нему, когда за плечами рюкзак, а под ногами камни – не так-то просто! Но это – ерунда! Главное, там, где кончается этот пляж, – не видно никого, не видно дымка! Ура – значит, место не занято. Значит – мы одни дома. Скидываем рюкзаки, оглядыва-

емся, всё – на месте... Чьё-то давно остывшее кострище. Может, даже наше!

И рядом – куст жимолости. Радостная горечь, вовсе не горькая. В этом кустике мы будем хранить рыбу от всяких там лис, енотов. Да и несколько ягодок для бодрости не помешает... Странная ягода – с виду, как голубика, а на вкус – хм-м... О чём же он говорит, этот вкус? «Медвежья черника» говорит о том, что не всё нам, – надо и остальным. Хотя она чернела очень уж привлекательно, но обманывала своим вкусом. Какая-то сжигающая горло горькая пилюлька. Как лекарство от города, что ли? От его сладостей? Пусть так.

Надо натаскать деревяшек для костра, пока папка разминает в своих руках нашу наживку – макуху, с нашим деревенским чёрным хлебом – на зяя, на леща, на удачу...

Мы – в вечности, сопровождаемые по дороге древними спутниками. Тут – всё как надо, только трудись, делись...

Пепел и вода

Пепел подёрнул уже угольки и обводы поленьев... Скоро можно будет вытаскивать картошки из костра. Это не еда. А лакомство, которое даже в городе папка с мамкой позволяли себе. Правда, в газовой плите всё же выходит не так, как здесь. Картошка выходила ровная, слишком, не романтичная какая-то. Да и несколько раз, особенно в первый – так стрельнуло в печке, – будто что-то взорвалось. Выяснилось – это картошка лопнула. А в лесу такого не бывает. В городе её, по-городски печёную, можно запросто разрезать пополам, аккуратно, положив в сердцевину сливочного масла (вот ведь время, не как раньше, когда папка впервые увидел, что его можно намазать), да ещё есть ложечкой, как король из «Бременских музыкантов» утреннее яйцо кокот.

Ну а уж нынче, так ни разу мной и не опробованный, пошёл вширь весь этот

картофельный фастфуд – все эти «крошечки-картошечки» по углам и ресторанным дворикам... Это уж не то...

Вот у костра – с одного боку пригорелое до угольного слоя, а с другой – чуть сыроватое – и горячая! Вот это да... Лаконство. Завершение хорошего дня. Сигнал мозгу – пора спать, настраивать палатку...

Костёр отодвигается, вернее, то, что от него осталось, – благо бережок на стыке луговины и галечника – ровный, более-менее плоский, и я уж сонный наблюдаю, пользуясь преимуществом маленького, как папка хлопает палкой по тому месту, где ещё минуто назад лежал уютный, тёплый, добрый костёрчик. Искры, с каждым ударом, скопами, будто салют, летят вверх, в темень, где, почувствовав, что больше нет ни того жара, ни дыма, который их отгонял, – гудят комары. И я недоволен – что так медленно? Ну почему уже нельзя поставить палатку? Ну, подумаешь, ещё слишком много жара и этих светлячков-искорок.

Я, наверняка, чумазый от картошки-пирожки, уже осоловел (да и от укусов комаров, после города набух, как китаец... да мне уже всё равно – чумазый я).

А папка всё возится. Ну зачем столько веток? Хватит уже... А он всё таскает и таскает! Вываливает охапку и снова растворяется в темноте. Это – под голову, это – в середину, это – под ноги. Мастерит матрасик из ольхи и ивы. Ольха более ломкая и разлапистая. Наконец-то! Папка считает, что достаточно, и расстилает поверх слоя веток палатку... Позднее, гораздо позднее, уже двадцатилетним дылдой, в одном из походов, я не угляжу и прожгу днище этой палатки, – и кострище не прибил, и веток поленился положить побольше, – вот так отслужила свой век наша палаточка, так оберегаемая папкой, – учившим меня беречь вещи, чего я не совсем, как видно, понял... Молодость, молодость – всего впереди будет много... Палатка? Ещё найдём! Хотя такую, как была, уже не найдёшь, – с

плотным непромокаемым днищем, с хорошим брезентом наверху.

Ну, опять возится! Колышки теперь затёсывает да ещё натягивает-перенатягивает, чтоб ровно было, чтоб не криво. Ну зачем нам это нужно-то? Комары же налетят, пока вход не закрыт...

Ну, кажись, всё! Папка, с оставленным для этого веничком, залезает внутрь и гонит всех комаров наружу – веничком, веничком! Вот это понимаю. Ещё фумигаторов нет и в помине. Так что от комаров единственное лекарство – выгнать их и скорее проникнуть внутрь.

И тут война с комарами продолжается – ты сверху дырку закрыл?

– Да, Юралик, спи!

Какой тут спи, кругом враги. Вот один явно летает, вот его лапки, его крылья, и их ветер уже щекочет нос – прицеливается, гад, сесть и ужалить. А я терплю, чтоб прихлопнуть его, когда он окончательно приспособится продолжить своё подлое дело.

Бац-бац – и мимо! Улепётывает с воем куда-то к ногам... Там его не достанешь! Опять карауль, жди, когда он клюнет на приманку – на открытое лицо и руки.

Снаружи о брезент бьётся целое чингисханово воинство, да сколько же их, оказывается! Тьма – их время. Днём-то прячутся от жары, а тут повывлетали. Ахтунг, ахтунг!

Это и вправду похоже на гул дождя. Или... что это? Действительно, это уже не комары барабанят по натянутому брезенту... Это накрапывает дождик. Не заметил, как заснул, – и вот тебе, проснулся, а папка уже на боне, уже ловит. А я тут один... С натянутым со всех сторон дождевичком. Как там папка без него?

Вот ведь этот папка! Недаром возился, натягивал крылья палатки по струнке – вода тихо пальчиками постукивает, будто ластится, будто просится впустить её, – а нет! Она стекает по откосам, а внутрь не попадает. А края-то у нас плотные, прорезиненные, да и ветки их приподнимают, –

так что я в сухости. Так приятно – неохота вылезать в эту сырость. Росу... Наверно, вода кругом. Но! Как говорится, есть одно «но»! Что там у нас на боне, как ночью, утром – клевало, нет? Этот вопрос переешивает всё – и тягу к уюту, и нежелание шастать по росе – наружу, на волю! Где там папка? Где там папка? Вот он – посреди боны...

– Па, я проснулся! Как там, что есть?

– Есть...

Ну, так и знал! Всё проспал, недотёпа я, недотёпа! Как же можно спать?

Уголок счастья

Но ещё перед тем, как выползти из палатки, – я нащупываю, сначала ногами, конечно, потом, нехотя согнувшись, руками, – где мои сапожки-то? Вот они! Заботливо заправлены папкой внутрь голенищами – от росы, от влаги, чтоб не отсырели...

Вообще, это минимально необходимое внимание к вещам прививалось мне нелегко.

Из обязанностей, когда велась война с самим собой, было принести воды бабушке... А уж в городе – нечего говорить. Утро каждой субботы начиналось с влажной уборки. Сначала – плетёшься на кухню, или в тубзик – помочить тряпку для пыли: предательски белые подоконники, на которых видно, протирал ты их или нет. Такие же косяки дверей и само её необъятное полотно.

Батарей! – отдельный ужас... Там внутри рёбрышки, которые все ведь надо хотя бы чуть-чуть тронуть, повозить тряпочкой... Но имитация – не пройдёт, сколько раз приходилось протирать ещё раз... Да к тому же с этими батареями в моей комнате связаны ужасные воспоминания.

Однажды в школе захватил с собой чужой карандаш... И ведь подсознательно

знал, что это неправильно, и – засунул его туда, за батарею... И при уборке – он выпал.

Меня никогда, никогда, ни разу ни мама, ни папка даже не шлёпнули. Но то, как строго выговаривали за этот карандаш, – сурово, громко, настойчиво, – запало в душу на всю жизнь.

Папко-мамин объединительный огонь прожёт меня насквозь. И так я видел во всех их действиях, что надо жить так, чтоб гореть! А тут два огня, два вулкана – и лава вся в груди, горит-шипит, ворочается что-то...

Короче, эти батареи, чтоб их! В детстве, да и потом, те вещи, что досаждают, ругаешь как живых – ножку дивана, о которую сам запнулся, или эти же батареи, будь они неладны! Мало их протирать, так ещё есть вторая стадия – мытьё полов! И под ними надо сначала пол намочить, да потом ещё и высушить!

Ох уж эти субботы, будь они неладны со своей уборкой! – тоже как живой день. Тем более, что мои обязанности растут, – от моей комнаты до большой, а потом ещё и коридор – всё это уже достаётся мне. А в большой комнате – два огромных окна (хорошо не как у деда в деревне – четырнадцать!).

Как хорошо, что этого ужаса нет на природе! Какая благодать! Солнце уже довольно высоко...

Можно идти поплескаться воды на лицо... Или не плескаться? (Зачем здесь, где всё чисто, умываться? Да и отговорка есть – дескать, чтоб не отпугивать рыбу).

Папка далеко на боне. Мне пока туда нельзя одному никак – брёвна скользкие, споткнулся – и ты уже в реке! Весь, в одежде...

По одну сторону – крутой берег с нависшим сверху ольховиком-осинником, обрамляющим чей-то луг, покос, от которого веет свежестью... Это пока тоже не моя вотчина. Берег высокий, со склонившимися к воде деревьями, вернее, съехавшими в воду, как с горки на санках, – с куском

кочки, дёрна. И рядом – сразу глубина. Да там с удочкой и делать нечего – кругом те же коряги, только под водой.

Моё место начинается по левую руку – галечник. Течение здесь, правда, не медленное, и придётся учиться ловить, подняв поплавок вверх по-хитрому, по-донному. Хотя для начала – затишок перед боной. Тут вода кружится в медленном хороводе, увлекая щепки, брёвна, среди которых ловишь-ловишь, да поймать не можешь кого-то очень хитрого... и очень осторожного. Может, лещ крупный? Ага, размечтался – это не лещ, а ёрш-хитрюга, который может клевать и уверенно, как окунь-молодец, и жевать-жевать червяка, будто старик без вставных челюстей, – корочку.

Короче, покормили первых утренних комаров, и хватит стоять на месте! Тем более галечник большой, длинный, надо его весь испробовать. Ведь моя задача – не просто потешиться игрой с мелочью. Она гораздо серьёзней, важней! Там, где берег с коряжником, – папка поставил крюки на щук. Щука с руку! Ну, а живцы беленькие, а не эти слизкие и очень уж колючие ерши – это не моё.

Метров двести-триста этого моего галечника, а там потом ручей, опять трава и комары... Там, в затишье, может клюнуть и лещ – и это уже бывало у папки, значит, вполне может попасться и мне!

Я, сооружая запруды для живцов, двигаюсь всё дальше. Надо вернуться к костру, взять бидон для живцов – да ведь клюёт! Клю-ё-о-от! Куда вы денетесь, какой бидон...

Оп, поймана, есть! Это уже не живец, а солидная рыбка! Подъязык, ух, как взял! Или это мне кажется, и просто гирька груза зацепилась между камней? Не-е-е... Тянет, водит, точно рыба!

Вытягиваю подъязыка, который в воде кажется просто огромным, гигантом, а у меня в руках уменьшается в размере: может, и пойдёт даже на живца... Хотя я буду хныкать, наверное, что его-то надо было взять, маме показать! Это же мой...

Но в любом случае, теперь пора идти за бидоном, этот живчик утечёт из любого запруда, одним махом перескочив ту дамбочку, что я нагрёб из мокрого песка.

Да какой же ты живучий, да какой холодный! Да как ты бьёшься в руках-то! Бегу к костру с ним в руках... Где же тут бидон? Только бы не у папки... Вот он, в рюкзаке. Всё на месте, хватаю его. И бегом к воде – даже если и пойдёт он на живца, чтоб не задохнулся, не хватанул лишнего воздуха.

Всё, подъязык погружён в бидон. И спокоен – он вообще еле туда умещается – носом упирается в один бок, а хвостом – в другой. Доливаю воды, но с сомнением – этот может и из бидона спокойненько сигануть вверх, сделав «свечку»... И пока ты ловишь, ускакать, переворачиваясь и шлёпаясь живой оладушкой – по галечнику вниз-вниз, к воде, тем более, что силой-то довольно крутой.

Ух... ну всё, ловим дальше. Вот папка уже идёт обратно – всё чётче в тумане его фигура с подсачком. И там что-то есть! Эх, тянет и меня половить у ручья... Может, к папке? Тем более почти весь галечник я прочесал. Ладно, всё! Бидон с живцами не то чтобы полон до краёв, но и мне есть что показать. И подъязык уже не один, и даже немаленькая непонятная рыбка с красными, как у окунька, плавниками.

Надо к папке – раскрыть этот секрет. Сворачиваясь, иду навстречу, примечая по пути, – вон ещё коряга на костёр, надо впрячься, как бурлак, и притащить к нашему лагерю.

Я первый у склона над началом боны.

– Па, ну как?

– Юралик, ты уже натаскал? Да есть по-маленьку.

Папка сам учил не хвастаться никогда уловом – он так перегружает в садок кого-то большого, желтоватого... Язь? Тогда подъязык мой совсем померкнет.

– А у меня живцы, ты скоро?!

– Иду, иду... – он заканчивает. Потом посмотрим этот садок, когда он разрешит мне

вместе с ним дойти до этой второй плитки боны, где уже течение и, стало быть, рыба не задохнётся.

– Живцы? Да вот это уж не живец!

Я беспокоюсь – о ком это он... Не живец – не жилец? Кто-то уже утонул? Да не-е – это он о подъязыке! Точно, ура!

– Сейчас рыбный мешок достанем, да и обновим – сезон начнём! – это значит, первая рыба в нём, сшитом мамкой ещё зимой, будет моя! Ух ты!

Что это? Я – недотёпа! Что случилось? Папка склонился над рюкзаком и ругается (несильно), и ворчит... Что, что? Мешок забыли?

Не... Это я – вытянул бидон, а рюкзак не завязал! И пока мы ловили свою рыбу, у нас побывал гость... Лисы распотрошили мешки с едой, с бутербродами, яйцами, хлебом... Всё смешали, кое-что утащили...

– Ну, ладно, что с них возьмёшь?!

Ну опять всё то же моё невнимание к вещам, будь они неладны...

Но и это всё проходит – мешок нашёлся, осоки внутрь набили, подъязык – почищен, посолен – и уже там, внутри мешка. А мешок – внутри куста жимолости – от солнца и от лис.

Только будь внимателен. Тут нет мелочей... И – лови сколько хочешь. Это тоже труд, и не труд – никак не сравнить с тем, что понимается мной под трудом: мытьё посуды или полов, нет, это – настоящая жизнь, в которой ты себя не чувствуешь подъязыком в бидончике. Тут ты свободен – как хозяин маленького мира: кострище, галечник, солнце, купание... Даже миски – это часть твоего хозяйства... Не надо об этом забывать. И это и есть счастье.

Брызги шампанского

Иногда, правда, вместо аккуратно стоявшей боны, отбивавшей брёвна к середине реки, спокойно и ровно, – вдруг посреди реки образовывался залом. То ли это было

намеренно сделано кем-то, то ли сами брёвна могли так встать – я не знал причин, полагая, что скорее всего сами брёвна, почему-то взбунтовавшись, устраивали революцию, встав враскоряку – от берега до берега. Но постепенно, как и в людском обществе, я смог догадаться, что одновременно столько брёвен просто не могли разом образовать плотину, – река слишком уж широкая, им даже в цепочку выстроиться от берега до берега было бы нереально – так что, конечно, это делала осознанная сила.

Сердце моё падало куда-то в пропасть, считая, что рыбалка пропала, но оказывалось – наоборот, на заломе папка спокойно расставлял продольники, – и рыба, сдерживаемая этой плотиной, а так же привлекаемая рассыхающимися на солнце брёвнами, на которых отвисали лохмотья коры, отставшей целыми пластами. Вернее, не самими брёвнами, а всякими лакомствами, что сыпались с них в воду: короеды, жучки, слизни какие-то, мошки и прочая живность. Так что рыба подходила вплотную и клевала как надо!

Я не помню многих деталей – помимо ощущения жаркого лета, этого буйного хаоса, посреди которых были оконца, где я уже мог показать своё мастерство.

Семейная рыбалка. Тут и папка, и мамка, и ещё дяди с тётками (долго я не мог запомнить, кто кому кем приходится и, соответственно, мне)... Мне разрешали со взрослыми тоже залезать на залом...

Все с удочками – но ловят-то, ловят-то как! Я не говорю о дядьках с тётками, на отпуск лишь приезжавших в деревню, а уж на рыбалку-то и вообще раз в год. Но мои-то, кто бывает в деревне хоть и редко, но знает в рыбалке толк, – это дядя Миньон, да и мамка – могли бы и получше ловить! Да и шуметь поменьше (хотя нет, для Миньона молчание вовсе не золото, а... тюрьма! кандалы!). Так что я прощаю этот постоянный комментарий:

– Толечка, ну как там? – Это он папке, проверяющему продольники.

– Лиечка, что клюёт? – это он мамке, выбравшей себе окошко для ловли чуть в стороне – треугольник еле движущейся воды в обрамлении брёвен.

– Юрочка! (вот ненавижу, когда меня так зовут). Тебе помочь, золотой? (ещё одно не приветствуемое выражение, на что я, наверное, корчил кисло-горькие гримасы – лицо фигуркой и молчал! Уж я-то настоящий рыбак, буду молчать, как партизан. Мы же рыбу ловим, а не болтаем здесь ни о чём!).

– Миша, клюёт, клюёт! – суёт свой нос Миньон в дела дядя Миши, реже всех, пожалуй, отрывавшего хоть минутку на рыбалке. И для него, наверное, вот это счастье постоять с удочкой – было не меньше моего.

Клюёт-то у него пескарь, это ж видно по поклёвке! Пыр-пыр!

У меня клюёт – приходится ловить в хитрую проводку – окошко небольшое, – и чтоб провести приманку (червяк на одном крючке, на другом – комоль – смесь манки с чёрным хлебом), – надо, чтоб она волочилась по дну, а не плыла просто по течению, – иначе придётся хлестать реку, будто наказывая её за что-то прутом, постоянно выдёргивая плывущий под брёвна поплавок и перекидывая снасть вверх по течению...

Но надо, чтоб поплавок чутко реагировал, поэтому всё должно быть соразмерно: приманка волочится по дну, а поплавок не стоит и не лежит, а вповалку; вот грузик перевалил через ещё одну волночку песка на дне, вот следующая ложбинка между донными изломами... Всё чутко, всё настоящее...

– Юра, Юрочка, да клюёт же! – Неугомонный Миньон успевает увидеть у всех, кроме себя.

Я давно приметил: его-то снасть теребит настырный ёрш – и, видать, уже заглотил намертво. Но Миньону до этого нет дела – ему важно, что у других!

Я не выдерживаю:

– Этонеклю-ё-о-от! – какможноболеесо-

средоточенно и кратко объясняю премудрости, растерянные взрослыми, – это по дну волочится.

Если бы клевало, – рука моя уже лежала на удилице, и молчал бы я, как рыба!

– Это у вас вот клюёт! – Миньон спохватывается, тянет удочку, на которой и правда сидит кто-то, что-то, нечто! – радужное в брызгах воды и ершинных соплей – я был прав (тоже тихонько успеваю наблюдать, как там у всех остальных...).

– Ах, Юрочка, вот спасибо! – Миньон благодарит так шумно, с такими брызгами, будто те же радостные на солнце капли воды – были каплями счастья, выглядящие в моём сознании как брызги шампанского. Я прям щурюсь. Ну мы тут рыбу ловим или что делаем? Ёрш и есть ёрш.

– Ах ты какой! – Продолжается эпопея Миньона с рыбкой-невеличкой, его отпускнутой или уж пенсионной наградой – я не помню...

– Ведро ухи можно сварить с нею! – Миньон никак не уgomонится.

Вот ровно так он хотел показать городские новшества – и чуть не спалил баню! Надоумил его кто-то, когда паришься, – добавлять то квас, то пиво в ковшечек. А он, не долго думая, взял да и решил полный ковшик шампанского плеснуть на каменку – гулять так гулять! Ну и вспыхнуло всё, загорелось... Еле потушили – вместо бани все чумазые, в саже – баня-то по-чёрному! А он хоть бы хны – смеётся, хохочет, бегаёт:

– Толечка, туши! Толечка, туда плесни!

– Да иди ты! – взбрыкивает папка, не щедрый на слова.

Баня-то стояла чуть не больше века, и тут на тебе: лучшее – враг хорошего! – свалилось на нашу головушку... Шампанское, наверное, ему в голову ударило.

Пока я отвлекаюсь, – тельце моё, глаза, ручки – действуют уже сами: вот эти покачивания – это уже не подводные перешагивания через препятствия – это кто-то подошёл... попробовал мою приманку... взял, опустив поплавок почти плашмя... – и –

повёл в сторону! Оп, подсечка! Как учили, как сам выучился. Есть! Ох ты! Ничего себе, вот это уже не рыбка, а рыбина...

Болтовня смолкла – все обернулись как по команде – рыба! Вожу её пока в глубине, а что делать дальше? Не знаю. Мы ж на заломе – еле-еле забрались сюда, перелезая по качающимся единым буреломом брёвнам, – конечно, без подсачка... Ведь шли половить на удочку! – подсак у папки, далеко, вон там! Он и добраться-то до нас сможет совсем не скоро.

– Юра, Юра, Юрочка! Тяни, води! – включается Миньон, ощутив, что действительно рыбка не маленькая, не как окунёк.

– Вот дай маме, пусть она выведет! А я руками подхватчу!..

Вот ведь эти взрослые... Но делать нечего, отдаю маме... И вижу – Миньон перелез к нам поближе. А она, она тянет напропалую наверх! Ну кто же так делает?! Вот она, рыбина, наверху, вот она ближе к нам, к нашим ногам... Но тот горький миг, который я уже прочувствовал по их неловким движениям, – настал! Леска лопнула (она же тоненькая, подобранная на ловлю чего поменьше) – и язь, ну или подъязык (первый в моей жизни) – сошёл! Сошё-ол!

Всё! Вся горечь этого момента нахлынула на меня, теперь уж винить леску, удочку, себя – кого угодно – было бы нельзя и поздно...

Ну как же так! И что делать? Мелкий же я ещё. Разревелся. Ну как же так, это ж была моя рыба! Какие всё же эти взрослые неуклюжие, неумёхи!

– Юрочка, да ничего! Ну ещё клюнет! Ну ещё повезёт! – Но я уже надулся.

– Видишь, какой ты счастливый, какая рыба тебе идёт...

Да не в счастье тут дело! – как им объяснить?! Что это целое искусство, огромный труд – всё так настроить, так подобрать – леску, крюки, грузики, выточить поплавок, соразмерно всё расположить, отточить... Э-э-эх!

– Кидай туда же, может, ещё клюнет! –

Миньон с его утешениями, как шампанским, брызгает на моё распалившееся нутро, не затушивая пожар, только распаяя его...

– Не клюнет! – Но долго бычиться нельзя, не хочется – это ж мама... Она хотела только как лучше... Придётся учиться самому бороться... Может, и правда клюнет...

Я уж успокаиваюсь, не шмыгаю (конечно, я не ревел, но слёзы-то были). «Ничё! Ещё пымаем!» – как говорил папик иногда о сорвавшейся рыбалке. И не по-миньоновски, шумно, а тихонько, культурно, со вниманием ко всякому миру, к гармонии.

Возможно, именно с этих времён в альбоме фотография! Папка склонился над котелком с ухой, в руках ложка. Мамка держит в руках по рыбине (очевидно, не моих, у меня поменьше были), и я смотрю в объектив лицом-лепёшкой и чему-то улыбаюсь. Жара, лето, семейное счастье – всё сияет безмятежностью, но не легкомысленной, как брызги шампанского, а глубокой, древней, родовой, коренной – вот так должен жить человек... Как-то так...

Сердце рыбака

Постепенно я, конечно, добился того, чтоб сначала передвигаться с папкой по боне – от продольника к продольнику, – вглядываясь и замирая, – ну, может, прямо на глазах сейчас произойдёт чудо, и этот самый неприхотливый продольный продолговатый брусочек вдруг затрещит, оживая, – и уткнётся носом вниз – значит, взяла крупная рыба!

Сам продольник – продолговатый брусочек, заострённый клином к носу, на котором петелька из загнутого гвоздика, сквозь которую протянута леска, – нехитрая штука. Ещё два гвоздя, – на которые наматывается леска. Грузилко из свинца, «свинчика», как мы его называли, охотясь за пластинками старых аккумуляторов. В городе везде где-то

что-то валялось, и мы, как молодые старички, дошколята с душами Плюшкина – ходили повсюду, высматривая не только пробки от одеколонов, но и проволоку (алюминиевой везде было навалом, а вот медная, на поделки, доставалась сложнее), разбитые аккумуляторы, дощечки (особенно от просушенных ящичков), – я уж не говорю, что в самом раннем возрасте искали просто красивые стекляшки, из которых выкладывали подземные витражи – «сокровки», – расположением которых делились только по дружбе. Но кто-то ходил и разорял их... Кто... Но не тот же или не та же, кому показал, – ещё кому-то рассказали секреты...

Короче, набрав всех этих сокровищ, мы иногда и дома с папкой устраивали плавильный заводик, отливая грузики в столовых ложках (мельхиоровые темнели, не выдерживали такой температуры – мама ругалась, поэтому в ход шли алюминиевые, которые жгли руки, – слишком проводя тепло, так что приходилось обматывать ручки, работать в перчатках). Конечно, во всём этом я принимал активное участие...

На месте же оттачивалась настройка – на каком течении какую «ложку» ставить, – чтоб доставало до дна... или наоборот.

Бывало, случались зацепы – и тогда прощай «свинчик». И место желательно поменять, может, щука клюнула и завела под близкую корягу.

Самым противным было другое – топляки... Сидишь – и сердце замирает – сторожок – носом вниз... Рыба? Язь? Лещ? Да мало ли что, стерлядь! Не – видишь, и другой, и следующий – так же уткнулись чуть ли не носом в воду... Это под бону пробирается топляк и, крутясь бестолково и неустанно, прогремел под боной, и вынырнул с другой стороны – там, где наши снасти, – и вот он тихо плывёт, а поверх – тянется леска... Вот плюхнулось грузило! Вот натянулся поводок – прощай, крючок! Ещё один...

Так, собрав «урожай» из нескольких наших продольников, – просто одним уда-

ром – бац: рушились наши труды... Это вам не «сокровки». Потому наши дочки латанные-перелатанные, иногда собранные из разных лесок – вот радужная, вот какая-то зелёная – к концу лета уже совсем истрепавшиеся, ещё и украшенные разными крючками...

И за зиму приводились снова в порядок, до следующего сезона, лёжа отдельной стопочкой, молча зовущей туда, на бережок, на бону... Снова увидеть, как качнётся, будто рассматривая своё отражение, наш сторожок... Тихо, другие молчат, значит, может быть, – там рыба!

Это никогда не приедающееся чудо, как папка осторожно тянет леску, как, помедлив несколько мгновений, – начинает потихоньку вытягивать...

– Па, есть? – Я шепчу, не отводя взгляда от места, где леска режет воду, – движется ли, тянет ли вглубь.

– Ага, есть...

– Это кто?

– Пока не знаю.

Если на первый крючок – может, и лещ, если дальше – может, язык, тогда повозиться придётся подольше. Леска вся вышла – вот-вот появится грузило... Папка не спешит, но видно, что от грузила дёргается... Ну какие же у него всё-таки обожжённые солнцем, загрубевшие руки! Сможет ли он всё это почувствовать? Может, даст мне? Не-е... Если рыба – то большая, рано ещё – не даст пока. Моё дело, чтоб подсак был не запутан. Ну, это-то я могу.

Я уже совсем тихо шепчу:

– Есть?

– Да, да...

Леска режет воду, уже не уходя в глубину, и вот поодаль появляется бурун, водоворот, вот что-то блеснуло, нырнуло... Лещ... Ох, папка! Не тяни, не медли! Не отпускай! Всё противоречиво, как клубок, который нельзя распутать резко, одним ударом... Это ещё не моя стихия, я только учусь, впиваясь во всё, что делает и папка, и наш соперник.

– Ах ты! Под бону пошёл... Хитрый...

Тут важно, чтоб крючок не слетел, чтоб... Да много чего чтоб сложилось. Папка-умничка выводит из-под боны этого матёрого соперника... Вот он уже ближе.

– Подсак... – Папкин голос тоже, как леска, напряжён... вот-вот слово застрянет, как крючок в бревне.

– Вот он, на... – подаю ему как положено – ручкой в руку. У нас всё слажено, всё организовано. Он не один! Нас уже двое! Оп! – и нас уже трое, с красавцем в грузной сетке подсака, куда он еле поместился.

– Видел? Вот так, с головы надо брать...

– Конечно, видел, – говорю, да только не видел я ничего, кроме этой огромной спины, будто молясь, чтоб она далась нам сегодня – ради всего, ради всех: мамки, бабушки, перед которыми можно будет похвастаться уже вдвоём, доставая из рюкзака рыбный мешок. Делая это ради них, из любви, не только ж их удовольствия.

Уф-ф-ф! Всё, наш! Идём обратно, к садку – поместить туда красавца. Там уже есть маленько – ночной папкин улов, но они помельче и совсем другие. А этот уже наш общий – папкин и мой.

Теперь уж наш. Его новые соседи бьются, брызгаются, и этот миг погружения, – чтоб поменьше хватили воздуха, – это как сердце, бьющееся в груди, – так же пойманное и поставленное на место.

Все по своим предназначенным местам – это же формула счастья. Счастлива бона, что она служит нам, вода, текущая под ногами, – для нас... Даже подсак, измазанный слизью и чешуёй, трудится, отрабатывая своё. Брёвна боны, подсохшие на утреннем солнце, отдавая аромат отваливающейся отсыревшей коры, как аромат духов, тоже не молчат, разговаривая теплом, греющим наши пятки, и этим древним запахом смерти и последнего вздоха... Всё о чём-то говорит, всё в каждой ячейке сложившейся головоломки-картинки, и ты сам – нагружен по плечи всем этим, будто вырастая, прикинул всё больше.

Скоро солнце встанет выше, жара пойдёт, всякие там кузнечики со стрекозами... Рыба замрёт, не будет клевать. Но уже исполнилось главное зимнее желание. Вот оно рядом, на привязи. В глубине: надо ли кому об этом сказать? Из однокашек? Не понять им, как говорится, тоски индейца! Не понять им, какой всё же папка молодец! Что такое рыбацк. Эх-х-х...

Царские дары

Рассказывая мне о детстве, взрослые неизменно умилялись тому, как, встретив папку и дождавшись, когда он, наконец, вывалит из рыбного мешка добычу, я восторгался, ещё даже не умея говорить:

– Ыба-а-а! Чу-ка-а!..

Видимо, папка сам испытывал больше удовольствия от этих моментов. Наивысшая рыбацкая благодарность, что тебя ждут, что ты превзошёл всё возможное, преодолев один на один никому не ведомые трудности, – как всё это досталось, как вот эту «чуку» хватала поперёк другая «чука», пытаюсь сорвать её с твоего крючка.

Да я и сам, без взрослых, помнил этот момент, конечно, без лишних восклицаний.

Как из какой-то мглы, после долгого ожидания – появляется он, папка, уставший, небритый, стало быть – колючий, – и ты уворачиваешься от первых объятий и поцелуев... да ещё этот табак – да ну! Эти все нежности! Что там, в рюкзаке, а в рюкзаке в мешке, а в мешке – в траве...

Вот развязывается рюкзак (я лезу сделать это сам, но ещё не знаю, за что тянуть, – уж потом придётся самому учиться узлам – и рыбацким, и как вязать крючки. В журналах есть картинки, но выбираешь самые простые...) – дальше мамка тянет этот мешок, а он не сверху – где-то в глубине... Есть ли там вообще что-нибудь? Есть!.. Ого!.. Ну не всё же это трава...

С шелестом, скользя по стенкам холщевины, соскальзывает в центр таза или

другой ёмкости комок с травой... Слизь, запах – ничто не может мне помешать, и я лезу вперёд – это мой миг! Папка убирает осоку, чтоб я не обрезался... Всё! Ого-го-го-го! Блестит крупная чешуя! Жадно глаза впиваются в этот большой комок.

Щука! Да не одна! Вот открылись язи, а эти острые мордочки – чьи? Не такие большие, но пахнут – м-м-м! Сладше ягод и свежих огурцов. А плавник... Это хариус! Вот и харя – благородная, отточенная, прекрасная мордочка, остренькая в меру – классическая, древняя красота! За ней, в кольчуге, с отметинами пятен – будто розовыми, царскими – хиленькая чешуйка сорожек и уклеек и красавец – спинной плавничик! С теми же, по вееру просвечивающими его, метками – краше готических витражей, искусных китайских фарфоровых рыбок на чашках (хотя везде, везде, везде я искал рыбку, как символ, по которому первые христиане узнавали своих, – чертишь первую полоску, и, если рядом свой, – он дорисовывает рыбу, а чужой – не поймёт и пройдёт мимо). А дальше что, почему папка так загадочно улыбается?

Ура, стерлядка! Я как-то ощущаю, что ловить их вообще-то нельзя, но папке можно. Он заслужил, он – рыбак, а не те хапуги, которым всё мало, для которых речка – это лавка или магазин.

Да, да, да! Это она. Это её бесконечно прекрасные обводы, формы (красивее истребителей и бомбардировщиков, городских статуй, профилей на монетках – всего культурного и искусственного) – это жизнь как она должна быть: рот вниз пылесосиком, мягким хоботком – точно, что на этот рот уже ничего другого не скажешь, не похож на человеческий, и удивительные глаза, – глядящие именно на тебя! Ну вот, встретились – всё, свершилось – и для неё, и для меня. Это уже как дружина с предводителем всего этого рыбного войска, с царём, с царственной рыбой, – украшенной уже по-особенному: и эти косточки по бокам и по округам щёк, – будто царские

латы, это уже не простая кольчуга карасей или язей – это украшение тех, кто рождён для того, чтоб править в этом подводном царстве. Встретились!

Дальше уже ждётся, когда папка разоблачит, умоется... Ну, может, поест... Ведь если рыба не почищена – надо ж её чистить! Это тоже моё время – всегда ждётся первого чуда. Смотри – щука проглотила пескарика – ага! Ты поймал, и тебя поймали – всё справедливо! С шелестом проходя вдоль позвонков, папка снимает сгустки – это ещё недавно была холодная рыба кровь. У лещей, язей плавательный пузырь – так его надо лопнуть со щелчком! – оп! – это ж мне интересно! Это важно для чего-то. Да, надо осторожней – где-то притаился соп – желчный пузырь. Если заденешь, порвёшь – потечёт желтое, будет горечь в ухе. Печёнки – отдельно – это деликатес. Туда же идёт икра, можно насобирать и чёрной – ух! Будет жаркое вкусное, видное... Кому-то достанется (конечно, мне). Затесался ёрш? Я – повторюша-дядя Хрюша, по-миньоновски шучу: ох! Из него ведро ухи выйдет!

Как же всё здорово, как классно!

Провожая каждую рыбку – до последней. Вот они уже кусками – кто в суп, кто в холодильник. Правда, и потом бывает – сварят уху из щучьей головы, да такой, что она не меньше моей, а потом бабушка возьмёт после разбора щучьи челюсти и сунет за притолоку двери. Зачем-то, не знаю зачем, но догадываюсь: так сбывается её что-то невидимое, тянущееся ниточкой из глубины, родовое. На всякий, как понятное...

И даже, иногда забывшись, колешься об эти колючки кривых щучьих зубов... Вот, спасибо, напомнила!

От остальных и этого не останется, только где-то в уголке, как монетка, язьяная чешуйка да запах висящего на заборе рыбного мешка – его сколько ни стирай, ни суши – этот запах уже не уйдёт, щекочущий ноздри и вовсе не неприятный, а трудовой,

настоящий. Это воняет городская лень, прикрытая всякими там духами, а труд, особенно рыбацкий – пахнет. Вот в городе, в магазине «Океан» – воротите свои носы, а не здесь. Здесь – всё как должно быть, даже то, что невидимо.

Всё, папка дома – пик пройден, дальше всё успокаивается, рассредоточивается, занимая места. Баня, картошку надо окучить (попутно собирая червей), заготовить веники, подправить трубу на крыше или телевизионную антенну. Напряжение уходит, пружина разжимается, расслабляется, – уже готовясь к новому прыжку – туда, в неизвестность, в какое-то царство, откуда приходят нам эти дары, – так пульсируют дни лета: рыбалка, отдых, рыбалка, перерывчик, а затем неизбежное – приближение осени, тоже царской, но по-новому, в других нарядах, с другими дарами. Не торопись идти к нам, пусть ещё побудет лето. Не надо ничего – ни мороженого, ни новых рубашек! Ничего! Лишь бы оно не кончалось.

Начало жизни

Первый день. Он созревал. Мамке и папке надо было работать. И на всё лето они почему-то не могли брать отпуск (тогда, неведомая мне, шла работа – когда и кому взять отпуск, согласовывая папкин, – ещё в институте, и мамкин – в КБ (конструкторском бюро, куда она ушла первой из института, папка уже потом – по следам). И между лагерем и этим отпуском к концу лета оставался провал, который я проводил сначала у бабушки в Визинге, потом переезжая к папкиным, за двадцать километров.

И вот тут наступал момент, когда мне пришлось отдать целый мир реки, – деваться было некуда. Я бы изнывал недалеко от реки, маялся...

И папка повёл меня на реку – показать места, где мне пришлось бы проводить время одному, самостоятельно. Конечно,

была бабушка Лиза, но она-то оставалась дома, и мне предоставлялась полная свобода – вставай, когда хочешь, иди на реку, здесь делай, что сможешь.

Деревня – одна улица вдоль реки – но холмом над рекою, отодвинувшись вглубь, посреди полей, тянувшихся между деревней и лесом. Снизу от реки было видно пару домов и, понятно, церковь.

Моя тропа шла поперёк этой дороги, мимо конюшни – вниз, к реке – по моим ощущениям, я шёл вдоль каких-то течений, несущих к неизвестности, прекрасной и реальной.

Слева оставалась пекарня, где иногда мелькали фигурки, – то конюх колет дрова, обступившие двор вместо забора, то в окне мелькнёт чья-то фигура и белые руки (почти как в финале «Обломова» – сманившие Илью Ильича), – но это лишь мгновения.

Дальше – луговина с вечно не просыхающей болотиной, проходя которую каждый раз рискуешь наступить и зачерпнуть... И дальше вновь твёрдый берег и река! Слева дикая песчаная однообразная коса, где делать почти нечего, а справа – протока.

Так-то папка совместил этот поход с поиском миног – хоть ещё вечерок провести на рыбалке, прежде чем уехать в город.

И вот мы идём без снастей просто познакомиться меня с берегом – только вилы у папки, загнутые и неровно обмотанные между загогулинами алюминиевой проволокой, чтобы цеплять упавшие в воду кочки, задирать их – и вынимать из них миног.

– Вот тут может быть сорожка, плотва, а вот тут течение – подъязык может клюнуть, окунь... За этим топлячком может и щука стоять...

Папка по берегу подходит к лежащему буквально в метре брёвнышку, – и вдруг изпод него, всплеснувшись, действительно вынырнул щурёнок – и, виляя хвостиком, поплыл спокойно, видимый над песчаной отмелью, на глубину, к коренной реке.

И мои чувства всколыхнулись, и навернулись слёзы: как же так! Это же был уже практически мой бережок! И моя щука! (Я ж уже поймал первую, так что и эту мог бы поймать). И папка мог бы не топтать ногами по берегу, чтоб она дождалась меня! Ох, было горько от ушедшей куда-то моей, только моей рыбы!

Я не сразу, но всё же успокаивался...

Итак, несколько километров берега до конца деревни – и даже дальше, до озера, лежащего на полпути от переправы к деревне, – были мои! Только мои!

Не помню, поймали ли мы с папкой тогда чего на рыбалке... Он уехал, и остались мы с бабушкой одни.

В первый же день и вечер – я был, конечно, на своём берегу! И уже к сумеркам, точнее, к глубокой ночи, бабушка единственный раз вышла на берег звать меня, и я, нехотя, всё же смотался... И поволокся, недовольный, домой, ведь ещё можно было ловить, ещё было видно поплавок!

Бабушка, ощутив бесполезность этого, – ходить на берег и звать, что я навек покручен с невестой-рекой, только вздыхала и радовала меня тем, что встречала мои уловы неизменным восхищением:

– Ну, вот!

И все мои мельчишки до последней варились и съедались, чем я особо не заморачивался, мне было главное поймать, и важно, что я мог кого-то угостить, а может, даже и прокормить, – ведь бабушка, хоть и имела в молодости прозвище «туриа» – журавушка, по натуре была «чери-каля» – мелкая чайка-рыбница, которая самую-самую мелкую рыбёшку готовила, и мы её кушали (я больше налегал на хлеб и всё остальное, долго преодолевая как ни есть это костлявое варево, чтоб не поколоться, не подавиться. Речная рыба нежная и костлявая...). Целое искусство уметь скушать её так, чтобы не возиться долго со всеми этими косточками, – важно понимать, как они идут, какими рядами и где на какую можешь наткнуться. Но я был несказанно рад,

что мой улов полностью востребован, – это счастье речной жизни – делать не ради какого-то удовольствия, а со смыслом... И мои уловы стали возрастать.

По-моему, в то лето меня умудрились никуда не отправить – я застал ещё первый разлив реки после того, как папка уехал. Не сильный, но тем не менее вода поднималась. Вчера сохнувшая на берегу травка сегодня уже блестела росинками в воде, и река отдалялась.

Надо было изобретать что-то новое – на удочку ловить стало сложновато. Я соорудил из обрывков папкиных продольников свои донки и стал их закидывать по несколько штук. Вдоль этого берега сначала жадничал, цепляя чуть не по пять-шесть крючков на каждую. И не успевал реагировать на теребящую червячков мелочь и, видимо, пропускал, когда может клянуть покрупнее...

Но с каждым днём размеры рыбок росли, снасти совершенствовались, будильник ставился утром всё раньше, в конце концов дойдя до предела, – чуть свет, и я уже, обгоняя бабушку, – на своём берегу. После утреннего клёва – домой, и потом, видимо, к рыбьему полднику, как сойдёт жара, и рыба будет выходить из прохладной глубины к берегам, под ноги, я – там (я, как видно, и по сей день там, где «на водах покойных воспита мя»).

Щучку я так и не поймал. Хотя – пробовал. Вообще, экспериментам, от ловли на маленькие блесенки до разного рода закидушек, – не было конца. Но в итоге всё пришло к двум удочкам: побольше и поменьше.

Путешествуя на большие рыбалки, мы с папкой по пути присматривали не только грибы-ягоды, но и заготовки сосенок на удочки. Иногда запас их кончался. Обычно их ломали не рыбы, а неуклюжий домашний люд – женщины, племянники – вообще не понимающие ничего в том, каким чудом даётся уловистая снасть, – для них это обтёсанная деревяшечка, палка...

А для меня – это было моё продолжение, рук, глаз... Всего меня. Настолько мною прочувствованные, что я лишь из-за невозможности этого с ними не сросся.

Это были мои друзья. А противники были – дожди, ветра, ну и, конечно, бестолковые люди (не бабушка, конечно) – те, кто что-то делал на моей реке... То пастухи ведут стадо, и корова застревает в болотине, и её полдня вытаскивают. То катера дают волну... Вот бы этого ничего не было. Но и это быстро проходило. Я находился там, где полностью защищён кем-то, кто видел и знал, что я тут делаю и ради кого.

Это было вовсе не одиночество, о чём беспокоились папка с мамкой, – здесь меня берегла от всего та сила, с которой я поближе познакомлюсь потом, не имея, правда, возможности вернуться туда, в то состояние, когда – протяни руку – и всё было рядом. Весь мир, охраняемый прекраснейшим на свете, – бабушкой, ждущей дома, и церковью, ждущей здесь, – обе молча.

Конечно, дело было в опаске – река и вода – не полез бы, не завяз бы, не потонул... Но то, что казалось важным в лагерьях, – купание как вершина дня, тут – в моём мире – было просто исключено. Это же река, её не трогают лишний раз, тем более ради забав... С ней надо вести другой диалог – долгий, как совместная жизнь, с её тайнами в глубине. Как у женихов с невестами...

Мой ласковый и нежный дождь.

Пропадая на реке, тем не менее иногда я останавливался, вернее – ничто не могло остановить ежедневного круговорота: ещё до восхода солнца – уже на реке, днём – пару часов дома – и снова на реку до тьмы, до заката – ничего не могло задержать, кроме дождя, ненастья, приезда взрослых, короче, вторжения стихии... И иногда просыпавшейся лени, думаю, так же характерной для русской обломовской традиции, как страсть к пропаданию где-то и шастанию.

Внешние обстоятельства иногда пробуждали то или другое, но не как у фордовской бригады ремонтников на конвейере – там они постоянно торчали в бытовке с телевизором: иногда, когда что-то ломалось, быстренько выбегали и качественно чинили, – чтоб снова усесться на диваны перед теликом.

Река моя всё же не была работой. Просто она была всегда, ждала, как с войны или из похода – покрученного с ней воина.

В один из дней – таким останавливающим обстоятельством стала – Олимпиада. Легко вычислить, сколько мне – это было в 1976-м или 1972-м... то есть я учился то ли в 1, то ли в 5 классе. Олимпиады же проводились по високосным...

Телевизор снежит – косыми полосками по бледному экрану, с шелестом – поэтому едва можно различить, что же там происходит...

Сальников... Значит, 76-й...

Я устроился в кресле недовольный, что папик с Миньоном так плохо настроили антенну (нет бы сказать «спасибо», что это вообще есть). Телевизор у бабушки Лизы не её, конечно. Откуда у неё могло что взяться на пенсию в 14 рублей? Это сосланный сюда от бабушки в Визинге старенький – у неё-то всегда поновей, она ж директор... Да и телевышка у них, в Визинге, на горе, которую и отсюда можно увидеть, – вот только телик наш за эти двадцать километров видит её не всегда...

Я, короче, этим недоволен – на дворе накрапывал мелкий дождик – вот, наверно, потому и так же косо снежит на экране... Зябко, на улице ветер, низкие наши северные облака летят быстро, да ещё и бабушки нет нигде...

Иногда я бегаю в сени – там стоит банка с морошкой, – поверх которой периодически сыплют сахар, чтоб он превратился в мёд, но я этот медок прошу – и черпаю без меры.

Мне невдомёк – откуда эта волшебная банка с каждым днём всё пополняется и

пополняется – просто бегая туда-обратно, стараясь не пропустить самое главное: чей-то рекорд, победу, длинный прыжок. Весь уходя туда, где плывут, бегают, прыгают...

И эта формула бесконечного счастья, создаваемого шелестом дождя, его пальцами, шарящими по крыше, барабанищими по намокшей толи. На улице – не моё время – оно всё тут, в кресле – в этих едва узнаваемых бегущих цифрах. Рекорд, рекорд? Нет? Ура, рекорд, мировой! – и ты будто слегка участник этого. В санях шуршит кто-то – бабушка пришла. Мелкий эгоист молится, чтоб она не заметила, сколько осталось морошки. Ну я же всего раза три заполнял блюдце. Ну хорошо, вру, конечно, четыре... четыре. Но никогда в жизни никто не сказал мне ни слова, кроме этого вруна внутри. Конечно, замечали! Конечно, баночка, как горшочек из сказки, – варил сам! Ну не лазила же она по болоту? Ради чего же? Хотя подол юбки мокрый, ну это, может, во дворе.

Да я отработаю! – вот пройдёт дождь – наловлю рыбы опять. Так что это нечестно – ведь это же лето – можно и поваляться, не?

В такие же дни, когда по телику не было ничего интересного или он окончательно умирал, до следующего папкиного приезда – в ход шли книжки... От перетасканных из библиотеки Жюль Верна и Дюма (полные собрания, за которые мне потом доставалось от тёти: за лето я перетаскивал всё сюда, а обратно кто будет тащить?), были кроме них и местные простенькие книжки – про быт каких-то послевоенных тружеников, эти ждали до следующего года здесь, потрёпанные, старые, пожелтевшие... лёгкие. Вот в толстые тома романов погружаться было всегда неудобно, напряжённо и долго с отвращением знакомясь каждый раз с новыми персонажами, с новыми обстоятельствами. Всё, что не вписывалось в местный простой быт, было поначалу чуждо или странно...

Однажды, сильно простыв, перебрался на несколько дней в холодную комнату, на

сенной матрац, где не вставал несколько суток, – одолел «Бравого солдата Швейка» – впервые смеявшись уже не по-детски...

Жизнь без реки – и есть болезнь, телесная или духовная, а книги – пилюли, призванные лечить этот недуг... Ну, или игры...

Я уже вырос, но поскольку летом – почти всё время в деревне – то не успевал нахастаться по городу на велике (это был удел тех, кто вжился в город). По нашим же дорогам приходилось передвигаться только «одиннадцатым номером» – на своих двоих, да ещё выцеливая, где и как шагнуть, – хорошо по хлюпким мосткам, а то и просто по камешкам да чурочкам.

Это я восполнял, оккупировав холодную половину дома, где гонял на сосланных сюда великах выросших из них племянников и племянниц, – водружаясь на них, огромная дылда, как медведь в цирке. И вдыхая этот сенной запах холодной половины, и висящую в солнечных лучах взвесь, как лучший гонщик в мире. Рассказывая себе сказки о том, где проезжаю, и что я тут наделал, и кого победил.

Бросая это гиблое дело – гонять на малюсеньком клоунском трёхколёсном велике по комнате, – падал на уютнейшую кровать с сенными матрасами – побеждать сосланные сюда кроссворды в журналах «Огонёк», иногда почитывая детективные романы без начала и конца (номера были не все).

Когда и журналы я добил и прочитал от корки до корки, – то вновь меня будоражили лес и река, как брат с сестрой, оставленные мной, – ради чего? «Что может быть лучше плохой погоды?» – название какого-то детективного романа как нельзя лучше отражало степени роста – от комфорта – к состоянию, когда весь мокрый насквозь, и это тебе нравится!

Первое такое осознанное действие я тоже помню, когда едем с папкой за груздями, – и я уже знаю, что сухими нам оттуда не вырваться! У папки – дождевик, у меня тоже всё более-менее непромокаемое, и

там нас ждёт лес. Но! Мы идём за груздями! И знаем, что это неизбежно, – быть мокрым как цуцик!

Вот они – первые грузди, отвоёванные будто в какой-то вылазке за линию фронта, – и ощущение даже некоторой приятности – вымокнуть с ног до головы, чтоб их найти, собрать, вынести. Вывалить дома ворохом, скинув всё это влажное, преодоленное – с долей мужества, ощущая некую выросшую от этого в тебе силу. Дождь? Ливень? Да это всё ерунда! Тем слаще будет возвращение... Ведь не страшны ни дождь, ни слякоть... – и что там ещё... Ведь мы ребята, ведь мы ребята с шестидесятой широты!

Что нам эти кошачьи царапанья дождика! Вон у бабушки на коврике восточный богатырь задрал пасть льву и замахнулся в ударе булавой! Мы и тигра можем побороть, не только этого ласкового котёнка, мурлыкающего и зовущего в сон и шепчущего: может, не пойдёшь на реку-то? Может, не? Как это! Бабушка вымокла, ходила за морошкой, а я – нет? Не-е! Конечно, пойдуй! В дождь лучше клюёт! Точно!

Золотые колосья будущего...

Как я ни пытался увильнуть от всяких лагерей и прочих общественных «прелестей», – но с мамой в поездки ездил всегда, всюду... Москва? Да, конечно! Я уж знал, что мы будем жить около ВДНХ – и мама каждый день будет там, в нашем отделе лесной техники, конечно, лучшей на свете! Там будут макеты, в которые я играл у них на работе, а здесь, правда, нельзя.

Конечно, самый заманчивый павильон – «Космос» – был подальше, в самом конце, а наш – не доходя до него слева... Я в городе ориентировался, как в лесу – без компасов и карт – по каким-то поворотам и приметам. Так же я находил и обратный путь – вот «Космос», его глыба, как ориентир, как

церковь в деревне. А наш «Золотой колос», стало быть, по правую руку и вглубь (никогда не помнил названий этих улиц).

ВДНХ, с этими золотыми фонтанами, в окружении снопов пшениц, – была тёплым, уютным местом, где находились, конечно, и развлечения, но я их не помню – наверно, обычный стандарт: качели, колесо обозрения, мороженое... Короче, это всё было и у неё...

Меня однажды оставили сослуживице мамы – тёте Наде и её маме... Они меня кормили вкусным, но необычным фасолевым супом. Рядом, через пару домов от неё, находился наш парк, Мичуринский. Там и развлечений для подрастающего дитяти было всего парочку – колесо обозрения и карусель. Ещё рядом стоял ларёк, где давали лимонад... И вот тётя Надя не могла отказать чужому ненасытному дитяте – дала мне выдуть аж две бутылки только появившихся тогда «Саян». Едва осилив этот нелёгкий подвиг, преодолевая все эти прорывающиеся в нос атаки пузырьков со вкусом таёжной зубной пасты, – я попросился на несколько кругов карусели – не рассчитав, что хоть и назван в честь Гагарина, – но далеко не космонавт... Короче, отдав всем окружающим кустам всю газировку обратно... веером...

С тех пор «Саяны» – это точно не моё. У многих в детстве так бывало – кто халвы объестся и больше видеть её не может, кто ещё чего...

Мамка бы, конечно, не допустила этого, ограничивая меня в меру, чего не могла тётя Надя, стараясь баловать меня во всё.

Вообще, у них в конструкторском бюро были просто какие-то особенные, чудесные люди – немного от слова «чудик» из тогдашних наивных фильмов про фантастику. Скоро и папка перешёл из института к ним – и правильно! Институт, по моим детским воспоминаниям, был местом имперским, давящим своим объёмом, размахом пространства, гулом больших лестниц, путаницей коридоров... Не то что «КБ», –

располагавшееся, правда, несколько своеобразно – на другом берегу реки, в затопленном весной Заречье.

Для меня было загадкой – как можно жить в месте, которое весной точно затопит?! И для чего выстроены даже мостки с переходами по верху улиц (задолго до того, как они появились в Москве) – полностью, начиная с переправы, до конструкторского бюро все доходили по мосткам!

КБ было при судоремонтно-судоостроительном заводе, на котором имелась даже маленькая верфь для постройки громко называвшихся судами – катеров на воздушной подушке! (Сейчас, правда, от этого СОСЗ не осталось даже фундамента... «перестройка», чтоб она была неладна. Ну кому помешал этот и ещё многие другие заводики?)

Плоховато это с той точки зрения, что если пошёл в школу – и забыл или потерял ключи, то надо идти через весь город, да ещё спуститься к реке, да ещё дожидаться, если он не на обеде, – катер «Коммуналик», чтоб переправиться... – и обратно столько же! Для обломовской души нет хуже ужаса!

Но зато там, в КБ, был постоянный огонь, постоянное веселье и занятие – эти все ВДНХ-шные макеты там полностью переходили в мои руки... И я сплавлял брёвна, собирал из них плоты, перевозил на прекрасном макетике жёлтенькой «Лолы» кучки карандашей, изображавших хлысты. Мой железный танк ТТ был мощнее любых завалов, таская за собой веера со сенок и ёлочек. Как в фильме «Девчата», – от этого веяло свежестью, бодростью, запахом свежеспиленного леса, стружки – короче, занятие что надо – и древнее, и вечно новое!

Кругом были и ещё интересней штуковины: мамин коллектив постоянно что-то выдумывал, и в альбоме к каждому Новому году прибавлялись фотографии; вот семьдесят какой-то: стенгазета, где из журнала вырезаны фигурки балерин и балерунов...

И к одной фигурке приклеена мамина голова, а к другой – какого-то дядьки в очках! И я видел в этих взрослых, рассматривая полотно и читая их шутки, – свою родню, детей, так и не выросших до состояния угрюмых, вечно озабоченных людей.

Они катались с нами с горы, вырывались куда-то на воскресенья, ходили в походы, какая-то сила, энергия – была из них ключом.

А журналы? Они читали (и мне доставалось) «ИР» – изобретатель-радиоконструктор, где, пропуская все эти формулы и выкладки, было ясно, что вот-вот всё это внедрят – и мы заживём в другом мире! В котором всё тяжёлое достанется им – изобретателям, даже, мечтал я, машину по сбору ягод – черники, голубики – скоро придумают, так что останется только лишь сливочки собирать! Вот машина прошла – оп! – и у тебя уже ведёрко черники... Это ж какая может быть польза человечеству! Ну и, конечно, рядом – «Наука и жизнь», «Техника – молодёжи», «Квант» – короче, иной мир был рядом, и все эти люди действовали, чтоб приблизить его... Правда, иногда тратя время на лишнее, портящее природу: их опытный земснаряд, не такой огромный, как обычный «Вурдысь», – с хоботом, через который он должен стрелять водой с грязью, на мой взгляд, был довольно вредной штукой...

Омалото того что портил реку, распугивая окружающую рыбу, – так ещё и неприятно шумел, и ещё гавкал как-то... Точно крот – как переводился этот «Вурдысь». Короче, когда он объявлялся в районе деревни, – я испытывал некое напряжение и неприязнь, как и к водомётным катерам, дважды в день переходящим по реке и дававшим волну. И именно тогда, когда клюёт... А то ещё поставят катер под церковь – и он гавкает, будто простуженный, на холостом ходу, пытаясь откашляться и высморкаться, пока команда убежала наверх... Куда? Конечно, к магазину! Зачем? Ну конечно, за водкой!

В этом отношении КБ мне нравилось – они держались какой-то гусарской, лёгкой радости – по фоткам, да и по воспоминаниям видно, как льётся в фужеры шампанское, как люди веселятся, а не напиваются до бесчувствия, – короче, как на свадьбе, а не в пьяном похмелье... Кому это мешало? Спорт... Фотографии с сенокоса, куда их обязывали ездить на пару недель. Короче, это был для меня пример горожан, знающих мир, который не надо портить...

Правда, как же далеко приходилось туда идти... Я даже научился лазить домой через окошко, попросив кого-то посадить. Так натренировался в этом, что мог бы выиграть, наверно, эти соревнования, – ключи-то забывались или терялись очень уж часто... Это тоже болезнь, детская. Беззаботная... Ключи? Да новые сделаем! Да что у нас ценного-то? Это уже с годами пошла мода, – а раньше двери-то и не закрывались – мы сами (не поодиночке, конечно) могли войти к кому угодно, просто толкнув дверь. А в деревне всё ещё проще – поставлен веничек к двери – значит, нет никого... У бабули к этому было приспособлено старое, серое, уже негодное коромысло. Хорошо, когда вещи не режут глаз, выглядят естественно на своём месте, – тогда порядок.

Вот такие вещи и нужны – отслужил своё, относил воду – и на покой, сторожить мир...

Ушло в песок всё, что было на месте маминого завода... Машины своё отслужили – неужто этим взрослым не видно: не надо тратить время на нечто суетное, лишнее... Вот я вырасту! – буду не как они! У меня не пропадёт ни одного мига на всё это пышущее дымом, чихающее, дурное... Лучше обойтись без этих костылей, на своих двоих...

Жаль, так мало времени у папки на то, что мы любим, думаю, больше всего на свете. Непутёвые всё же эти взрослые (кроме папки с мамкой) – пожилы, поболели и пропали... Где, зачем? Построили себе лаби-

ринт города, в котором, конечно, ходишь, как в лесу, но там-то гораздо больше чего есть, а тут вроде мест много, а как пустыня. В космос слетали, ну, молодцы! А дальше что? Войну выиграли – хорошо! Для чего? В детстве мы, конечно, умнее всех взрослых, сильнее, дальновидней.

Высоко сижу, далеко гляжу!

Впереди всё было в заботе, в нетронутой тишине...

Потревожили

В более дальних поездках – маме нездоровилось, и приходилось ездить пить воду – я был как в командировке от наших мест.

Трускавец, горы, Закарпатье – во! А у нас нет гор. Горой считается холм и тянущаяся за ним возвышенность, на которой стоит церковь.

Это из папкиной частушки, иногда вырвавшейся у него при приближении к дому:

Вожа – гора, Вожа – гора!

А дальше не запомнилось, кроме этой радостной тоски по родной горе-холму. А тут – Карпаты! Настоящие горы. Есть ли тут змеи? Оказывается, есть... И это вызывает некоторую тревогу – у нас-то места благословенные, их нет. Опять же деревья – тут по дороге стоят такие дубы, что и десять человек не могут взять в обхвате... Но вот рек – не помню, не встречал, значит – ничего достойного, а у нас-то лучше. И воздух, воздух! – охают взрослые – что взять, это ж горожане. Им неведомо, когда идёт дождь несколько дней проливной, – и оживают все запахи...

Не, в горы уж больно жарко! Уж больно долго и круто идти по ним, да и добравшись – думаешь, что эта чудо-вода за один раз, как в сказке, – всё как рукой снимет, ну за два разочка, ладно... А она какая-то странная – будто подтухшая, серой отдаёт! Но пьют её совсем смешно – из плоских

кружечек, у которых через ручку идёт носик с дырочкой, чтоб тянуть эту воду. Вот дыковинка! Ладно, хоть такой сувенир с этого непонятного юга!

На горе павильон, и в центре этот фонтанчик... Лишь бы помог! Но, честно говоря, на северный манер ничего уж сверхинтересного. Ну да... с колеса обозрения видно горы покруче, побольше, все в зелени. Время идёт, а мы тут прохлаждаемся, а там – рыба клюёт! Вот скоро самый клёв – и лещ, и стерлядь. Фото на память у дуба – и стремглав домой!

Ура, дома – вот это воздух! Вот это «гора» наша, вот церковь, вот черёмуха у дороги, вот открытая дверь – ура, дома есть кто-то – что может быть лучше?

Бабушка! Опять она по-коми, а я – взрослый уже детина, и по-коми, и где-то вставляю английские слова! Бабушка удивлённо, но всё же промолчав встречает эти загогулины моей речи и неизвестные слова, но... Всё встаёт на места... Удочки целы? Червяков нет? Ну ничего, мы доски у крыльца поднимем – они там лежат в своих канавках. Сапоги на ноги – и бегом на реку! Вот она – моя воля!

Гумилёв, наверное, напрасно делит людей на гармоничников и пассионариев, «людей длинной воли», – полагая, что некоторые успокаиваются на каком-то общественном компромиссе, не желая никаких перемен, – вот это червячки-гармоничники! – чтоб никто не поднимал их досочку, чтоб всегда там было темно, тепло и влажно. А некоторые, пассионарии, вроде бы ломают этот порядок, выползая на свет, – в дождь переползая дорогу, выгнанные из порога затопившей их водой... Но только сознательные.

Всё не так – любой человек «гармоничник» – вот только гармонию свою он испытывает с некоторой идеей, религиозной в общем-то, расположенной в пространстве так, что она частично видна, а частично – нет, просто для этих гармоничников их досочка, придавливающая мир, – ле-

жит чуть по-другому... Иногда являясь, конечно, совсем уж гнилой, подземной, а то и адской плитой. И эти же гумилёвские гармоничники бывают большими революционерами, чем пассионарии, – способные на действия, – как посади в клетку к кроликам зайца – они его запинают, забьют, не вынося его запаха, – реакционеры, короче, озлобленные! Чем им заяц-то помешал?

Так что гармоничники – все! Включая соседних трактористов, пылящих по дороге, вряд ли, конечно, верящих в какое-то общеупотребительное в те времена «светлое будущее», – куда направлялись они колхозными рядами... Но зато внутри у него настоящая серьёзная гармония. Где-то есть и его божество. То ли золотинка, то ли капля водки, то ли ещё что... Но это ж не женское украшение – его не носишь, не увидишь, не похващаешься!

Даже тот же пастух, гонявший мимо меня коров, и тот, хмуро осматривая мои уловы, что-то кумекал, светлел, одобрительно буркал какое-то слово – и дальше – управлять коровами, кнутом да матом; и он иногда, я видел по следам, брал и удочку в руки, сидя на берегу, пока они там жуют. И он находился в согласии с этим миром, и видимым, и невидимым – в своём соотношении... И он прошёл и ушёл куда-то, даже лица не вспомнить, – пройдя краями по миру, и нигде не бывая, как и многие. Что их грело?

Ясно дело, таких мыслей у меня тогда не было! Вернее, то, что бродило в душе, не облекалось ни в какие слова, отпечатываясь ощущениями.

Маленький лесок за спиной, вдоль моей канавы, был безопасен в силу своей микроскопичности – длиною, может, чуть меньше километра, да шириной в парутройку десятков метров, – но имел при этом своё назначение. Максимум, что можно было тут раздобыть, – это несколько ягодок земляники, не обобранных коровами, да пару грибов.

Но и в этом лесу однажды обнаружили кого-то. Оказывается, с севера кто-то бегал сюда. А бегал обычно вдоль реки, когда ягода идёт и есть чем подкрепиться. И вот эти беглые – разобрали трубу печи в магазине, хозяйственном, и залезли в него, – а поймали их по дымку костра именно в этом лесочке.

Сам магазин являлся для меня местом загадочным, вечно тихим и сумрачным, где по стенам висели вещи, которые, возможно, так и старели там. Из нужного мне были парочка видов несуразных крючков, разные, уже готовые, для начинающих – удочки... Остальное – чёрно-красные платки, молчащая гармонь выражали какую-то просьбу, чтоб их хоть кто-то взял, даже незачем... Взять и отдать бабушке... Просто из любви... Раз эти вещи кто-то сделал, значит, они кому-то нужны? Не мне, конечно. У меня есть всё – сапоги, куртка... А тут тихое царство пленных вещей, так что я вовсе не боялся этих беглецов, пришедших их освободить!.. Ну хоть кому-то они оказались нужны! Только сама дерзость и испуг перед ней, присутствовавший у деревенских, для которых это было большим событием, цеплялся за память, как чужой крючок...

Всё. Это всё прошло. Чьи-то побег, мысли, дерзкие не по месту действия. И успокоилось, встало на свои места – как червячки, как червячки... Все в мире как они. Только чужие канавки и колеи вызывали стойкое неприятие – не моё, не моё... Вот канава – моя!

Открыли мы её наскоком. Я уже освоил берег, но на неё – начинавшуюся совсем рядом – не обращал внимания. Только однажды, поймав там краснопёрку.

Потом, приехав, уцепил её глазом и папка – а там пробовал? Я говорю – да! И вот мы с папкой, с дядей Мишей, устроив поход со старым дедовским бреднем – прямо под деревней, – заворачиваем и сюда, где, по моим словам, есть мелочь какая-то... И уже в темноте, от сумерек, от наваливших-

ся комаров, – взбаламучивая застоявшуюся тину, – прочёсываем её начало – оп! Что-то есть, блестит! Поймали! Ещё заход – ещё несколько! Так вот она какая, канавка, теперь уж я её не упущу! Папка с дядей Мишей уезжают обратно, и я остаюсь её полным владельцем... Вот я червячок, в самом деле! Ходил мимо по своим дорожкам, а счастье-то – рядом! Ничего, что папка с дядькой чуток потревожили, остальное-то уж наше... Аж дыхание сводит, когда представляешь, как будешь там ловить. Есть там рыбка, а раз она есть, – то мы её найдём... Пымаем, как говорит папка... Дождаться бы утра. Не нужен нам берег турецко-трускавецкий, и Африка нам не нужна! Уж нам бы дожить бы до свадьбы-женитьбы! До встречи с канавкой моей...

Хлеб лодочкой

Во время застолий мне нравилось, как взрослые поют некоторые песни. Мамины подруги, уж не помню, из института или ещё откуда, затыгивали на несколько голосов какие-то «тополя» или про то, что нельзя рябине к дубу перебраться, – и вот нравилось как-то, не знаю почему...

Вообще, можно сказать, жили мы, по нынешним меркам, очень целомудренно. Киношки, посещаемые регулярно, были для нас источником описания драк, приёмчиков: а он ему – так! А этот – так! Дыдыщ! И если уж на какой-то минуте, не детского, конечно, сеанса, не утреннего, 10-часового, а другого, куда лишь некоторым переросткам удавалось пролизнуть, – то шёпотом говорили, что на такой-то минуте целуются! Уж не говоря о другом. Киношки же обсуждались даже ради мультиков, которые шли перед сеансом и на которые нацеливались, как на десерт, стоявший перед обедом. Прикидывали, стоит ли потратить 10 копеек на поход в киношку и не заменят ли мультики чем-то другим? Может, «Фитилём» – это ещё куда

ни шло, но не какой-нибудь нудной документальной штуквиной...

Эти городские заботы легко перебивались с первой же слезой весенней капли...

Я понимал бабушку Лизу... Как ей стало одной зимовать в деревне – заносить дрова, воду... И её с наступлением зимы приглашали в город, то к нам, то к семье маминой сестры, к дяде Мише... Но с первой вот этой каплей, упавшей с крыши, бабушка начинала собираться в деревню, и ничто уже не могло её удержать, ничто... И я был такой же – бежал туда вслед за ней, уже, конечно, как школа закончится... Там же моя канавка – рыбалка, поклёвки...

Пока я не заболел рыбалкой, когда вставал уже задолго до бабушки, нас иногда клали на полати, где мы, ребятня, возились, играясь во что-то. Так было здорово, уютно.

Утром – ни свет ни заря – бабушка начинала шебуршиться внизу. Если впереди был какой-то праздник, то она выпекала что-то в печи. И ставила потом рядами на тёплые досочки, поднимая наверх, на два бруса – под потолок, накрывала полотенцем – доходить, настаиваться, медленно остывать...

Этот хлеб, шаненки, ватрушки, калачи – были вкуснейшими в мире. Самые простые тоненькие лепёшки оказывались такими вкусными, что невозможно остановиться, – мы тягали их оттуда, думая, никто не замечает. И от этого они становились ещё вкуснее. Шанежки с кашками, с грибами, с картошкой, с творогом, пирожки с капустой, с яйцом и рисом (это уж городская мода), просто с зелёным луком, с груздями... Рыбники, ватрушки с творогом – перечислять затруднишься. Венцом мастерства были какие-то лодочки, где топкая норка в виде продолговатой остроносой ладьи – помещала в себе пышный белый каравай. Для детей это оказывалось не так интересно – а-а, без начинки... Только с возрастом мне стал нравиться этот не-

обычный вкус сочетания чёрной, кисловатой, простенькой подложки с нежным белым хлебом внутри. Что-то символическое, древнее было в этом хлебе – какого я больше в жизни не встречал...

Но вот я начал вставать всё раньше. опережал бабушку, которая уже и печь-то стала реже... Из глубокого детства я ещё помню каких-то овец, которых она держала и которые вздыхали там, внизу, когда заходил на сеновал, скажем, за удочкой... Но затем и они исчезли...

Изменения я измерял, конечно, по-другому – своим уловом. Канавку изучил настолько – мог даже на заказ пойти и поймать что угодно.

Вот приближается мамин день рождения, она – августовская. Времён барселонской мученицы Евлалии. И я, готовясь к этому, выхожу со своими двумя удочками к канавке, точно зная, что поймаю! Должен! Правда, ещё не знаю – как!

Удочка подлиннее – всегда рядом со мной... Где и место утопано, и одно брёвнышко в виде подставки, другое, если есть, под сидушку. Если не клюёт – передвигаешься чуть дальше, на два-три метра, а на это – удочку покороче, на всякий, контрольную, так сказать... И вот так, прочёсывая канавку, которая сама-то от силы метров сто, – ловишь, процеживая утро по капле. Тихо, чтоб не спугнуть рыбу, – начинаю утро. Пока ничего... Уж потом, ближе к середине, начало клевать, и я краем глаза увидел что-то необычное, – маленькая-то удочка чуть не согнулась, хлещет воду! Вот она моя (и мамина, конечно) – рыба! А я без подсака – привычка выводить рыбу на берег (да и подсак был один, на крупную, папкин) – потихонечку, потихонечку... Не зная, как она там засекалась... Я ж не видел ничего на поклёвке. Тяну уже за леску, как запруду, – вот он, лещ! Первый... Только бы не опростоволоситься – взять его за жабры сверху как следует, не упустить. В эти мгновения будто учишься молиться по-настоящему. До пота, превращаясь в

единое целое, – слабая лесочка, глаза, губастый лещий рот... Вот он начинает заваливаться на бок – фухх! Взял как надо – и на берег! Ура! Всё! Как надо. Как и предполагал. Как и должно быть.

Продолжаю дальше – середина канавки пройдена, скоро конец... Опять поклёвка, уже на другую. Характерная, лещиная. Я же ловлю по-хитрому, по-донному, когда два крючка идут по дну, а поплавок наверху, под кончиком удилища. И пока нет поклёвки – течение его слегка потягивает. А лещ – роняет червячков, подняв их со дна. А затем – начинает тянуть, медленно, в струну вытягивая и леску с поплавком, и загибая удочку – пора! Дзынь – леска рвётся у самого кончика. И я, ошарашенный этим неожиданным горем, теряюсь на мгновение – как же так? Это же маме, ей – это её рыба! И смотрю то на удочку, то на канавку – как такое могло случиться? Вот поплавок плывёт безвольно по течению... Или нет? И вдруг понимаю – поплавок понемногу спускается, значит, рыба прибилась к концу канавки, к прерывающему её ряду брёвен. И там, на привязи, моя, наша рыба! Что делать – раздеваюсь, скидываю всё, в одной рубашке лезу всё глубже, переступая по слизким пенькам сырых брёвен, тянусь к поплавку – ага, вот! Что там? Есть! Е-е-есть! Не сошла... И медленно пачусь обратно, только бы не споткнуться, не соскользнуть – и тяну понемногу рыбку за собой...

И уже на берегу – подтягиваю её, как первую! Ура, уф, ну слава Богу! – вот на, ещё крупней первой. Мамкины, к дню рождения, к дню появления на свет Божий! Как и было задумано – вот уж какой мастер!

Поскольку я не рассказывал об этом маме, она не помнит такого. Да и как тут упомнишь – сколько рыб было в нашей жизни, сколько уловов, сколько рыбацкого счастья... Не запомнилось – и ладно. Что толку от памяти? Всё забудется. Пройдёт как в песне... И печаль, и радость... И запах рыбы на руках, и грязь на шпалах... Хотя...

Сама она не пройдёт. Хорошо – сапоги шоркаешь на обратном пути об росу... А вот и шпалы. Но ведь это всё оправдано!

Берём из реки живые дары, но они-то с неба! Вот парадокс...

Манна небесная

Когда канавка, вернее, протока в неё мелела после жары, – то, как я уже говорил, мне приходилось перебираться подальше вверх по течению, чуть выше церкви. К месту, где начиналась песчаная полоса, огибавшая нижнюю часть села, которое мы открыли с дедом Степаном после первого пойманного там леща, – да ещё в присутствии Васьки, разволновавшегося до ужаса и впрягшегося в безнадёжную конкуренцию со мной, – я уже считал это место полностью своим. И точно так же, как канавку, неторопясь, прочёсывал, сначала за утро, а потом и за вторую половину дня все травяные окошки. Ловить, правда, уже приходилось совсем по-другому, не на донную, а так, чтоб приманка почти стояла на месте в этом окошке, где в проводку ловить было нельзя, – слишком мало места... Приходилось приноровляться, чтоб поплавок как-то полулежал, полустоял.

Будильник при этом заводился всё раньше и раньше, – чтоб вот точно ничего не пропустить, упираясь уже в предельные значения, когда в половину третьего утра на дворе ещё едва только собирается зорька.

Дни стали похожи друг на друга, наслаиваясь, как облака, как коврик-половик, сотканный из старья, – впрочем, как и эта книга.

В этот день я шёл на особый рыбацкий эксперимент. Рыба клевала так себе, а к концу утра, прочесав бережок, я понял, что там нет ничего путного. Но у меня в запасе имелось секретное оружие – в старой половине дома, внизу гардероба, я обнаружил какой-то ветхий мешок с бабушкиной

крупой, которая никуда не годилась, – она уже была потрёпана какими-то жучками, оставившими там и свои коконы... Короче, не долго думая, я набил карманы этой уже отжившей своё крупой, – понимая, что нет ничего иного для её употребления, – мы птицы вольные и не держим там ни кур, ни гусей...

А из крупы – подумал я – выйдет отличная прикормка. И вот, уже окончив свои попытки что-то поймать в травяных окошках, я подошёл к стыку этой травяной отдели с совсем уже мелью, где начиналась песчаная коса, – дальше идти было некуда...

Солнце уже переместилось высоко и лениво лежало за ровными, будто коврик, серыми полосками облаков, – словно кто-то проводил по небу ровные полоски кисточкой, а бумага неба была мокрая, и полоски слегка текли книзу – впрочем, без всякого даже намёка на дождь – просто ровные облака, за которыми, как за одеялом, лежало высокое солнце, говоря, что вот скоро уже полдень, и пора бы мне домой, а ему – наконец вылезти из своей постели...

Пора так пора! И я, уже презрев обычную осторожность и маскировку, стал сеять всю эту крупу в воду – веером, надеясь, что, может, хоть кто-то позарится и приблизится к берегу.

Здесь уже было течение, уводившее от берега тех засохших мошек и их куколок, и сразу же налетали верхоплавы, склёвывая их, а крупа падала на дно, очищенная от жучков-паучков... Медленно опадая, как снег, как манна небесная, – только не для людей, а для рыб.

Уж и не надеясь что-то поймать, я всё же положил себе предел – раскидаю всю крупу, подожду немного, и если не будет ничего – так и быть, полплетусь домой. Кстати, путей было два – по берегу, по тропе, спокойно до дороги, уходящей к нам мимо паперти. Или же напрямик, – но это надо взбираться к церкви, на холм, а как отдышишься от стоящего, будто невидимый кисель, травяного воздушного настоя, – вниз,

мимо церкви и магазинов. Но этот путь мне заказан – с моим-то уловом и чумазым видом – ещё увидит кто!

Пока прикидывал, один из моих поплавок пополз, леска вытащилась – я сначала даже не поверил своим глазам! И такая тяжесть в руке – ого-го! Это вам не подъязык, которого мы упустили с мамкой на заломе, – это зверь! Что делать? Рыбина рвёт руку из тела, не то что удочку из рук – я уж думал, может, придётся просто удочку отпустить или вместе с ней в воду спускаться... Это уж как пойдёт... Но обошлось! Как-то удержал, не упустил далеко рыбину. И я потихонечку, конечно, не как в классических руководствах по рыбалке с удочкой, – сбросил назад всё удилице, взялся за леску, – а на привязи, будто конь, – вижу, что-то бултыхается. И всё ближе, ближе... Язь, язище!

Первый в моей жизни – на удочку. Вот такой огромный, на мели, на прикормку (значит, действует!). Уже не дыша, подтягиваю к берегу. На песчаную отмель, и рукой – сверху, по-отцовски, как я видел, как он учил (но на словах-то можно, а в жизни попробуй овладеть ею), – взял и к берегу. Мой! Мамочка дорогая, здоровенный... У меня и в сумку-то наплечную половина не влезет! Что делать? Оставить – боюсь – выпростается, ушлёпает в воду. Хотя это и неэстетично, и некрасиво, но деваться некуда – у берега стоят столбы для боны, обвязанные толстой проволокой, – вот отгибая, как могу, одну из них и продевая сквозь жабры, – вешаю на столб. А что делать? Надо ж собраться, удочки смотать... Да и извозился – хоть чуть почиститься – теперь уж точно пойду через деревню, мимо церкви и магазина и, если повезёт, мимо Васьки! Вот так и заткну его поползновения, что я тогда случайно «его» леща поймал. Что он теперь скажет? Вернее, покажет?

Не заметил, как вдруг начал накрапывать мелкий дождик, – всё вокруг намочило... Кровь течёт по бревну... Сейчас! Надо

ж как-то приспособиться рыбу-то нести – в сумку не войдёт, да и так, напоказ, оно ж рыбаку сердце греет, хоть папка говорит – никогда не хвастаться уловом. Так я и не хвастаюсь! Срезал прутки и продеваю вместо проволоки – язю сквозь жабры.

Взлетаю на холм одним махом – это ж моё время – время признания, открытия миру, что я – рыбак, как папка! Мимо церкви, магазина – уж чуть не тропа моя тут протоптана от ежедневных мотаний.

Кто-то из взрослых видел – удивлялся. Васька заценил взглядом – побежал рассказывать своим – во какая! И в мою сторону, в сторону нашего дома – дескать – я-то оттуда. А я и не замечаю – мне главное – бабушка! Я ж ей целого язя тараню! Я ж – рыбак!

И бабушка охает, всплескивает руками – и даже против всех правил говорит – раздевайся, я сама почищу. А я и не сопротивляюсь – сама так сама. Скидываю мокрое, да и чуть в крови рыбьей – по траве-то от дождя роса... Умываюсь, а сам краем глаза вижу: бабушка вспарывает языку нашему брюхо, а оттуда течёт что-то белое, расплывается...

Бабушка радуется: гляди, сколько икры! А я понимаю – это ж не икра, а крупа... Мошки-то по верху поплыли, а очищенное, жёлто-белёное – расплылось по дну... Икра! Сейчас меня раскроют... Сейчас получу я своё! Сердце ёкает, замирает...

А бабушка-то не замечает – радуется! Собирает всё в тарелочку – вот будет пирог так пирог!

Утром, уже не пойдя никуда, – дождь разошёлся, да и как-то не хотелось – слышу: в печи стук, запах... Точно! Бабушка стряпает. И к моему пробуждению пирог уже на столе...

– Попробуй! Ох, как вкусно! Ну рыба-а-ак!

Пробую, замирая вновь сердцем, – вкусно, конечно, но вкус необычный какой-то: знаю, что это не икра, но всё же, всё же...

– Вот молодец! – ну раз так, то и хорошо.

Отличный пирог, просто в первый раз такой... Из чего-то светлого, очищенного, прошедшего мои карманы, воду, рыбу... – и вновь у нас, на столе.

Окрашивая тот день каким-то светлым, внутренним, всё меркнет, а остаётся – это жёлто-белое, текущее, в обрамлении серого дня, с облаками половичком, за которыми ложе солнца.

Наука играть и умирать

Конечно, кроме пистиков и сабель, ещё в глубоком детстве у нас были объекты вожделеннее – более сложные и, соответственно, дорогие. У кого-то – пластиковые автоматы «Огонёк», тарахтевшие, пока хватало батареек, и испускавшие порывистый свет из лампочек.

До этого, детсадиками, мы хотели иметь такие особенные игрушки, как заводные машинки, двигавшиеся по контуру. Там был даже момент, когда машинка заезжала на эстакаду, которая опускалась на другие пути, – машинка съезжала и продолжала движение. На этот круговорот машин можно было смотреть долго. Это как свидетельство какого-то особого статуса, чьего-то особого положения.

Были ещё сами машинки, от простых до точных копий моделей, но это нас никак не волновало, в отличие от их выносливости. Срок службы зависел, конечно, от прижимистости хозяина и от прочности – потому что заезды заканчивались дуэлями лоб в лоб, чья прочнее...

Так же мы оценивали и другие игрушки – был какой-то вертолёт, пластиковый, который, держа за ручку и дёргая за верёвку, мог запустить кто-то повзрослее. Но не дома, конечно. Вот когда папку вытаскиваешь во двор, можно было несколько раз запустить вертолёт. Но пластмасса быстро стиралась там, где находились зубья шестерёнок. Да и сами лопасти могли выдержать не так уж много запусков, и кроме

того – требовался взрослый, а с ними – какая игра...

Помню, папка мастерил дома какую-то игрушку – там самолёт летал на некотором подобии качелей-штанги, на другом конце которого был шар, с какими-то особенными деталями. Летал он классно, но тоже недолго – слишком сложно запускался и легко ломался...

Некоторые игрушки я брал с собой – они требовали свободы. Вот доставлен в деревню летающий змей, который тоже ещё надо собрать. Но папке некогда, он успевает только приладить друг к другу реечки и полотно, но запустить его мы не успеваем – нет ветра, а папке надо в город...

А я один, мало того, что ленив, да ещё и неспособен обучаться таким вещам – нам надо всё и сразу! Поэтому первый же запуск стал последним. Для улучшения аэродинамической ситуации я выхожу на реку, на косу... И – запускаю эту конструкцию – ветерок дует вдоль русла. Вроде летит, низенько-низенько, как инвалид... Ветер порывистый: то есть, то нет. И в один из моментов затишья – турбулентность – этот покоритель наших небес рухнул в реку и, подхваченный течением, помчал от меня... Вдаль, навсегда, мелькая рёбрами реек... Всё, что я успел спасти, это моток лески. Будто сорвавшаяся рыбина освободилась из лап непутёвого хозяина.

Та же участь постигла и катер на батарейках, который следовало запускать где-то в фонтанах в городе (только фонтанов-то ещё не было тогда). Но не в реке... Где и он быстро исчез из вида.

Так что из технологически сложных игрушек у нас был выбор между конструкторами разных видов – одни пластмассовые, с пупырышками, тоже различались по размерам, количеству деталей и, соответственно, цене, что, видать, было важно для родителей. Второй – металлический, из всяких уголков с дырочками, которые следовало свинчивать болтиками с шайбами.

В этом уже был смысл – видишь, как из-под твоих рук (совместно с папкой, для начала) выходит кран, который ниточкой может что-то поднимать. И это работало. А в школе, не рассчитав своих сил, я стал на уроке собирать конструкцию, как крейсер, но закончил всё это лишь к глубокому вечеру, оставшись чуть не один в классе. Хороша ложка к обеду. Так что триумфа моего («пятёрка» в дневник не в счёт) никто не видел. Зачем тогда было стараться?

Ещё до школы, в садике, как-то зайдя в наше отхожее место, помню, обнаружил – что-то не так. По той коричневатой жидкости, которая полилась, – у меня нашли желтуху.

Ох... Температура, жар, я лежу в больнице – как я помню из наших детских разговоров, мы считали, что температура около 40 – смертельна. И вдруг обнаруживаю – у меня такая... Всё? Смерть? Конец?

Рядом сидит нянечка, что-то читает. Я вижу её изнутри какой-то ватной куклы, в которую я превратился, будто в надутого китайского дракона: ручищи, ножищи, губищи – всё ужасное, какое-то огромное, не подчиняющееся тому маленькому «я», которое беспомощно бьётся внутри, наблюдая за этой старушкой, – ну почему я? Почему я сейчас умру, а она вот так будет спокойно читать дальше?

А потом навеивается другая мысль: хорошо, пусть я... пусть я умру, а она – живёт... И падаю в пропасть.

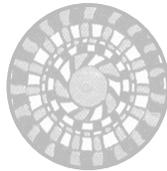
Просыпаюсь, а мне уже легче. Пришли проведать родные – в окошко внизу вижу папку, мамку, вот Миньон машет мне. И я остро ощущаю, что он машет мне как рукой-клешнёй, на которой не хватает пальцев, – их отхватило ему в шахте – вечно он лезет куда-то. Я жалею Миньона и думаю, как так можно жить?

Мне передают мой конструктор. В соседней палате Игорёшка, он тоже болеет. У него такой же конструктор. И мы устраиваем соревнование броневиков, – кто крепче слепит машину из этих пластиковых

деталей, чья конструкция будет прочнее. Садимся по концам длинного большого коридора и с размаху, целясь лоб в лоб, разгоняем свои машинки – уфф! Летят брызги с пластмассы... Как же жаль свои конструкторы, и очень жаль, что они останутся здесь навсегда, когда нас выпустят. Но это, конечно, волнует – как же, это же конструкторы! Но и с этим мы смиримся – свобода дороже самых ценных ценностей...

Впереди – долгая, как взрослый сериал, жизнь, полная подвигов. Как «Вечный зов» или «Семнадцать мгновений весны». Или «Тени исчезают в полдень» – вот только мы те герои, Штирлицы, – которые обошли смерть, преодолели её, рыцари добра, воюющие за справедливость. Этому же нас учат в школе, нет? Хотя в саду и в школе никто не учит встречать смерть – вот так неожиданно.

Продолжение следует.

Екатерина
ЦУММЕР

**Екатерина Леонидовна
Цуммер** родилась

13 декабря 1976 года в
п. Мадмас Усть-
Вымского района.

Окончила СыктГУ по
специальности «юрис-
пруденция». Проходила
службу в Прокуратуре
РК, затем в Следствен-
ном управлении След-
ственного комитета
РФ по РК. В настоящее
время на пенсии по вы-
слуге лет.

Публиковалась в альма-
нахе «Белый бор», в жур-
нале «Арт», в интернет-
журнале «Русский
глобус», на сайте
«Российский писатель».

Лауреат премии «На-
следие» (2015). Автор
книги «На пороге» (2016).
Дипломант II Конкурса
художественного пере-
вода с языков народов
Российской Федерации
«Услышь, Россия, наши
голоса» (2021).

Член Союза писателей
России (2020).

Облако на ветке

стихи

* * *

Мой главный день давно уже отмерян,
Уверенно поставлен вечный шах.
Как больно, словно падают деревья,
Уходят дни... и ускоряют шаг...

Отмечен чёрной галкой в общем списке,
Мой главный день едва ощерил пасть.
Проставлен, словно штампик о прописке,
Сжимает горло, изгаляясь всласть.

Мой главный день, минута и мгновенье
Навалятся и, превращая в прах,
Растащат на куски с остервененьем...
Гогочет время уткой на сносках...

* * *

Как будто в небо выстрелили дробью –
Всё в дырах. И, наверно, оттого
Оно глядит измученно, со скорбью
И ждёт, что кто-то вылечит его.
А может, в небе проступили раны
От вбитых кем-то нескольких гвоздей?
Утильсырьеры выдирали рьяно
Из неба гвозди, чтоб продать скорей.
За унижение небо не накажет,
Хоть плюй в него, хоть бей его плетью.
Лишь перст свой укоризненно покажет,
Общаясь с неразумными детьми.
Глядит оно измученно, со скорбью,
Покоем исцеляя от всего.
Сегодня в небо выстрелили дробью,
И ждёт оно, кто вылечит его...

* * *

Дожди. Тупик. Уездный город N.
Ждём головной вагон. Не до мечтаний.
Застыли, чуя близость перемен
Мест, времени, законов и сознаний.
Надеемся, что вывезут и нас
Из тупика на светлую опушку.
Сползает с полки старенький матрас.
За окнами шумят одни лягушки.

* * *

Мой храм полуразрушен,
Полусвят.
Скелеты куполов,
Хребтины арок.
Иконостасом вывешен закат,
Его огонь мучителен и ярок.
Пустые окна смотрят в небеса,
Рассечены делением на клетки.
Я помолчу, от слёз болят глаза....
Здесь вместо свода облако на ветке...

* * *

Странная осени весточка –
С почками тонкая веточка,
Спряталась прямо под листьями
Рыжими, яркими, лисьими.
Ты потерялась во времени,
Став одинокой, без племени?
Иль, не изведав страдания,
Юной осталась и раннею
Чьей-то любовью укрытою,
Или случайно забытою?
Может быть, просто влюблённая,
Стала ты заговорённую?
Странная осени весточка –
С почками тонкая веточка.

16.09.2020

* * *

Белая ночь – это вечный и замкнутый круг,
Долгий роман без эпиграфа и окончания,
Спящие чувства в тебе просыпаются вдруг,
И прерывается птичье ночное молчание.
Бродят влюблённые, слушают песнь соловья.
Их обсуждают берёзки зелёные – сплетницы.
Тихо вздохну. Неужели по-прежнему я
Верю в рассветы, с которыми жизнь переменится?
Снова куда-то иду, надеваю очки,
Чтоб разглядеть эти сумерки северно-белые.
Будет роман неудачный – порву на клочки:
Ночью осенней я это не раз уже делала.

24.08.2021

* * *

У механизмов инстинкты животные.
В доме, среди этажей,
Ночью охотятся лифты голодные
На беззащитных людей.
Без церемоний (они не приучены),
Шустрых, влюблённых, больных
Подстерегают, уставших, измученных –
Лифты хватают любых!
Вместе с портфелями, платьями, косами,
С велосипедами, без,
Вместе с цветами, шарами, отбросами,
Всех, кто протиснулся, влез,
Лифты глотают! Беги, улепётывай
Ты, по ступеням шурша
Тапками, уггами, кедами, ботами.
Фора – на пол-этажа...

Электрички

Стояли спящие электрички,
Прижавшись лицами, грея щёки.
Как две обнявшиеся сестрички,
Смешав с сопением вздох глубокий.
Неслышно снег, опускаясь ниже,
Их укрывал, а они невольно
Друг к другу жались всё ближе, ближе...
От снежной ласки им было больно...

«В единой связке»

В едино слившись, словно бы навек,
Шли в странной связке волк и человек.
Сквозь чащу, буреломы всё быстрее
Они бежали среди лесных теней.
Стегали их деревья, ливня шквал.
И встречный ветер лёгкие им рвал.
И чья-то воля скалилась, смеясь.
Летела жизнь, за нею смерть неслась.
Всё ближе подступал её оскал,
Меж ними сокращая интервал.
Мгновение. Стремительный бросок.
Закат кровавый лёг наискосок.
И битвы хрип рвал в клочья слух земли.
Друг в друга тени словно проросли.
Как чёрный ужасающий клубок,
Катаясь, дрался человековолк.
Кинжал, клыки, рычание и стон.
Прощальный взгляд скользнул за горизонт.
И с поля битвы, отрясая грязь,
Жизнь поднималась, смертью наслаждаясь...

* * *

Я – человек, чей взгляд подобен призме,
Где всё прямое видится кривым.
Ношу я панцирь даже на харизме,
Не верю посторонним и своим.

В коробке (мне футляр не по размеру)
Сама себе служанка, госпожа,
Давно живу и отточила веру
До остроты иголок у ежа.

Сквозь щель коробки, опасаясь стужи,
Вдыхаю воздух и глотаю смог.
Непрочного убежища снаружи
За много лет сломать никто не смог.

Мне кажется порою, если кто-то
Порвёт коробку (это ж не броня),
То в груди упаковочных ошмёток
Он может вовсе не найти меня...

* * *

Точки... Кружочки... И линии, линии.
Дождик рисует чернилами синими.
Город асфальт искупал в многоточии
Кошек, дрожащих шерстистыми клочьями.

Новый мазок – многолужье на улицах.
Автомобили рассерженно хмурятся.
К стёклам оконным прижавшись ладошками,
Дети вздыхают носами-картошками.

Взмах... Растекаясь, домов отражения
Смыты художника нервным решением.
И восстановлены синими красками,
Снова глядящими жёлтыми глазками.

Бережно штрих, наслаждаясь, изящную
Создал фигурку, в тумане парящую.
В каплях купая её с восхищением,
Дождь испарился и стал наваждением...

* * *

Санитарка Синичкина носит линялое платье
И пальто на ватине, давно потерявшее цвет.
Есть работа, и это считает она благодатью,
Ведь районным больницам опять сократили бюджет.

Упраздняют медпункты во всех деревнях и посёлках.
Из райцентров больницы грозят передать в города.
Санитарке Синичкиной долго до пенсии, долго.
Если завтра уволят, куда ей деваться тогда?

Не мечтает она о курортах, и может лишь глобус
На зарплату купить. Телевизор и мебель – в кредит.
Да на днях отменили последний районный автобус,
А пешком ей уже нелегко на работу ходить.

Умер муж. Дети в городе бьются в силках ипотеки.
Слава Богу, работают, только доход невысок.
Но пока силы есть, чтобы взять подработку в аптеке.
Да ещё выручают умение шить и крючок.

Завтра снова в больницу, страдать, чьей-то боли внимая.
Мыть лежачих, палаты, горшки тяжело, но должна.
Ждут её небеса, и откроются ей двери Рая,
А страна позабудет, Синичкина ей не важна.

* * *

Зима смеялась. В блеске фонарей
Стояли в шапках снежные сугробы.
Бок о бок, рядом в пустоте аллеи
Шли ты и я, смеющиеся оба.

Вороны, грустно сев на провода,
На нас глядели, лапки поджимая.
Спешили на пригретые места,
Звенели полуночные трамваи.

Сердечный ритм затеял чехарду
(Счастливый бег). Предвестником объятья,
Как маленький охотник, на ходу
Ладонь ловила нежные пожатья.

* * *

Расстаёмся. Ты – неподсуден...
У любви перерыв на снег...
Слишком долгод и слишком труден
Был её торопливый бег.
Гордой поступью иноходца
Шла она сквозь дожди и зной.
Огрубела любовь,
От солнца
Стала кожа её сухой.
Взгляд устало коснулся...
Осень...
Ветер рвётся сквозь щели век...
Оправданий никто не просит.
У любви перерыв на снег...

* * *

Половина пустого стакана
Полу трезво глядит, полу пьяно.
Полу съеденный вечером ужин
Полу нужен мне, полу не нужен.
Полу ссора была, полу шутка –
Полу честным ты стал, полу чутким.
Полу злюсь я и полу простила –
Полу чувствую, полу остыла...
Полу близкая – полу чужая,
Полу выстояв – полу живая.
Полу муж или ты полу гость?
Полу вместе мы и полу врозь.

* * *

Было небо безоблачно синее,
И взметнулась душа в эту высь.
Показалась она себе сильною.
Показалось, что силы взялись,

Чтоб плевать на закон тяготения.
Легкомысленно веря в мечты,
Не учла ни ветров, ни затмения –
Потеряла контроль высоты.

А законы, как вы понимаете,
Постоянны, и в этом их власть.
Чем быстрее и выше взлетаете,
Тем скорее придётся упасть.

Жить душа могла тихую ящеркой,
Сладко спать среди серых камней,
Но разбилась. А чёрные ящики
Ничего не расскажут о ней...

12.04.2021

Совместное стихотворение с Наталией Катрук

Не встречаются ангелы, рядом в трамваях не ездят,
В супермаркет не ходят с тележками по выходным,
И в ближайших аптеке, кофейне, театре, подъезде
Не увидишь их в перьях спешащими к людям. Одним

Нам приходится жить и самим суетиться под солнцем,
Совершая ошибки, страдать, попадая в беду.
Уповаю и верую с тёмною силой бороться
Или, сдавшись, пропашую душу оставить в аду.

И горит светофор на пути, будто знак многоточья.
Крошки света вчерашнего могут исчезнуть в метро.
Только ангелы есть, и они к изголовью ночью
Вместо белых цветов преподносят тихонько перо.

Потемневшее сонное небо и звёзд половежье
Превращают они в одеяло. Их участь ясна –
Растворятся к утру, потеряв только перья от плоти,
В колыбель положив сновиденья, оставшись без сна.

24.06.2021

* * *

Ну, вот и снег!
Как за ночь замело
И фонари, и крыши, и заборы.
Смят аванпост. Захвачены просторы,
Усиленные снежные дозоры
Выходят ночью. И трещит стекло
Ещё обороняющихся рек,
Но снежный сокрушитель набег.
Наш город слаб.
И цитадель тепла
Вот-вот падёт. Уходят гарнизоны.
Уже кружат голодные вороны.
И пахнет древесиною сожжённой.
Должно быть,
Осень искрой отжила.
Зима на царстве. В моде снежный драп
С трилистниками чёрных птичьих лап...

«Сыктывкар – столица мира»

Увы, и я, как многие, в Париже.
Вдали от милых северных домов.
Погнавшись за иллюзией престижа,
Оставила столицу городов.

Совсем забыла про судьбу Икара.
Стремилась к солнцу, к радостным лучам.
И улетела прочь из Сыктывкара.
Столица мира брошена. Ничья.

Хватай, как марокканское печенье.
Бисквитом неба набивай карман.
Парижских улиц тонкое плетенье
Меня поймало, заманив в капкан.

И обожгло, как пламенем букашку,
Гулящей девкой оголив бока.
А в Сыктывкаре облачных барашков
Несёт куда-то тихая река.

Бреду слепой, спалившей оперенье,
Раздражена снующею толпой,
Мечтая, что увижу на мгновенье
Мой город на Парижской мостовой.

Переводы с немецкого

Моника Шуе
Лист

Лист на ветру,
Что был слепую почкой,
Теперь окрашен в тёмно-рыжий цвет.
Зелёный прежде, солнцем обогрет,
Как снасти проливным дождём измучен,
Бесшумно опускается на твердь,
Ища покой. На каменистой почве
Он позабытым, брошенным умрёт.
Весна грядущая, сверши круговорот!

Н. Шмидт
Осенние мысли

Ох, опадают листья разноцветные.
И дерево лысеющее голо.
Бросая вызов, терпит зимний холод,
На месте оставаясь. Гибнет бедное,
Когда идут снега и ветер лупит.
Какое мужество!
Терпи, весна наступит!

Ричард Зак
Зимний дождь

И снова серый, серый дождь, постылый.
Листва сгнивает в уличной грязи.
Продрогнув, лужи на дороге стынут,
Туман навис угрюмый и унылый.
Жизнь замирает. Гибель ей грозит.

И снова муть, муть в воздухе застыла.
Земля мрачна и силится вдохнуть.
Как будто новый день похоронила.
Не дарит солнце радость, разлюбил.
Наступит ли весна когда-нибудь?

литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный иллюстрированный журнал Республики Коми

АРТ

КОНКУРС «АРТПИЯН» ВОЗВРАЩАЕТСЯ!

В 2022 году журнал «Арт» вновь проводит
литературный конкурс «АРТПиян»

Тексты принимаем на коми
и русском языках

**Возраст
участников:**

Номинации:

- Сказка
- Пьеса
- Перевод на коми язык

- 7-15 лет
- 16-25 лет
- 26-40 лет

Ждём ваши работы:

- artkomi@mail.ru
- 167000, г. Сыктывкар,
ул. К.Маркса, д. 229, каб. 136
(АУ РК «Редакция журнала «Арт»)

Сроки:

15 марта - 15 ноября
2022 года

**Положение
о конкурсе:**

- www.artlad.ru
- vk.com/zhurnalart

Участвуйте!
Побеждайте!

Алексей
МИШАРИН

Алексей Васильевич Мишарин чужик рабочёйлон семьяын 1949 вося апрель 5 лунё Корткерёс районса Шойнаты сиктын. 1969 воын помаліс Сыктывкарса сельскохозяйственной техникум. Уджсьыс орёдчывтөг велёдчис инженер-механик вылө Ленинградса Лесотехнической академияын. Став олмыс да уджыс вөлі йитчөма сикткөд да видз-му овмөскөд. Кызь во веськөдліс видз-му овмөс предприятиеён. Россияса гижысь котырö пырысь.

Из вылө из

Роман

Заводитчөмыс 2021 вося 3, 4 номеръясын

Коймөд глава

1

К азахстансянь Коми муö туйыс кузь. Колö воодчыны поездон Москва пыр. Сыктывкарсянь ю кузя теплоходон катны.

«Заря» теплоход вылө Андрей пуксис радпырысь. Öтикö, дышөдмөн лои туплясьны поездса нар вылын, а мөд-кө, теплоходыс пыр и казьтыштис: чужан муыс матын нин. Час-мөд, и лоас гортын.

Палуба вылө шоньд төвру вайис төдса, ныртö гильөдан көр. Мыччысис Важтыбок сикт. Игнатов дзоргис-видзөдис берегсö, теплоходсö виччысьысь йöз чукöрысь корсис төдса чужөм, но весьшөрö. Сэккості теплоход небыдика зургис асьыс нырсö сөйөд кырийö. Матрос пыр жö нюжөдис трап да лөсьөдис воысьяслы петанін. Игнатов босьтис киас ичөтик чемодан, лөсьөдыштіс юр вывсьыс фуражка да воськовтіс трап кузя.

Берегыс крут, йылөдзыс нюжалöма важиник моски. Гашкө, воськов сө кымын лоö. Москиыс первой алькөс, а сэсся пыр крутмө, пөрö тшупöда поскö. Воысьяс сёрсьөн-бёрсьөн кашкөны-кайöны пос кузя.

Игнатов дыр сулалөм чибö моз өдöбтіс кайны да вель унаөс панийис. Көсйис отсыштны öти олöма нывбабалы катöдны нопсö, но мөдыс шашаритчис, эз сет. Гашкө, чайтіс мырддьөмөн.

– Он кө-й, эн, – öвтыштис Андрей.

Кайис кыр йылö да сувтыштліс. «Заря» теплоход торйөдчөма берегысь да веськыда шурөдö-кайö юлы паныд.

Кыр йылын сулалісны брускусь тшупөм кык судтаа көкъямыс-дас кык патераа керкаяс. А сэсся заводитчисны öтка, ас керкаяс. Найö мыччасисны веж пуяс да кустьяс сайсянь.

Сынӧдын бовъяліс чӧскыд, дзоридз кӧра ру. Андрей апыштӓ морӧс тырнас гожся сынӧдсӧ. Дольд лов вылас! Лэбачьяслӧн дзользьӧм-сьылӧмыс нӧшта на содтӓ нимкодьясьӧмсӧ. Гортас воис! Граница вылын унаысь думнас и вӧтӧн волӓс чужан сиктас. А ӧні явӧ тувчалӧ, кокниа восьславсьӧ.

Андрей тэрмасис, синйис кок увсӧ, медым не сувтны, кӧні моски пӧвйыс чегӧма. Ӑттшӧтш гоньяліс ӧтарӧ-мӧдарӧ. Кык воысь дырджык лои ветлӧма ылі муясын. Со совхозлӧн кантораыс, а сылы воча – кирпичысь тэчӧм вичко-клуб. Армияӧ ветлӓгкостӓ вежсьӧма уличаыс. Вольсалӧмаӧсь машиналы ветлан чорыд веркӧса туй.

Лои ордйӧдӧма почта, а сэсся Раймаг шор. Шор бокас важ моз на тутвидзис неуна пӧлӧстчӧм раймаг. Лавка нимӧн шорсӧ шулӧмаӧсь. Ӑні шор гураныс кажитчис ляпкыдикӧн. Буракӧ, чорыд веркӧса выль туй понда. А гашкӧ, Андрей ачыс быдмыштӓ, верстяммис, да сйӧн шор гураныс ляпкыдӧн кажитчис.

Муртса вуджис шорсӧ, паныдасис Тоня Потапова. Ӑти классын велӧдчылісны. Весиг коркӧ ӧти парта сайын пукавлӓсны. Тоня ичӧтик тушаа. Рудов юрсисӧ быдтӧма кузя, кӧсаӧн лэдзӧма морӧс вылас. Гӧгрӧс чужӧм шӧрын чурвидзыштӓ шмака ныр. А сы улын гӧрдӧн мавтӧм вӧсньыдик льӧб да ёсь тшӧка. Синкымсӧ ныв паськыда краситӧма съӧдӧн. Ньӧтчыд сйӧ Андрейлы эз глянитчыв. А ӧні паныдасис, да быттӧ юр вежӧрыс вошлі, пыр и сывйыштӓ:

- Верӧс сайын абу?
- Абу, тэнӧ виччыси, – серӧктыштӓ нылыс.
- Сидзкӧ позьӧ рытнас воыны тэ дорӧ?
- Виччыся, – бара кильксмунӓ Тоня да кежис воча керкалань.
- Аддзысьлытӧдз! – Андрей ӧвтыштӓ сылы кинас.

Гортын некод эз вӧв: кильчӧ ӧдзӧс тасалӧма карнанӧн. Андрей пырис, пӧрччис кительсӧ, воськовтӓс ӧтарӧ-мӧдарӧ порог дорсянь пачводзӧдз, пуксис матич весьтӧ. Дзуртыштӓс ӧдзӧс, мыччысис мамыс.

- Ӑнюш, тэ али мый? – чуймӧмӧн уськӧдчис Анфиса.
- Ме, мамӧ, ме, – сывйыштӓ, тапнитӓс мамсӧ мышкӧдыс.

Тайӧ кык вонас мамыс тӧдчымӧн пӧрысьмӧма. Весиг чышьянсӧ юрас кӧртыштӧма пӧч моз, тукъярӧн.

– Эг на виччысьӧй. Нинӧм эн гижлы да, – водзӧ шуалӓс мамыс, быттӧ мыйыськӧ дорйысис. – Нинӧм ӧд прамӧя эг пу. Ъвла пачын пусям да, со шыд сӧмын эм, кӧдзыд. Дзик пыр электроплитка вылын шонтышта.

– Эн шогсьы, мый эм, сйӧн и нурьясям. А гижны эг удит, другӧн лэдзисны гортӧ. Бура служитӧмысь.

Анфиса нимкодъпырысь видзӧдлӓс пиыс вылӧ да нӧшта зильджыка мӧдӓс ноксыны пачводзын.

Рытнас керка кутӓс тырны йӧзӧн. Чойяс, вокъяс, бать-мам, матысса суседъяс – ставныслы окота аддзывны локтӧм армеечӧс, пукыштны вина румка сайын. Регыдӧн и гажмисны, варовмисны. Тарас пӧль, кодӓ вӧлӧма кык война вылын, медся ёна юасьӧ:

– Жаланошколяс вӧлін эн? А автоматъясыс ӧні кутшӧмӧсь? Лыйсьылін али картина выльыс сӧмын аддзылін?

– Менӧ, дедӧ, бура лыйсьӧмысь и водзджык лэдзисны. Не кӧ тайӧ, ӧні на граница вылын вӧлі, – лабутнӧя, ошйысьтӧг вочавидзис Андрей.

Сылӧн юлытӧгыд ӧдйӧ юрыс шоммис. И вир-яйыс ворсӧдчӧ, лолыс вӧля вылӧ вӧзйысьӧ. Окота ставсӧ шамыртлины-кутлыны. Эз кут пӧльлысь больгӧмсӧ кывзыны. Сйӧ сувтӓс да петӓс пызан сайысь:

- Мам, ме муна, Тонялы көсйыси.
  - Локтигмоз он жө бокө мун, – заводитлис өлөдны мамыс.
  - А мый, воддзаыс эз виччысь, эновтис, а тайө верөстөм, – кительсө босьтигмоз вочавидзис Андрей.
  - Эновтис кө, мед. Абу пара.
- Но пиыс та вылө сөмын вашмунис. Восьтис өдзөс да котөрөн лэччис кильчө поскөд...

Эз и төдлы, кызди коли куим вежон. Андрей кутис гаравны мамыслы удж вылө пырөм йылысь.

- Гашкө, Ягдорө кайны? – катласигмоз шуис сийө.
- Он жө Ягдорө?! – паныд сувтис мамыс. – Пыр Важтыбок совхозас: шөр отделениеас пө механик колө. Олөмыд өд абу тагөс вомөн осььковтны. Колө мөвпыштны, кодарө сетчыны. Ягдорыд туйс пьдөс кодь. Каян сэтчө да сибдан, ыджыд олөмас он и вермы петны. Сийө вожсьыс, сьөд вөр шөрысь да няйт пиысь, ми томдырйи на муним. А тэ – Ягдорө. Эн кай!

Кывзысис мамлысь, мунис Важтыбокса совхоз кантораө.

Пиыс мунөм бөрын Анфиса заводитис пелькөдчыны пачводзын. Кык жыръя залавкасьыс первой отарсьыс став дозмуксө ректис. Пытшсө мичаа чышкис-мыськис да клеёнка вольсалис. Мөдар жырсө осьтис да тыртөм көструль перйис. И пыр жө син улас уси вөлалөм образыс. «Кымын во пачводзын олис. Некод эз вөрөдлы, а со тай, кайөма кийс», – Анфиса думнас шуасис Родьө пи вылас.

Босьтис да гөшкөвикөн чышкалис. Вөлалөм образсө киас кутө, а син водзө ылө кольөм кадыс локтө...

2

Апрель помын Анфисалы воис кад кага чужтыны. Мысын та пөрийө пельшөр эз вөв, некодлы бабитчыны. Колө мунны орчча сиктө. Василей доддялис лагерса ыджыд ужөс. Вольсьыштит пуксяниө турун, сөвтөдис Анфисаөс да петис туйө. Додь сювйыс ёна нин ниртчөма, быран выйын.

– Мед көть бурдөдчанинөдз воөдчыны, – индис додь вылө. – Бөрсө жугалө кө, верзьөмөн локта.

– Туйыс чораса, мед эськө воам жө.

– Анфиса, воам, эн пов, – такөдис Василей.

Кык часөн ыджыд уж вуджис вөлөксө. Кытi рөдийөн, кытi осььлөн. Воисны керйысь тшупөм бурдөдчан керка дорө. Пельшөрыс, олөма нин нывбаба, видлалис Анфисаөс да шуис:

– Оз на лун-мөд вай.

Водтөдисны сийөс ичөтик жырйө. Сөмын кык крөвать төрөма. Отйыс өшинь дорын, мөдыс пач костын. Пачсө тэчлөмаөсь пөшти дждж шөрас. Юкис жырсө кык пельө.

Василей мөдөдчис бөр.

– Ог төд мыйөн тэла вола, – торйөдчигас майшасис сийө. – Шуоны: регыд пө шондөдас.

– Мун, бласлө кристос, кадыс петкөдлас, – Анфиса пернапасалис Василейөс мышсяныс.

Коли лун, мөд, коймөд. Анфисалөн дуб ни дэб, кагук оз вөзйысь петны. Пельшөр волас, видлас да юрнас довкйөдлө:

– Дыр петкөдан.

– Ме абу рад та вылө, аслым сьөкыд.

Öти рытö рöзваль доддын локтис нывбаба: вайсян кад пö. Аныслы ар нелямын, зэв збоа аськö кутö. Перйис зепсыс аскур тыра шкальчик да мыччис Анфисалы:

- Ырснит, мед кагайд петас.
- Ме ог ю, – пыркöдö юрнас Анфиса.
- Он кө, ме гулькнита.

Нывбаба матыстлис вом дорас суляесö, ырснитис да бөр пробкаалис бумага пробкаөн. Рытнас нöшта гоз-мöдысь юыштис. Пыдöсас сöмын кольыштис аскурайс.

- Но, öнi позяс и ружтыштны, – нюжöдчис крöватяс.

Здук мысти Анфиса кылис кагалысь бөрддзöм. Сийö дзик пыр чукöстис пельшöрöс. Пельшöр кужöмөн вöчис ассыс уджсö. Шоныд ваö дзумгылис кагуксö, гартыштис рузумö да мыччис нывбабалы нёнöдны.

- Сэтшöм кокниа вайис, – Анфисалөн тöдлытöг петис вомсыс.
- Абу дивö, талөн витöд кага нин, – нюмдiс пельшöр.
- Верöсöй пи корис, – нимкодясис кага вайысь.
- Пи и чужис, бура корöма, – довкнитис юрнас пельшöр.

Мöд луннас нин нывбабалөн верöсыс гöтырсö и муртса чужöм писö нуис гортас. «Май-быр, налы оз ылö ков мунны, – ас кежас вежалис Анфиса. – Ме кызди бöрсö воöдча?»

Кык вежон петкöдiс Анфиса.

- Ветлöдлышт, керка гöгөр гуляйтышт, – велöдö пельшöр.

Öти рытö гöг увтi ёна кутiс орьöдлыны.

- Воис, тыдалö, кадыс, – нюкрасигмоз висьтасис Анфиса. – Чорыда кватьлалö.
- Аддза, – бурдöдысь видлис да тшöктис водны. – Лöсьöда, мый колö, и кутам бабитчыны.
- Пельшöр сёрнитис лабутнöя, такöдiс Анфисаöс:
- Эн пов, ставыс лоö лючки.

Анфиса вайсис сьöкыда. Ёна кагукыс мучитiс, петис да гораа горöдiс.

– Со, кутшöм багатыр, – мыччис тубрассö пельшöр. – Пи тэнад, Анфиса. Радлы, пи чужис. Верöсыдлы, тшукысь, пи жö колö вöли.

Анфиса сöмын сьöкыда нюмдiс. Мучитчис ёна да, пельшöрлөн кывъясыс эз пырны вежöрас.

Тулысыс, кызди шулис Василей, мукöд во дорысь воис водз. Дугдывтöг пöльтiс шоныд лун төв. Гöгөр сылис, ойдiс. Йи пластьяс да быдсяма лöптыс ю тырөн шлывгис. Туйяс лоины шогмытöмöсь. Кор на найö косьмасны да позяс вöла телегаөн мунны?! Гожöм шөрöдз лоö виччысьны. Сы дыра Василей эз көсий гöтырсö бурдöдчанiнын видзны. Виччысис вежон, медым ытванас кыз йиыс мунас. Опонь пöльлысь корис чери кыян пелыса пыжсö. Босьтiс шоныд паськöм да лэччис ю дорö. Йи пластьяс эз нин кывтны. Сöмын көнсюрö ва веркöсын тыдалiс лөп-өг, но юыс паськыда ойдöма. Василей сынö, жмитчö береглань, ю шөрö оз пет. Дзибрöс пыжыс, он и тöдлы, путкыльтчас. «Татшöм пыжнад сöмын гожöмын ичöt ваөн ветлыны», – думнас шуасис Василей. Весиг каитчыны кутiс, мыйла мöд пыж эз корсь. Сиктад чери кыйысьыд тырмö. Позис паськыдджык пыж босьтны. Но ыджыд пыжнад эськö дырджык ковмис сынны. А тайö көть дзибрöс, дзоляник, да быд сыныштöмысь бура ылö вожöдö юсö.

Василей воис лючки. Енлы эз эскы, но кор пыж нырыс сатшис берегö, «слабогыс» вомсыс петис. Домыштiс пыжсö да кайис бурдöдчанiнö.

Анфиса аддзис сийöс öшинь пыр да зiля кутiс лöсьöдчыны туйö. Табыштiс кагуксö да пуксис крöвать вылö.

- Мöдам. – Василей пырöмөн тшöтш босьтiс гöтырыслысь нопсö.

Та пöрийö сийö эз меліась. Весиг эз чупнит гöтырлысь бан боксö, быттö бокöвöй лоöма. Сöмын здук кежлö чöвтлис синсö кага чужöм вылö да петіс.

Анфиса кага мездорöн вöтчис бöрсяньыс. Пукис дзибрöс пыж шөрö, тöлыслы мышкөн, Василейлы паныд. Мед дзольяслы тувсовъя тöлыс эз веськав, асьнас сайöдіс. Ю вылын тöлыс чизыр. Он и тöдлы, висьöм верман көвъявны. Дыр катісны, мудзмөн лои.

Юыс вöчис кытшов. Мыччысисны мысса медводдза керкаяс. Көнсюрö пач трубаясöд кайис тшын вöсныдик чукульöсь визлöсөн. «Слабог, воим», – думыштіс Анфиса. Муртса тайöс думыштіс, кыскö вывсянь, чукуль сайсянь, кутісны воавны йи пластьяс, лөп-өг, кер помъяс.

– Чöртыд, затор, буракö, мынöма! – горöдіс Василей.

Мый вынсьыс сыныштіс пелыснас береглянь. Зіліс йи пласт костöдыс тювкнитны ветки пыжнас, ордйöдны пластсö. Йöткыштліс пелыс помнас матыстчысь лөп-өгсö.

Анфиса вомгорулас шöпкис молитва. Кага тубрассö суйыштіс питшöгас да морöс гөгöрыс көртыштіс шаль помөн.

Дзибрöс пыжсö быд йöткыштчигөн да сыныштігөн новлөдліс. Анфисаöс тайö ёна повзьöдліс. Сьölöмыс тайкö коклябöрас лэччас.

Друг пыж пыдöсö мыйкö зэв чорыда зургысис. Тыдалö, ыджыд, джынвийö вöйöм, тыасьöм кер пом, кодöс Василей эз казав.

Зургысьöмысь пыж пыдöсöд ыльöбтіс көдзыд ва. Син лапнитігкості Анфиса да Василей лоины сөнік сора ва пытшкын. Көдзыдыс пыр жö йиджис паськөм пыр да сотыштіс вир-яйсö.

– Кутчысь пыж дорышас! – горöдіс Василей да кутіс кинас сынны. Зіліс йöткыны джынвийö вöйöм пыжсö береглянь. Син пöвнас аддзыліс, кызди юыс нуис нопсö. Кыскис, гартлігмоз дзебис ю пыдöсö. «Гашкö, вакульыс нылыштіс и кагасö?» – югнитіс вежöрас. Повзис, мый вынсьыс горöдіс:

– А-а! Спа-аситöй! Спа-аситöй!

– Спаситöй! – тшöтш чилöстіс Анфиса.

Но берег вылын некод эз вöв. Медводдза керкаöдз воськов сё лоö. Кодкö кө вöлі ывлаын, эськö горзöмсö кыліс, но та пöрийö ю дорын эз вуджрасьны.

Анфиса öтар кинас шашаритчöма пыж дорышö, а мöдарнас зіліс лэптыштны вывлань морöс бердас топöдöм ёкмьльсö.

Көдзыдыс пыдöджык и пыдöджык пырис, лысьöмсö быттö парализуйтіс. Кокъяссö кутіс йöрсөн кыскавны. Анфиса кевмысис Енмыслы, мед спаситас, оз лэдз пөгубитны найöс. Муртса чужöм кагукыслөн öд некутшöм мыж абу!

Имитіс, тыдалö, нывбабалөн корöмыс. Воисны берег дорö. Анфиса кымыньөн кавшасис. Медводдза воськовъясыс зэв сьöкыда сетчисны, кокыс эз кывзысь.

Мый вынсьыс котöртісны юдорса керкалян. Думнас котöртісны, но збыльвылас öдва кокныс вöрис. Сы выйöдз вир-яйыс дубалöма. Паськөмыс брöд, ва визувтö, пинь зяткакылö.

Таркөдчисны керка öдзöсö. Восьтіс пöчö, повзьöма камөдчöмсьыд.

– Адöй, мый нö лоинныд? – шлапкерис сийö кинас.

– Пыжным путкыльтчис, пи-иным вö-öйи, – мыкталігмоз артмис Василейлөн.

– Бласлö кростос, нинöм абусö он жö шуав. – Анфиса питшөгсьыс перйис тубраса ёкмьль, кыліс кага бөрддзöм. – Вай, бур мортöй, кутшөмкө кос дөра кагаöс гартыштны.

Пöчыд пыр жö перйис сундукусь дөра да мыччис Анфисалы:

– Гартышт татчö. Миян рузумъясыд абу, а тайö туяс. Кулігкежлö вöлі видза. Чайта, олыш-та на.

Анфиса зэв зіля вежис кагалысь рузумсö. Сэсся вöлись нин ачыс вежсис да сетіс пиыслы нёнсьö. Мам морöс бердын пиыс пыр жö ланьтіс.

Мама-пияос Енмыс видзис. Ытва дырйи юын больөдчөмысь эз висьмыны. А Василейос, мөдарө, висьөмыс чорыда топөдіс. Быттьө биа висьөм кватитіс. Куйлө вольпасын, өтарө-мөдарө шыбласьө, сөрө. Чуксалө Глашаос, Раяос, Анфисаос.

Анфиса синвасө нылалө. Көтөдө рузум да пунктө висьысьлы кымөсас. Муртса здук-мөд мысти рузумьс пөсьөн нин коялө. Василейлөн яйыс сотчөмөн сотчө. Пөгуба, өтарсянь ка-гук дорө колө котөртны, мөдарсянь верөсыс пласьт куйлө.

Колө кутчысьны, чышкыштны синвасө, оз позь сыркъявны, тайөн сөмын сьөктөдан олөмсө. И Анфиса кутчысьө, мый вынсьыс кутчысьө, медым лөньөдчыны.

Воліс Василейлөн начальникыс. Пукуштіс, видзөдліс висьысь вылө да шуис:

– Лагерын пукалө врач. Вежон сайын воис. Лазаретө индім, мөдөдла сійөс.

Анфиса аттьөалис. Сійө дась вөлі отсөглы, көть кодсянь, көть кутшөм мортсянь. Лаге-рын пукалысьыс өд морт жө. Гашкө, мыжтөг веськаліс.

Анфисалы төдса нин стрелок Яковлев вайөдіс бурдөдысьөс. Врач видлаліс висьысьөс да шуис:

– Менам этша мый эм. Со аддзи лазаретысь. Öні вөча укол, пөсьөдас, температураыс лэччас. А тайө таблеткаяссө нөльысь лун колө сетны. Аски, лэдзасны кө менө, вола на.

– Лэдзасны, – өдзөс вугйө кутчысигмоз шуис Яковлев. – Начальник тшөктіс волыны тэ-ныд, кытчөдз Игнатов кок йылө оз сувт.

Тайөс кылөм бөрын Анфисалөн пытшкыс личмуні: «Слабог, эм жө бур йөзыд и началь-никъяс пөвстын».

Василей заводитіс бурдны. Кутіс чеччывны, а гоз-мөд вежон мысти гарыштіс служба вылө петны.

3

...Öдзөс воссьөм шы торкис Анфисалысь думъяссө. Мыччысис пиыс, дыр ветліс. Вөлөмкө, Важтыбок овмөсса директор Георгий Давыдович мунөма орчча отделениеө. Ковмис виччысьны сійөс кык час чөж. Кор воис, секретар, олөма нин нывбаба, лэдзис Андрейос сы дорө.

Пызан сайын пукаліс шөр арлыда мужичөй. Матысянь Андрей сійөс аддзис первойысь на. Висьтасис, мый сылөн эм техник-механиклөн специальность. Кывліс: колө пө бригадир-механик. И мыччис асьыс дипломсө, но мөдыс весиг эз видзөдлы.

– Миянлы специалистъяс оз ковны, – буркнитіс да пондіс лукйысьны пызаныввса каба-лаяс пытшкын.

Андрей дөзмөмөн петіс директор жырысь. Татшөм аддзысьлөмсө и висьталіс мамыс-лы.

– Кая Ягдорө, – чорыда шуис да кутіс лөсьөдны сумка.

– Татчө кө эз босьтны, гашкө, карлань сетчан? – вөзйис мамыс. – Карад асьыд олөмтө верман бурджыка лөсьөдны.

– Ог, ог, кая Ягдорө! – чорыда вочавидзис Андрей. – Сэні меным ставыс нин төдса.

Анфиса эз сэсся пыксы, сөмын сьөкыда ышловзис. Сійө төдліс став сьөкыдсө, ыджыд война воясө мырсьөм, тшыгъялөм. Уна челядьос быдтігөн голь олөм. И көсйис, медым медся пөслукман пиыслөн олөмыс лад вылө пуксис. Мый виччысьө Ягдорын? Мамыс ногөн нинөм бурыс сэні оз ло, со и ышлолаліс.

Мөд луннас Игнатов вөлі Ягдорын.

– Бур, мый локтін татчө. Миянлы специалистъясыд колөны. Босьтчан бригадир-

механикө? – Иван Максимович Сидоров сюся донъялөмөн видзөдліс зон вылө.

Мөдыс лэптыштліс пельпомсө, здук кежлө думыштчыліс, сэсса падъявтөг шуис:

– Босьтча.

– Но и бур. Сөмын нөшта юалөм. Куритчан, курыдтор радейтан?

– Куритча, ог на дыр. Армияөдз заводитлі, а вина-водканад сөмын празникъяс дырйи балуйтча.

– Бурджык, куритчөмтө кө бөр шыбитан. – Сидоров веськыда видзөдліс зон вылө да содтіс: – Сійө бурсө оз вай, а вина юөм вылө оз ков сетчыны. Ме тані өтнам, дзик өтнам тышкася удж вылын юысьяскөд. Надейтча, мый тэ отсасьны кутан.

– Кута, ме радейта жө, уджалігөн мед вөлі бур дисциплина. Техникумын сідз думайтөмөн велөдчи, армияын нөшта пыдөджык тайөс гөгөрвои. Бур дисциплинатөг вермөмъяс шедөдны он вермы!

– Тайө кывъясыс меным любө. – Сидоров меліа вашмуніс, сэсса читкыртліс синсө, нөшта өтчыд донъялана видзөдліс зон вылө да юаліс: – Вөрө ветлывлан, вөрасян?

– Ог. Челядьдырйи воккөд бать ружьеысь ракаясөс лыйлывлі, да и то сөмын өтчыд. Батьө казяліс, мырддис да иган сайө суйис. Сійө эз вөрасылы, ружьеыс ыджыд айсянь коли.

– Жаль, эськө отлаын ветлім вөрас, но да ладнө, – мыччис кисө Сидоров да шуис: – Пырав орчча жыръяс, приказсө сэн гижасын.

Игнатовөс кантораө волан лунө жө пуктісны шөр отделениеса бригадир-механикө. Муртса заводитіс уджавны, звөнитөны Важтыбоксянь: мед пө локтас миянө уджавны, директорлөн пө ылавсьөма, мыйла эз босьт.

Андрей та вылө эз вочавидз, пуктіс телепон трубкасө.

Виль уджө Игнатов өдйө велаліс. Асывнас ысталіс механизаторъясөс водзвыв дасьтөм нарад серти. Кытшовтліс овмөссө, гаражъяс, мастерскөй, кодөс муртса на вөлі панөма стрөитны. Эз кө вөв торъя корөм механизаторъяссянь, пуксьыліс быдөнлы удждон артавны. Мыйлакө овмөсын тайөн ноксисны эз бухгалтеръяс да экономистъяс, а механикъяс, кодъяс дась арталөм кабалаяссө сетлісны налы прөверка вылө да удждон мынтөм вылө. Артасьөмыс төлысь помасигас кыссис вежонысь дыр. Сэки юртө гыжйыштны некор. Та вөсна Игнатов трактористъясөс тэрмөдліс водзджык кырмөдны бригадиръясөс, кодъяслы уджсө вөчисны, да вайны кабаласө сылы. Медым удждонсө позис вочасөн артавны, а төлысь помас кокньыд-джык нарадсө тупкыны. Сэки эськө сылөн быдлунья уджыс эз падмыв.

Өтчыд арся асылө Андрей пырис гаражө. А сәні механизаторъяс гөрдлөны. Серөктасны да видзөдласны Көсьта Иван вылө, коді локтөма трактор корны: запес пө колө телегаөн вайны. Талун Көсьта Иван садь, а унджыкысьсө гажа юра овлө. Вөтласны вина юөмысь, төлысь бовъялыштас, йөз водзын көсйысяс эновтны юөмсө, да бөр совхозө босьтөны.

Андрей кытшовтіс синнас «гөрдлысь» мужикъясөс да юаліс:

– Мый талун асывсяныс варовсь?

– Да со Көсьта Иван серам петкөдлө.

– Ме, дерт, асьныд лөсьөдланныд да. – Көсьта Иван мыччис Андрейлы кабала вылын шыөдчөм. – Трактор кора пес вайны. Кор лоас?

– Аскомысь, водзджык оз артмы. Со медся варовсө инда, Марпа Ваньөс.

Көсьта Иван муніс, а Марпа Вань пыр и висьтасис, мыйла килькисны-сералісны.

Вежон сайын пө колхозной пенсионерка Педөр Парась паныдасьөма улича вылын Көсьта Иванкөд да коньөр моз этша нурдысьөма сы водзын, этша нурдысьөма. Төкөтьө абу пидзөсчань вылө уськөдчылөма.

– Криста ради, – кевмысьөма тьөтөйд. – Мезды, Иванушко! Пывсян подулыс дзикөдз сисьмөма, рок кодь лоөма. Вай веж. Керсө Макал Степан көсйис сетны.

– Талун ог вермы, юрӱй висьӱ, – пыксяс Кӱсьта Иван.

– Велькӱда, дзик пыр велькӱда. Лок пырав ме дорӱ. – Парась тӱрӱдас Иван водзын, велькӱ тас дзирья ӱдзӱс, лӱдзас сӱйӱс ас водзас. – Дзик пыр гӱбӱчӱ пырала.

Педӱр Парась люпнитас дждж улӱ да регыд и мыччысяс. Гӱшкӱвикӱ чышкалӱгмоз бу-мага пробкаа шкальчик вайӱма.

Перьяс грана стӱкан. Гӱгӱрбок видзӱдалас да бӱр шкапӱ сюяс.

– Стопкаыс тырмас юртӱ велькӱдны. Сӱдз ӱд, Иванушко, а то коддзан да удж ни рӱбӱта лӱӱ.

– Ог эськӱ коддзы да. Ладнӱ инӱсь, вай стопкасӱ кысьт. – Иван матыстчас пызан дорӱ.

Педӱр Парась дзик пыр тыртас стопкасӱ да сола ӱгуреч тасьтыгын ваяс.

– Велькӱд юртӱ, мед сӱсся пывсян пельӱсӱй тшӱтш велькалас. Пӱлӱстчӱма ӱд, эн ӱмӱй аддзыв?

– Аддзылӱ, – шуас Кӱсьта Иван да гулькнитас стопкатӱ. – Ён, трасичаыд, вӱлӱма.

– Ме ӱмӱликтӱ ог вийӱд, – ошйысяс Парасьыд.

– Сӱдзкӱ син пӱвсӱ кысьт нин. Мед пывсян пельӱсыд велькыд лӱӱ.

– Ладнӱ инӱсь, кысьта, сӱсся шабаш. Вӱчан уджсӱ да вӱлись.

– Вӱча да пальӱдча. Гӱтыр ӱна видӱ.

Кӱсьта Иваныд куим лун ноксьӱма. Педӱр Парасьлы пывсян подув вежӱма. Эштӱма уджыс. Парасьыд вердӱма, юкталӱма Иванӱс, стӱкан тыр самӱкур мыччӱма да нӱшта на сӱмтор сетӱма. Та бӱрын Кӱсьта Иванлӱн пальӱдчӱмыд бара вунӱма. Вежон чӱж тӱкаритӱма-юӱма, шляйтчӱма кӱн велькалӱ. ӱти асылӱ сӱсся чеччас да шуас пальӱдчыны: тӱрӱм висьӱм пӱ босытӱс дай лӱк вӱт вӱталӱ.

Ломтӱма пывсян да бура шлачкӱма-пывсьӱма, пӱкмелля петкӱдӱма.

Гӱтырыс да челядыс, ныла-пия, весиг нимкодьясьыштасны: пара вежон пӱ кӱть шойччыштам сылӱн кодалӱмысь, став сӱмсӱ пӱ сысьялис-юис.

Пывсьӱм бӱрын Кӱсьта Иваныд гӱтыр вылас мелӱа видзӱдлывлӱ да ӱтарӱ малыштны ырыштчылӱ.

Узыны водасны, но гӱтырыс мышкӱн бергӱдчас. Ёна дӱзмӱма дыр кодалӱмсьыд. Кӱсьта Иван льяксяс гӱтыр бердас, леститчигмоз мелӱасьӱ да пеляс шӱпкӱ:

– Вайлы портманеттӱ.

– Мун, эн няргы, лӱг петӱ! – ылыстчигмоз мурӱстас гӱтырыс. – Скӱрмӱдин менӱ!

Кӱсьта Иван оз ӱвсьы, водзӱ нурдысьӱ. Коставлӱма дыр юигад да, ӱкота. ӱтарӱ гӱтырсӱ малыштӱ да сывйыштӱ. Мӱдыс вот-вот раммас, мыш вылас бергӱдчис. Но ӱд колӱ жӱ татшӱмыдлы лоны! Сӱмын на Иван лӱсьӱдчӱма, пӱлатьянь нылыс горӱдӱма:

– Эн сет, мамӱ, портманеттӱ! Эн! Деньгаыс сӱдз нин абу!

Нылыс вӱлӱм оз на узь да кывзысьӱ, чайтӱма, батыс бара сӱмсӱ пычкӱ мамыслысь.

Некод оз тӱд, кодсянь йӱзасьӱма лӱмторйыс. Но мужикьяс та бӱрын дыр на тешитчисны Кӱсьта Иван вылын.

Игнатов кывзӱс серам петкӱдлысьястӱ да пыр жӱ заводитӱс мӱдӱдавны удж вӱлӱ. Кор гаражӱ локтӱ Сидоров, ыстасян вӱжжиыс вуджӱ сы киӱ. Сӱки механизаторьяс нӱшта ӱдйӱ «доддьясьӱны», тракторьяссӱ да машинаыссӱ заводиталӱны.

Эз тӱдлы Игнатов, кыдзи во джын лои мыш сайын. Ягдор да Важтыбок, Ягдор да Закар-сикт – сӱдз, удж костын ӱтарӱ-мӱдарӱ ветлӱмӱн, кадыс и тюрис-исковтӱс. Шойччан лунӱ Андрей мунлӱс Ягдорысь: то вок дорас, кодӱ овмӱдчис орчча сиктӱ, то гортас – Важтыбокӱ. Важтыбокын сӱйӱ пыр тшӱкыдджыка паныдасьлис Тоня Потаповакӱд. Весиг ӱтлаасьӱм йылысь нылыс ӱтчыд-мӱдысь гарыштлӱс, но Андрей чӱв олӱс.

Виль во дырйи Тоняыд неуна эськӱ и юыштӱс, но этшӱ петкӱдлӱс. Локтӱсны клубӱ, да

пырёмсянь зал тырнас заводитіс равзыны. Андрейлы юр яндзим лои. Бөр нуөдіс нывсө гортас. Тоня ыждалө, туй вылас кутіс кратайтчыны. Лым пиас водіс да чужьясьны пондіс. Андрей дөзмис, өвтыштіс кинас да энөвтіс туй шөрас. Мөд луннас нылыд палялөма да звөнитчө, прөща корө. Прөститіс Андрей, гожөмнас весиг Ягдорө корліс. Оні сылөн вөлі кытчө корны. Сетісны бруссыс тшупөм керкаысь өти жырья патера. Локтіс Тоняыд, сөйисны-юисны, гөрд винаөн чөсмасисны. Петісны ывлаө да рытья Ягдорсө кытшовтісны. Дерт, Ягдорыд абу Сыктывкар. Өтарө-мөдарө муртса верст лоө. Ичөт сиктыс, зато юыс матын, вөрыс ныр улын. Ю дорын позьө пукуштны. Сэтчө и мөдісны ныла-зонма. Пуксисны.

Пуяс костөд мыччасысь рытья шонді югөр улын ворсөдчис ва веркөс, а ылынджык, кытчө шондіс эз нин веськав, чужис кокныдик ру. Кысянькө вөр дісянь кыліс көклөн көкөм: ку-ку, ку-ку.

– Көкө, көкө, висьтав миянлы, кымын во өтлаын кутам овны? – юалис Тоня.

Виччысисны пельсө чошкөдөмөн, но вөрса тун ланьтіс.

– Мөдлаө лэбис, – кывкөрталис Андрей.

Тоня жугыльмис.

– Көк серти кө, тэа-меалөн туйным вожа?

– Сөрөм! Көк мыйкө вермас төдны! Мунам гортө, – Андрей чеччис, пыркнитіс гачас пысасьөм ёгсө да мыччис кисө нывлы.

Вольсасисны диван вылө. Зонмыд пыр жө кутіс маласьны, и мөдыс воча нюжөдчис. Андрей и тадз, и этадз заводитліс, но та пөрийө нинөм эз вөрзьыв, юр яндзим. Мый лои? Эз кут асьсө мырдөнавны, бергөдчис мышкөн. «Енмыс, тыдалө, оз көсйы менө Тонякөд йитны, – мөвпыштіс ас кежысь. – Гашкө, көкыс эз прөстө ланьт?»

Андрей явө Енлы некөр эз эскыв. Мамыслөн кывъясыс дзолядырсяньыс вежөрас колисны: Енмыд пө мед быдөнлөн ас пытшкас, сьөлөм бердас вөлі. Ас кежысь и эскыны колө, гусьөн милөсьтсө корны. Тадзи и вөчліс.

Но медым тадзи мугыртчыны, янавны! Өд сы кодь арлыднад, кызди ошйысьлөны зоньяс, весиг корөсь пөв вылө сувтө, а со мый артмис.

Асывнас чай юигөн синсө оз лысьт кыпөдны.

– Эн шогсы, – шыасис Тоня. – Татшөмыд быд мужиклөн овлө.

– Тэ кысь төдан?

– Төда, ме өд пельшөрө велөдчылі. Вунөдін, көні уджала?

– Эг.

Зонлы сёрниыс абу сьөлөм серти, ас вылас дөзмис. «Импотент», – асьсө думнас ёрис.

Сійө жө асылө Андрей колльөдіс Тоняөс Важтыбокө. Гараж дорсянь удж кузя могөн узик лэччис, да сэтчө и сөвтөдіс. Көдзыда торйөдчис, синсө дзебөмөн. «Не судьба», – рочасьыштіс аслыс да мөдөдчис уджалан жырьяс. А механизаторьяс колльөдісны сійөс вильыш видзөдласьясөн да шпыннылісны.

Рытнас Андрей пырис Лариса дорө, коді оліс улі судтаас регыд на локтөм виль зоотехник Лизакөд. Буретш сы весьтын. Армияөдз Андрей пыравліс Лариса дорө шмонитыштны. Весиг мамыс дырйи веськавліс. Эз на вунөд сылысь «пон нень» вөзйөмсө, а Тонякөд паныдасис да, Лариса вылө кивыль эз вартлы. Аددзысыс да сөмын чолөмасьсө, водзө уйкнитны видзөдө.

Но өні быттө кодкө чуйдіс пырны ныв патераө. Гашкө, Андрей эз и шыбитлы юрсьыс Ларисаөс? Армияөдз паныдасьлөмсянь кутіс ас пытшкас?

– Но төлун и дзуртыштінныд, – дивитана шыасис Лиза. – Он өмөй төд, пу керкаад ставыс кылө? Муртса колльөдін мусуктө, и мөдьяс дорө нин локтін. Абу яндзим?

Андрей пель йылөдзыс гөрдөдіс. «Мыйла и пыри?» – ас кежас каитчыштіс.

– Сідз прөстө пыри. Уна уджыс вөлі, эг вевъяв пусыны, – небыдика артмис сылөн, да лөсьөдчис бөр петны.

– Лок пуксы, сэй. – Лариса пыр жө чөвтис шыд, шөрыштис нянь.

– Гортө пета да ачым пуся.

– Эн ыждав, пуксы.

Андрей эз ыждав, кынөмыс сюмалө. Пуксис пызан сайө, а Лиза кутіс пасьтасыны.

– Тэ кытчө? – чуймис пөдругаыс.

– Петала ыркөдчыны.

– Эн дыр.

Андрей азыма паняліс шыдсө. Аттёаліс да кызкө мөд синмөн видзөдліс Лариса вылө. Эз серамсорөн, кызди водзын овліс. Гашкө, тайө кадсянь и чужис сылөн морөс пытшкас мыйкө сэтшөмыс, коді матыстө йөзсө ота-мөд дорө? Мыйкө өзйис, заводитіс чусавны? Сөмын на чусавны, но тайө сетіс нин кутшөмкө лача виль ног матыстчыны ныв дорө.

Тайө рыт бөрти Андрей Игнатов тшөкыда кутіс воыны нывъяс дорө. Лариса ужинөн вердліс, кор зонмыс эз вевъявлы пусыны. Отчюд весиг ачыс пыраліс Андрей патераө. Адзис шонтысян батареяяс вылысь песлалөм дөрөмъяссө да серөктіс:

– Чуқырыс! Көні да мыйөн мыськалін?

– Тазыын, порошока ва пытшкын, – чуймөмпырысь вочавидзис Андрей. Сійө чайтіс, мый татшөмтортө быдөн төдө и нинөмла юасынысө.

Лариса меліа нюмдіс да велөдыштіс:

– Мыськөм бөрас колө бура кык пөв пожъявны, а пыдзыртан да, пыркнитны и сідз өшөдны. Оз батарея, а көв вылө.

– Батарея вылас өдйөджык косьмас.

– Косьмас, но кольөны туйяс. Медсясө еджыд көлуйын төдчө. Көсьян кө, вай меным паськөмтө, мыськышта.

– Прөстө сідз?

– Да, весиг дон ог кор.

– Но либө кута вайны. Меным көлуйсө мыськавны абу кивыв да-й, веськыда кө шуны, зэв дыш. Бурджык пета да пес поткөдла.

– А-а, буретш миян сарайын колө кухня пачө пессө поткөдлыны, – Лариса вугыраліс зонсө. – Гырысь да, пачсө ломтыны делө.

– Со и вештыся тайөн, – Андрей нюмдіс да меліа видзөдліс ныв вылө.

– Видзөдлам, сямман он вештысьны.

Игнатов рытнас сарайысь став пессө поснөдліс да тэчис. Сёрөдз тырмис ноксыны.

– Лок пыр, ужнайт, – чукөстіс Лариса.

Андрей кикарнас чышкыштіс чужөмсыс пөсьсө да пуктіс колунсө чипас бөкө, тупкис сарай өдзөс. Эз и кайлы гортас, пырис нывъяс дорө. Пызан вылын шыд чөвтөма, руалө да чөскыд дукөн өвтө.

– Со ки чышкөдыс, – индіс ныв. – Мыссы да пуксы сэйышт.

Важтыбокө лэччөм бөрас Тоня звөнитлывліс тшөкыда, но Андрей сёрнитліс коса да дыша. Ныв ыждаліс: эновтны пө менө көсьян али мый? Первой вольпасьө водтөдін, лача сетін, а сэсса шыбитны көсьян?! Андрейлөн вочакывіыс эз сюрлы. Сійө думнас збыльысь эновтчис нывсыс. А кызд он эновт, Енмыс кө паныд? Кутшөм эськө олөм лои? А этшыс Тоняыслөн? Оз, гөтыр вылө оз туй. Да и сьөлөмыс сылөн, веськыда кө шуны, ньөтчюд Тоня вөсна эз ёкнитлы. Сідз, кад колляліс. А мыйла сідзсө вөчис? Ылавліс, өні гөгөрвоис, мый ылавліс.

Лариса мөд делө. Сийö Андрейлы пуö-пöжалө, паськөм мыськалө. А радейтö оз нывсö Андрей? Тывыйö, збыльысь, медым сы вöсна биö и ваö эськө чеччыштис? Татшöм юалöм вылө сьблöмысь чöv жö олө, нинöм оз висьтав. А гöтрасян кадыс воис нин. Но кодöс коралан? Кодöс?

Помнитö ыджыд вокыслысь кывъяссö: ладманныд пö олигмозыс, радейтчöмыд вермас тöдлытöг ачыс локны, мед сöмын кызди гöтыр лои бур.

4

Андрей Игнатов аслас уджалан жырайын гижис запчасьт вылө корöм. Некумын лист бок артмис. Главной инженер локтан лунö Сыктывкарö мөдö да тшöктис лöсьöдны татшöм корöмсö. Андрей дрöгнитис, кор нем виччысьтöг звöнитис телефон. Шыасис директор.

– Андрей Васильевич, – первойысь ним-вичнас сийö ыдждöдлис механикöс. – Волы ме дорö.

– Кор?

– Да дзик пыр. Босьты кутшöмкө машина и волы.

Директор, Иван Максимович Сидоров, эз вöv öтнас. Сылы паныд пукалис шöр отделение-са веськөдлысь Николай Дмитриевич. Уджалысьяс ыдждöдлисны сийöс прöстö Митричöн.

Иван Максимович индис Андрейлы пуксыны улöс вылө да пыр жö панис сёрни:

– Николай Дмитриевич вуджö уджавны Закарсиктö, ачыс сэтысь. Дышöдöма быд лун татчö локны. Да-й сэнi ковмис веськөдлысь. Василий Васильевичöс индисны мөд овмöсö веськөдлыны.

– А ме танi мыйöн верма отсавны? – гөгөрвотöма видзöдлис сы вылө Андрей.

– Верман. Ми вот тöлкуйтiм Митричкөд, – нуöдис водзö директор. – Шуим тэнö индыны шöр отделениеөн веськөдлыны.

– Менö? – Андрей чуймискодь.

– Да, тэ петкөдлин асьтö сяммысь веськөдлысьөн. Позьö ыджыдджык руль сетны.

– Артмас менам?

– Артмас, отсалам. Ассьыд уджтö колян отсасысьыдлы, Пётр Сергеевичлы. Сийö прöстöй механизатор, но тöлксö тöдö. И пыр жö шöр отделениесö примитан. Митрич висьталас, мый колö вöчны. Да и ме танi, кöть кор позьö юавны.

Директор ланьтис, чөвтис Игнатов вылө донъялан видзöдлас да мыччис веськыд кисö.

– Но мый, киасям?

Игнатов воча сетис кисö. Петис директор жырайысь падъялөмөн. Кодкөд юксыны вьльторнас? Мыйлакө төд вылас первойөн воис Ларисаыс. Пырис сы дорö. Овмөсса бухгалтериялөн жырайыс меститчöма канторалөн улi судтаын. Морт вит зунясысны, кабалаяс дасьтисны.

Андрей матыстчис Лариса дорö да гусьöник корис петавны коридорö.

– Мый нин лои? – петигмоз юалис ныв.

– Менö татчö отделениеса управляющöйөн индисны.

– Талун öд абу апрель öтиöd лун, – вашмунис Лариса.

– Он эскы, чайтан, пöръяся? – Андрейлөн чужöм ыпнитис. – Ме сöмын на директор дорсянь. Кöсья тэнсьыд юавны, заводитны-ö.

– Тэ жö шуин, мый индисны нин.

– Позьö бөр öтдортчыны.

– Ме думысь, öтдортчан кө, оз мичмөд тайö тэнö. Сетин кө кыв, колö кутны. Но мөвпав ачыл, мед ме ог ло мыжа.

– Мөвпышти нин, кута уджавны. Но смотри у меня! – серамсорён рочышті Андрей. – Тэ өні лоан ме улын. И талунсянь он нин кут повзёбдлыны нарад сёрмөмөн вайёмысь.

– А кор ме повзёбдлі? Ог помнит.

– Кольём төлысяс на көсийин удтыны.

– Эг жё өд удты, сөмын көсийи. Мун уджав. – Лариса бергөдчис да восьтіс бухгалтерия жырыысь өдзёссө.

А бөрсянь кыліс Макар Анналён межлөн кодь гөлөсыс, кывлөма налысь сёрнисө.

– Андрей, кытчө нё юртө сиралан? Пон удж тайё управаыд. Первойтө, дерт, выль паньтө моз нюласны, синмад видзөдасны, лебезитны кутасны, а чөвтасны мыйён... ачыд аддзан.

Игнатов нюмдіс, кантораысь петігмоз вочавидзис:

– Анна тьот, аттьө. Чөвтөмөдз ог воөдчы, зильны кута.

Воис гаражө да висьталіс Сергеевичлы директоркөд сёрнисө.

– А мый тані сдайтны? Вай пызан йөрсыйд да шкапсыйд ключтө – и став приёмо-передачаыс. Кабалаяснас ноксыны сямма, механик уджыс төдса.

Андрей перийс гач зепсыс ключ чукөр да мыччис. Кыліс локтысь узиклөн шы. Сергеевич юрнас докнитіс өдзёслань:

– Управыд воис.

И збыльысь, өдзөс дзуртыштөм шы улө пырис Митрич.

– Ме аддза, ті сёрнитчинныд нин, – шуис сійө.

– Да, миянлы уна кад оз ков. Трактор-машина ставыс места вылын. Йөз тырмө, сөмын уджтө индав, – вочавидзис Сергеевич.

– Аскиянь тиян медшөр индалысьнас лоө Андрей Васильевич. Тані кө ставыс төдса, кытшовтам скөт картаяс да мукөд стрөйба.

Сергеевич мудера видзөдліс первой өти вылас, сэссия мөд вылас.

– Төдам, коді медшөр индалысьсыс. Асывнас тэ, Митрич, абу пыр тані, а Сидоров, карө кө эз лэччы, тут как тут.

– Мхы, – сөмын петіс Митричлөн.

Андрей пасьталіс вылыс паськөмсө. Сергеевичлөн шуөм вылө чөв оліс. Сійө гөгөрвоис, мый көсийс висьтавын механикөс вежысь. Сөмын ас кежас думыштіс: «Өні ме управляющөйыс, и ме дырйи лоө мөд ног», а горасө шуис:

– Ме дась.

Узик вөляысь петіс мир туй вылө.

Шөр отделениеө Ягдорысь өтдор пырисны нөшта Ош да Дане грездьяс.

– Дане грездын важөн вөлөма Ворошилов нима колхоз, – рулитігмозыс висьталіс Митрич. – Тшөтоводалөма Сопрон Көсьта. Ыджыд грамота абу, но мукөд дорысь сійө бурджыка артасьлөма, да-й роч кыв на кутшөмакө төдлөма. Коркө вөчөма вогөгөрся бухгалтерскөй отчёт. Ёна мырсьөма, лыдпасьясыс некыдз оз өтлаасын. Отчыд мурталөма-арталөма, мөдысь да-й коймөдысь. Вуштас да выльысь гижас. Сы выйөдз кабаласө вуштас, мый розьясяс. Сэссия Көсьтаыд розь гөгөрыс и гижас лыдпассө. Мыйкө дыра видзөдас розь вылө. Сылөн чайтөм серти, вермасны думыштны, мый розь гөгөрыс лыдпасыс абу збыль, да весиг гыжыштас балябөжсө. Выльысь босьтас ручкасө да рочөн лыдпас бокө гижас: «Эта дырка действительно дырка. Вокруг дырки верить». Пуктас кырымпассө да нөшта на колхозной печатьсө шняпкас. Тадзи сэссия мөдөдас отчётсө. Бөрас серамвыв лэптасны морттө: сэтшөм пө сюсь грамотей вөлөма Ворошилов нима колхозас!

– Колөкө, ловья на грамотейыс? – серамсорён юалис Андрей.

– Чөв, важөн нин кыз му улын.

– Да, история, – нурбыльтіс Андрей да вежис сёрнисö. – Мösьяссö Ягдорын видзöны, а ялавичьяссö кöні?

– Гырысь кукьяс да ялавичьяс Ошса бригадаын. А тшöгöданыс Öнись грездын. Сэн овмöслөн торья юкөн, – висьталіс Митрич.

– Видзöда да, миян став картаыс керйысь. Мукöдыс ёна нин важмöма.

– Директор мöвпалö кирпичысь картаяссö тэчны. Тэ кызд думайтан, артмас? – Митрич бергöдчыліс Игнатовлань.

– А мыйла оз? – чуймис Андрей.

– Да öд миян ни кирпич, ни тэчысьыс абу!

Андрей вашмуніс да тöдысь морт моз кутіс висьтавны Митричлы:

– Öні тайö абу падмög. Верман торья сёрнитчöмön корны бокись кужысь йöзсö. Накöд и асланым велöдчасны. А кирпичсö вöчö Ухтаса завод. Да-й силикатнойöс позьö вайны. Карын бетонной заводьяс уджалöны. Эм торья, совхозьяс вылö уджалö.

– Тэ, видзöда да, ставсö тöдан, – ошкыштіс зонсö Митрич.

– Ме жö карын велöдчи, весиг ЛПК-ö волі. Сэки сійö сöмын на паськöдчис-стрöитчис.

Кытшовтісны овмöссö дзоньнас. Волісны Ош да Дане грездьясö. Митрич лючки висьтавліс, кöні мый вöчсьö. Йöзкöд паныдасьлігөн тöдмöдіс виль управляющöйкöд. Тшöктіс кывзысьны сідз жö, кызди и сылысь.

Уджалысьяс видзöдісны Андрей вылö эскытöмсö дзебтög. Дерт жö! Митричкöд позьö öмöй сійöс öткодявны?! Митрич налы важөн нин лои ас, стрög, но веськыд мортөн. А Игнатов ортсысянныс дзик на детина кодь. Кутшöм сыысь управ, мый кöть регыдик и механикаліс?

Игнатов казяліс кодсюрöлысь векуштчöм вом дорсö да дусыдмыліс. Ас кежас ыдьясис: «И колö жö вöлі кöсйысьны. Оз кö нинöм артмы, яналан сöмын». Ышлолаліс, торйöдчигөн смелмöдчис да веськыда юаліс:

– Митрич, ме том на, кызд думайтан, артмас оз менам?

– Артмас, а мый том, сійö жö бур! Тайö «пальшаыс» быдлунья тöжднас вермас тöдлытög исковтны. Ме жалита, мый öдйö пöрысьми. Ок, эськö верми кö бергöдчывны том кадас! Том кадыд – медся бур кад, весиг сэк, кор кокни оласнога. Ме вöлі жö томön да мывкыдтöмön, олöмсö тöдтöмön. Кымынысь сконйыштчлі – артыштны он вермы. А тэнад эм наставник, Иван Максимович. Кывзысь сылысь, и ставыс артмас. – Митрич докнитіс юрнас, сетліс кисö Андрейлы да пуксис уазикö.

Рытнас шөр отделениеөн веськöдлысьлөн жырйын муніс быдлунья планёрка. Стен пöлөн улöсьяс вылын пукалісны бригадирьяс. Игнатов вöлі управляющöй местаын да яндысискодь. Бригадир-механикалігөн сійö стен бердын жö пукавліс, а öні ыджыд пыдди. Ки вылас öшöдчöмön кывзіс бригадирьяслысь лунся удж вöчöмсö да кутшöм мытшöдьяс лоины. Висьтасисны лабутнöя. Оз на тöдны, кызди виль «гöлик» мöдас чышкыны, да видзчысьыштісны.

Ставнысö нин лои кывзöма. Коли сöмын мöд лун кежлö сёрнитчыны, кытчö уна-ö вайны кöрым да кутшöм тракторөн, кутшöм машинаяс мунасны карö грузла. Муртса та кузя пондісны тöлкуйтны, пырис директор. Жырйын здук кежлö шыч ни рач лои. Но мыйөн заводитіс сёрнитны Сидоров, йöз пыр жö варовмисны. Öтияс öтитор вöзйисны, мöдьяс мöдтор. Виль пöv ставсö лои тöлкуйтöма.

Планёрка бöрын Сидоров да Игнатов гортас кайисны öтлаын. Дас кык патераа керкаын кыкнанныс олöны.

– Таво лымйыс джуджыд, уна ва лоö, – медым не чöv овны, шыасис Игнатов.

– Да, вермас ыджыд ва лоны и ускөттө вайны, – водзө нуөдiс сёрнисö Сидоров.

– Кутшөм?

– Митричыд эз висътав? – юалис директор.

– Эз.

– Ыджыд ва кө лоö, – заводитiс висътавны Сидоров, – вермас видзьяс вылысь удобрениесö көтöдны, весиг кылöдны. Көть эськө удобрение жытникъясыс кок йылын, мылькъяс вылын сулалöны, мукöд во ойдлöны. Гашкө, ковмас лэптыны мешökъяссö наръяс вылө.

– Кыдзи удобрениеыс төвнас веськалис видз вылас? – чуймис Андрей. – Миян Важтыбок совхозын коясылiсны ва ямөм бöрын. А удобрениесö вайлiсны сиктса складысь трактор-машинаөн.

– А миян эмөсь видзьяс, кытчö сөмын төвнас верман нуны удобрение мешökъяссö. Сэс-ся вöлись нин ва ямөм бöрын лоö коявны, мукöдлаас киөн. Тракторыс гожөм шөрөдз оз вермы сэтчö воөдчыны.

– Мешökъяссö кызди видз вылас вайöны? – водзө юасис Андрей.

– Пөпуттьö, кор турунла мунöны, пуктöны вөв доддьö гоз-мөд мешök да нуöны видз вылө. Ректöны мешökъяссö жытникъясö. Унджык жытникас наръяс вөчөма. Колö бригадирьяслы висътавны, мед нар вылас ректысясны. Тулыснас кык пөвста удж оз ковмы вöчны.

– Бабаяс öд кыскасьöны, вермöны мешökсö вөдитны?

– Оз öткөн, кыкөн босьтöны. Да-й унджык мешökас кызь вит килоысь уна абу. Удобрениесö вайöны тариттөг. Танi, сиктса складын, лоö мешökавны.

– Да, тi ставсö төданныд, – ышловзис Игнатов. – А меным унаторйö лоö велөдчыны. Бур, мый татчö бөр локтi. Мамöй эськө татчö кайöмысь ёна паныд мунис, карö вöли тшөктö лэччыны.

– Велалан, – такöдiс Сидоров. – Уджыс велөдас, ме индала. Да-й йөзыслысь куж кывзыны. А мамыд гөгөрвоас, мый бура вöчин.

– Кута кывзыны, – көсийсис Андрей да водзө юасис: – Мен висъталiсны, весиг чипан колхоз пö танi вөлöма, збыль?

– Ха, ха, ха, – серöктiс Сидоров. – Эз чипан колхоз, а курөг видзанiн.

– Тiян дырйи курөг позйыс вöли на?

– Сөмын тыртөм курөг видзанiнсö да сёрнияссö суи. Со öти: коркө локтас Ягдорö райкомсянь уполномоченнöй. Колö вөлөм партияса бюро кежлө дасьтыны видз-му овмөс сөвмөдөм кузя юалөм. Колхозад сэкса кадö ставсö вөчлiсны. Няньтö вöли быдтöны, картупель вөдитöны, мөссö и ыжсö видзлiсны. Дерт, ыджыд урожай да уна йөв эз босьтыны. Та понда и бюросö көсиймабсь нуөдны.

Первойя луннас уполномоченнöйыд ветлөдлас ыж да мөс картаясөд. Пыралас конюшняö, видзөдлас нянь амбар. Төдлытөг ывлаыс пемдас. Колö узьмөдчанiн корсьны. Овмөсса веськөдлысь, Петыр Микулай, абу дыр майшасьöма. Нуөдöма уполномоченнöйтö Семö Марпа дорö, кодi колхозын чипанъясöс дөзьөритiс. Марпаыс важөн нин дөва, банйөм көвдум кодь чужöма статя нывбаба. Сы дорö векджык уполномоченнöйястö узьмөдлөмабсь. И уполномоченнöйяс век дөвөл чужөмөн мунлөмабсь.

– Примит гөсьтөс, Марпа, – порог увсяныыс горөдас овмөсса веськөдлысь.

Марпа оз пыксы.

– Пырöй, пөрччысьöй, керкаыс ыджыд, төранныд, – паныд петас да вештас тувъяс вылысь тупкөдсö, кытчö паськөмсö öшөдöны.

Уполномоченнöйыд пөрччысяс да пуксяс пызан сайö. А Петыр Микулай гортас мунас.

Семё Марпа госьтсё вердас-юкталас, весиг самёкур стопка мыччас, азымджыка пё паняссия. А сэссия вольсаяся, госьтыслы крөватсьсё сетас: ме пё паччөрө кая. Семё Марпа пөрчысяся да улыс шушун кежысь кольё. Мөдас кадсё воштавны, госьт дорын бергавны. Отарё ветлас, мөдарё. Сэссия люп пырас уполномоченнойыдлы шебрас улас. Уполномоченнойыд, быттё көдзыд ваён койыштасны, чеччыштас вольпассьыд да горөдас:

– Тэ нё мый лоин, йөймин али мый?! Ме өд партийной!

Скөрмас Семё Марпаыд, вомгорулас ёрччыштас да паччөрө каяс. Яндзим лоё асьсё вөзйөмысь. Асывнас сэссия госьтсё тшыгён и мөдөдас: Петыр Микулайыд пё вердас. Көдзыда торйөдчасны. Семё Марпа котөртас чипан видзан картаё, а уполномоченнойыд колхоз кантораё мунас.

Бөрынджык уполномоченнойыд Петыр Микулайкөд локтас чипан видзан керкаё. Локтысь мортыд мыйкө отарё гижалё тетрадьё. Матыстчас Семё Марпа дорё да мөдас юасьны:

– Кымын кольк луннас чипанъясыс вайёны?

– Этша, – вочавидзё Марпа.

– Мыйла?

– Да миян петукъясыс партийнойёсь, кысь сэссия колькыйс?! – дөзмөмөн шуас Семё Марпа да босьтас куйөд виласё.

Сэссия куйөдсё кутас чукөртны да шыблавын уполномоченнойылы кок улас. Сидз, нем шутөг, юрсё лэдзөмөн да гөрдөдөмөн и мунас уполномоченнойыд. Та бөрын сийё Ягдорё оз нин воны.

– Ха-ха-ха, – петис серамыс Игнатовлөн. – Партийной петукъяс. А чипан керкаыс көні?

– Пес вылө пилитім. Чипансё колхоз дырйи на бырөдлөмаось, туберкулёз сюрлөма.

– А столярной мастерской дорас кутшөм изкияс туплясьёны? – водзё юасис Игнатов.

– Трөш Олексан совхоз котыртөмсянь өти во управляющөяліс. Менам тшөктытөт вайөдліс. Колё эськө сыліас пысавны, да мед кыскалас. Төдны кутас, кызди аснаукасьны!

– Трөш Олексаныс сельпоас тай предалө?

– Сийө, өш гадь моз пөльтчөма, – дөзмөмөн буркнитис Сидоров.

Игнатов пыр жө сюркняліс пель саяс, мый директорлысь юасьтөг овмөсын нинөм вөчны оз позь.

Медводдза восё Андрей Игнатов велөдчис нуөдны планёркаяс, сёрнитны йөзкөд. Асывсянныс зілис быдлаё пыравны. Тайө и гаражъяс, скөт картаяс, картофель видзанінъяс да мукөд уджаланінъяс. Юасис, ачыс индаліс. Медшөр велөдысьнас вөлі директор. Сылы синмас видзөдіс, быд кыв сылысь кывзіс. Быд воськов зілис вөчны бура мөвпыштөм да Сидоровкөд төлкуйтөм бөрын. Öти пөрийө весиг заводитліс сы ног сёрнитны, сы ног жө кинас шенасьны. Весиг ветласногсө зілис вежны, сы моз старайтчис тувччавны.

Сидоровлы пөслукман зонмыс кажитчис. Ки пөлөдыс новлөдліс, медым велалас сы моз уджавны, сы моз мөвпавны.

Öтчыд нуөдіс Андрейөс катыд йөрсө му вылө, шуис:

– Колө идзаподсө идравны.

Андрей эз мөд юасьны, кызди директор көсийө идзаподсө идравны. Пасьталіс кокны-дик курткасө да вөтчис сы бөрся. Катыд йөрсө муыс матын, дзык сикт помас.

Воддза онас көдзлөмаось уна вося турун. Зэра гожөм-ар вөсна абу лыбөмаось му вылас. Медым муыс эз тшык, эз вожав, кольөмаось идравтөг. Öні, тулыснас, идзаподйыс куйліс кос, быттё кодкө кыз вольөс вольсалөма.

– Мунам му помас, – Сидоров ӧвтыштис кинас.

Воисны му помас. Андрей синсӧ эз удит лапнитны, Сидоров перйис истӧг тув да чирснитис-ӧзтис, шыбитис косьмӧм турун вылӧ.

Биыс зэв ӧдий кутис паськавны. Сы шӧрӧ нӧшта тӧлыс заводитис ымравны, дугдывтӧг пӧльтны. Биыс кайис вит метраысь вылӧджык. Кос турун яра няръялис-сотчис.

Андрей шӧйӧвошис, повзис. Повзьӧмаӧсь и сиктса олысьяс. Матигӧрсаяс уськӧдчисны кусӧдчыны. Андрей тшӧтш пӧрчис вывсьыс кокни кышӧдсӧ да заводитис вачкавны сотчысь турунсӧ. Енмыс, гашкӧ, отсалис сиктсаяслы, тӧвсӧ бергӧдис. Дзик тайӧ, тӧв бергӧдӧмыс, видзис керкаяссӧ сотчӧмысь. Эз кӧ, ыджыд ускӧттӧ вермис лоны. Мый понда? Андрейлы первойысь воис юрас мӧвп: «Гашкӧ, Сидоровыс абу быд пӧрийӧ прав? Оз ставсӧ лючки думыштӧмӧн вӧч? Ӧд мусӧ позис агсавны, чукӧртны кос ызӧнсӧ да сідз сотны, либӧ торфокомпост вӧчан гуӧ нуны. Дерт, тадзтӧ нокыс уна, зато абу ӧпаснӧ». Но пыр жӧ дзевис татшӧм думсӧ. Андрей важ моз зилис эскыны директорлы. Чайтис, мый сийӧ ставсӧ вӧчӧ бур вылӧ, овмӧслы пӧльза вылӧ. Весиг яндзим лои, мый лӧка думыштис Сидоров йылысь, быттӧ дивитис.

Кор йӧзыс заводитисны пинясьны, видчыны да мыждыны тшӧтш и сийӧс, бара дум вылас воддза мӧвпыштӧмыс воис. «Медым, лыддӧ кӧ коланаӧн, ӧтнас ызӧнсӧ сотӧ. Мӧдысь ськӧд ӧзтасьны ог мун, – вӧчис аслыс кывкӧртӧд. – Со кыз шуасьӧны сиктсаяс. Оз ӧмӧй ачыс кыв?»

А Сидоров эз сэсся-й нуӧдлы Андрейӧс. Йӧз сӧрни вылӧ эз видзӧд. Ветлӧдліс ӧтнас, ворсӧдчис истӧгӧн, быттӧ аслыспӧлӧс висьӧмӧн нӧрпалис. Электростанция дорысь кольӧмвося ызӧнсӧ бара на вӧлі ӧзтӧма. Весиг би сюръяыс сотчӧма. Ош грездса олысьяс сутки чӧж битӧг олісны. Таысь Сидоровӧс районын ветымын шайт вылӧ штрапуйтисны. Сэки ветымын шайтыд ыджыд сьӧм вӧлі. Но штрапыд эз падмӧд мортсӧ, истӧг кӧрӧбсӧ эз дзев. Мӧдарӧ, наянджыка кутис ызӧнсӧ ӧзавны.

– Муыслы бур вайӧ, – вочавидзліс шуасьысьяслы.

Первойя онас жӧ, муртса петисны страдуйтны, Сидоров нуӧдис Игнатовӧс Ягдор ю пӧлӧн: колӧ пӧ видзӧдлыны сэтысь видзьяссӧ, ӧна-ӧ турунсялӧмаӧсь. Тулыснас вына сорасӧн коявлісны.

Уазик муніс ю пӧлӧн. Уналаті туйыс трактор ветлӧмысь вожалӧма. Кӧть эськӧ шопер зилис ордйӧдны лӧкиньяссӧ, машинасӧ шыблӧдліс ӧтарӧ-мӧдарӧ. Нӧшта ӧвад ӧдӧлитис, лои корӧсьӧн шлачӧдны асьнысӧ. Воисны коръя туруна дзоляник видз вылӧ.

– Тайӧ пырджык турунтӧм овлӧ, – индіс Сидоров. – А таво эмышт, кык вӧла додь лӧд.

– Та ылнаысь вӧлӧн жӧ турунсӧ кыскалӧны? – Андрей чуймӧмӧн видзӧдліс сы вылӧ.

– Вӧлӧн, мыйла найӧс сулӧдны? Да и йӧзлы удж... Жар талун. – Сидоров чатӧртчыліс энӧжӧ. – Сунгысьлам юас?

– Ме абу паныд.

Зіля пӧрччысисны да пырисны ваӧ. Больӧдчыштӧм бӧрын уазикын пукавны лои ыр-кыдджык.

– Аски бульдозер мӧдӧдла, пуртсӧ лӧдзӧмӧн кӧть мунас, – кабинаын пыркйысигмоз кӧсьысис Игнатов.

– Колӧ, – пыр жӧ сы дор муніс Сидоров. – А то бабаясид видасны. Да и машинаыс оз красуйтчы татшӧм туй куза ветлыны.

Сӧрнитігкості эз тӧдлыны, кызди матысмис сиктыс. Первойӧн мыччысис больничалӧн вель ыджыд керка, сэсся аэропорт. Дзоля самолёт да вертолёт сэтчӧ пуксьылӧны.

Видзӧдӧны – аэропорт дорысь петӧ ытшкан косаӧн «Беларусь».

– Мый тани вӧчӧ? Дане видз вылын тракторыслы колӧ лоны, – дӧзмис Сидоров.

– Ог төд, асывнас сэтчө и мөдөдлүм.

Сидоров зумыштчис, бергөдчис шоперлань да буркнитис:

– Кежалам.

Уазик кежис аэропорт дорө. Локтысьяс пыр и аддзисны: аэропорт гөгөр гектар кык ытшкөма. Начальникыс, Николай Акимович, артмом турун чукөръяссө куранон разбөдө, мед бурджыка косьмас.

– Сувтлы, – тшөктис шоперлы Сидоров.

Петис кабинасьыс, өдзөссө гораа клопкис да матыстчис аэропортса начальник дорө.

– Тэно кодi совхозса видзсө лэдзис ытшкыны?! – Сидоровлөн скөрысла весиг льобйыс тiралiс.

– Тайө муыс пырө аэропортлы, – лабутнөя шыасис Николай Акимович. – Менам эм ка-
бала райисполкомсянь. Кык гектар верма ытшкыны аслам мөслы.

– Петкөдлы!

– Абу сьөрысь.

– Ак, абу сьө-өрысь?! – скөрысь нерыштіс Сидоров. – Онi жө мөдөда йөзөс! Куртасны турунсө да кукъяслы нуасны!

– Тэ йөймин али мый?! – воча дөзмис Николай Акимович. – Ме татчө некодөс ог лэдз!
Тайө аэропортлөн муыс!

– Туруныс совхозлөн! Тэныд ме эг сетлы тайөс! Зэв тай сюсь, аслад мөслы ныр улысь ытш-
кан! Кай ю йылө, лөкинсө гөрбушөн кокав! Либө Сьөд ты бокысь эжөрсө! Кодi вөлі тракто-
ристыс? Матрен Дима, Вась Петыр? Төдмала да чорыда мыжда-а!

– Да висьталi нин, мый менам эм кабала.

– Тьпу, тэнад кабалаыдлы! Ме видзсө сетала!

Сидоров синнас гөгөртiс ытшкөминсө. Ас кежсьыс донъяліс ыдждасө, да көть быдмөгыс
вөлі омөлик, сөмын ситурун, та вылө видзөдтөг бара горөдіс:

– Пөшти кык гектар лоө! Ог лэдз! Куртөда да нуа мөс картаө! Совхозлөн туруныс оз тыр-
мы, а тэ гусясян?!

– Тайө муыс, нөшта өтчюд висьтала, аэропортлөн. Ме начальникыс и кора тэно мунны
татысь, пока гөрбад куран воропыс эз инмы!

– Мы-ый?! – Сидоровлөн вежсис чужөмыс. Ныр розьыс паськаліс. Чабыртiс кулаксө да
ырыштчис сөтыштны Николай Акимовичлы ныр-вомас.

– Кинад эн во! – чилөстiс аэропортса начальник.

– О-ог! – Сидоров сувтiс боколөн да заводитiс Николай Акимовичлы пельпомнас
зупйөдлыны.

Мөдыс сiдз жө боколасис да пельпомнас воча мөдiс тойлыны-водзсасыны.

Быттьө кык петук сувтөмаөсь да зутшйөдлөны өта-мөдныслы.

– Кинад эн во! – горзө Николай Акимович.

– О-ог! – мурөстө мөдыс.

Аэропортса начальниклөн гөтырыс, Ирина, уджаліс медсестраөн Ягдорса
бурдөдчанінын, кодi меститчөма аэропорт дорын пожөм пуяс пиын. Бурдөдчанінянь
аэропортыс бура тыдаліс. Аддзис Ирина, кыдзи Сидоров тойлалө сылысь верөссө, да
гөнечөн локтiс дорйысьны.

– Караул! Виөны! – лөк горшөн горөдіс сийө.

Уськөдчис мужикъяс костө. Сидоров өвтыштiс кинас, и мөдыс патурликсис. Ирина чеч-
чис да чилзiгтырйи бөр гөнитiс бурдөдчаніно:

– Звөнита, дзик пыр звөнита районө! Караул! Виөны!

Игнатов видліс өлөдны бордйысьысь мужикъясөс, но тышө воөмаяс өдзөмаөсь да эз

кывзыны. Водзö тойласисны, öта-мöд вылас горзисны.

Муртса коли час джын. Кутис кывны самолёт шы. Самолёт вöчис аэропорт весътöд кытшов да пуксис. Пыр жö мыччысис райкомса медшöр секретар Турубанов. Секретартö аддзöм бöрын Сидоров да аэропортса начальник öвсисны тойласьöмысь, но пиньясьöмысь эз дугдыны.

– Скöтина!

– Скöтинасянь кыла!

Турубанов заводитис найöс бурöдны.

– Кык начальник тышкасянныд, пиньясянныд йöз водзын, – шуалис сийö. – Абу буртор тайö, вай ладмöдчöй.

Вочасöн öвсисны öд, кывзисны чина мортыдлысь.

Кор Сидоров неуна успаньвыв пуксис, юалис райкомсаыдлысь: кызд пö та öдийöсö вермин вöдчыны. Вöлöмкö, Ирина звöнитöм бöрын карсянь лэбзьöма Ягдорö самолёт. Юрсиктö пуксьылас да босьтас секретартö. Со и артмис öдийö вööмысь.

Мöд луннас кыкнан бордйысьысыс воисны бурдöдчанинö. Уколасисны сьöлөм висьöмысь.

Лоöмторйыс шызьöдлис став районсö, но регыд лөнис. Сидоровлысь сямсö тöдисны и унаторйысь прöститлисны. Совхозлөн лыдпасьяс мукöдлаын дорысь вöлины бурöсь. Кысь мöдöс овмöс бура кутысьсö аддзан?! Ыдждыд чинаяслөн Сидоровс вежысь эз вöв.

Тышкасян коймöд лунö почта дорын аддзысисны Игнатов да Николай Акимович. Аэропортса начальник зумыша видзöдлис Андрей вылö да скöрысь шуис:

– Воас кад, и крукасяс «царёкыд». Эн вунöд тайöс, кутшпи!

– Ог, ог, эн писькöд менö синнад. Ме тэ вылö аэропортад эг во, ачyd тöдан. А кутшьяс моз, стöчджыка кö, петукьяс моз, бордйысинныд тi кыкөн. Да-й ме абу кутшпи.

– Сэн жö вöлин! Кутш Ванькöд лётйысян, сiдзкö, кутшпи!

– Öтлаын видзьяс кытшовтiм. Сийөн и сэтчö веськалi.

– Видзьяс кытшовтiн, – нерыштiгмоз буркнитис аэропортса начальник.

Тöдчис, мый Игнатовлөн кывъясыс эз эскöдны, торйöдчисны кöдзыда. Томдырийыд татшöмторйыд öдийöджык вунö. Нöшта сы вöсна, мый гожöмнад уджыс уна, некор ёнасö кольöмнас юртö жуглыны.

Гаражын сулалис кузола ГАЗ-51 машина. Öти шоперöс пуксьöдласны, мöдöс, а öтчyd дзык некод эз сюр. Андрей ачыс заведитис машинасö. Заправитис, кытшовтис машина гөгöр, чужъялыштис кöлесаяссö. Кайлис кузолö да лосьöдыштис пуксян лабичьяссö. Пырис кабинаö да шуркнитис-воис мöд бригадаса турун пуктысьяс дорö.

– Сöлöй! – горöдис юрсö öшиньöд мыччигмоз.

– Ачыс управыс руль сайын? – чуймисны бабаяс.

– Шоперөн пö Важтыбокас вöлöма, – пыр жö шыясис Микипер Ольга.

– Кысь тöдан?

– Тöда, эз кö вöв шопер, кызд руль саяс пуксис? – Ольга гөгортис синнас бабаясöс да чорыдджыка нин кывкорталис: – Ме тöдмалi, стöча тöдмалi: шоперөн пö вöлöма.

– «Пöйд» поплысь дас кык пинь коласта зорöд сёйöма да, некод абу аддзылöма, – крукыштiгмоз шуис зорöд чöвтысь Закар Кöсьта.

Та вылö Микипер Ольга эз вочавидз. Сöмын топöдис парьяссö да бергöдчис шуысьлы мышкөн.

Андрей кылис баба сёрнисö, вашмунис. Тöдисны кö збыльвылас сылысь шопералан стажсö, гашкö, некод кузолас эз кай. Öд сийö кузола машинаөн ветлывлис сöмын техни-

кумын шоперö велöдчигöн да ГАИ-лы экзаменъяс сдайтігöн. А талун ышмис, лосьöдчис йöзöс нуны. Көсийс асьсö петкөдлыны: со пö ме кутшöм збой да кужысь. Косьяс – трактор вылö, көсьяс – машина вылö пуксяс.

Дане грездöдз туй джынйыс лыа лякөд, мөд джынйыс топалөм сөй. Дыр нин эз зэр-лы да, шылялөма. Көнсюрö сөмын төпканъяс паныдасълöны. Андрей öддзöдис машинасö. Бöрсянь сөмын тшын-бус кайö. Грездса нейджыд эрд вылö машина сувтіс.

– Воим, – кабинаысь петігмоз шуис Андрей. – Рытнас кор локта?

– Квайтын, – кыліс öтиласянь-мөдласянь. – Миянлы гортын идрасьны на колö. Сюраньясöс лудысь квайтын вайöдöны.

Турун пуктысьяслы грездсянныс матö кык верст лоö подöн вöрса туйöд воөдчыны видз вылö. Виддзыс ичöt ёль пөлөн нюжөдчöма бура кузя. Асывнас эськө шавксьöдан-мунан, но рытнас мудзöмыд, да кокъясыд öдва восьлалöны. И быд во тадзи. Вöрса туйöд сөмын тракторöн ветлöны. Та дырйи колö на кык дзoляник ёль вомөн вуджны. А видз вылас весь-калан сөмын крут да кузькодь чой лэччöм бöрын.

Рытнас Андрей эрд вылö эз сувт, веськөдис машинасö вöрса туйлань. «Дінöдзныс локта, чуймöда йöзсö, – ас кежас чиктылыштіс сійö. – Төдöмысь, ошкыштасны: вот пö тайö управ. Мед кө том, кужысь да повтöм! И уджалысьсö пыдди пуктö, дінöдз машинаөн воис!»

Тадзи ас кежас мөвпаліс. Кыті колö надзмöдыштіс, кыті газсö содтыштіс. Лючки воис крут чой йылö. Чойыслөн ветланиныс лыа ворга кодь. Öтар-мөдарас кызд пуяс быдмöны. Андрей вештіс кок лапасö газ педаль вывсьяс да веськөдис машинасö горув. Горувтö лосьыда и тюрис. Зонмыд эз бергөдчыв, эз видзöдлы бөрвыв. Видзöдліс кө эськө, гашкө, синмыс гöгрöсмыліс. Увсянныс сэтшöм крут кажитчö чойыс!

Ёль пөлөн машина төвзис видз кузя. Воөдчис веськыда йöз чукөр дорöдз. Ставныс лосьöдчöмаось гортö.

– Карета подана! – Андрей петіс кабинаысь, синнас кытшовтіс куртöм видзсö, зорöдсö да ошкыштіс: – Молодечьяс, бура уджалöмныд!

– Ми лёка ог уджалöй, – кылісны гөлөсьяс. – Быд лун зілям, мед первой бригада оз панйы.

– Майбыр, талун видз вывсянь гортö нуöны. Лысьтöма крут чойсö лэччыны, – кулигаысь петісны нимкодь чужöма, кианыс курана бабаяс.

– И катöда чой йылас! И водзö тюрöда! Час джын мысти гортаныд лоанныд! – асьсö ошкыштігмоз збоаяліс Андрей.

Йöз пуксялісны кузолö, и машина вöляысь мөдöдчис гортлань. Матыстчис крут чой дорö. «Мөд передачаö сюя», – техникумса велöдöмсö төд вылö уськөдöмөн мөвпыштіс Андрей да пыр жö йөткыштіс кабырнас öд вежлалан воропсö. Личкыштіс газ содтанö. Машиналөн уджалан шыыс горзис, и öдыс содіс. «Но, тэджык!» – думнас корис Андрей да весиг векиштчыліс, топöдіс паръяссö, пось чепөсийс кымöсас. Машина чужöбтіс, койыштіс бөрвыв сьод тшын. «Но, тэджык!» – бара думнас вөтліс көрт вöвсö. Көрт вöлыс мурöстліс, лёк шыён горöдіс, но чой шöрас и дудіс. Кодйис бөр көлесанас туйсö да кусіс. «Сука!» – ёрччыштіс Андрей, петіс кабинаысь да кытшовтіс машина гөгөр.

– Воим? – кыліс эльтчана юалөм кузовсянь.

– Час, бöрынтьчыла да выльысь видла, – вочавидзис Андрей.

Видлöмыс помасис воддза моз. ГАЗ-51 чойсö эз кай, важ буксуйтöминас дудіс. Весиг пөлөстчыштіс кыр горувлань. Кодкө горöдіс:

– Чеччам, он и төдлы, патурликсьыны вермам!

Йöз броткигтырйи лэччисны кузолысь. Закар Косьта гыжйыштіс баялөбжсö да вöзйис:

– Видлам кыскыштны, гез домалам да сідзи кыскам.

Турун юр кыскалысьяс котортлісны зорөд дорө гезла. Андрей сөліс руль сайё. Лэччыштис горув, мольөдыштис кодйөминсө. Закар Косьта көрталіс вайөм гезсө машиналөн водз пысө, да ставөн кутчысисны гезйө. Газон бара мурөстіс, бара видліс кавшасьны кыр йылө. И йөзыс гезйө кутчысьөмөн зілісны кыскыны. Өтчыд видлісны катөдны машинасө, мөдысь, но мырсьөмныс лои весьшөрө.

– Шабаш! – горөдіс Закар Косьта да чорыда ёрччыштис. – Мунам подөн!

– Час джын мысти гортын лоам! – кодкө нерыштис Андрейөс.

Андрей пукаліс руль сайын гөрд, ыпъялысь чужөма. Яндзимысла синсө оз лысьт лэп-тывны.

Вошис кызд пу сайё бөръя эновтысь. Андрей колис өтнас, петіс кабинаысь. Видзөдліс сибдөм машина вылө. Нөшта кө буксуйтіс и бокыв вермис путкыльтчыны. Со кызд пөлөстчөма, дзик туй бокас кыскөма. Не кө кызд пуыс, гашкө, патурликсис нин. «Колө жө вөлі чой горувсө лэччыны! – көритіс асьсө Андрей. – Төді өд: сөмын тракторъяс видз вылөдзыс лэччөны. А ме збоиті, ачымөс көйи петкөдлыны. Со петкөдлі тай, юр яндзим!»

Пуксис кызд пу дорө да өшөдіс юрсө. Ас кежын мучитчө. А кызд он вийсьы?! Йөзөс подөн удж бөрын мөдөдіс, матө көкъямыс верст. Машинаыс татчө вой кежлө кольө. Гашкө, өти войнад некод оз вөрөд, но он өд төд, лөк йөзыд быдлаын эм. Аски трактор лоө мөдөдны, мед кыскыны газонсө. Бара содтөд рөскөд. А йөзыслөн шуасьөмыс?! Мат да и сөмын. «Ракапи на, а кутшөн көйи лоны!» – думнас видіс асьсө.

Эз кывлы, кызди небыдик шыөн матыстчис мотоцикл.

– Лэччам? – Ласей Митрей пукаліс аслас виль чиклет вылын да вашъяліс.

Андрей мыжапырысь нюмдіс да Митрей мыш сайё пуксигмоз шуис:

– Эг вермы чойсө кайны.

– Аддза, кутчысь топыдджыка.

Асывнас гаражын мужикъяс вашъялісны. Эз шуасьны, сөмын Андрей вылө чөвтласны синсө и нюмдасны. Явө кө дивитісны да көритісны, гашкө, лөсьыдджык лов вылас лои. Но эз, сөмын вашъялісны, а механик Пётр Сергеевич пыр жө мөдөдіс «Беларусь» сибдөм машина кыскыны.

– Андрей, такөд кайлан? – индіс том морт вылө.

– Ог мун! – югнитліс синнас Игнатов.

Ырыштчыліс петны механик жырйысь, но паныдасис өдзөс дорын Сидоровкөд да джөм сувтіс. Сидоров Андрей вылө чөвтліс стрөг синсө, бергөдчис Пётр Сергеевичлань да шуис:

– Йөзөс новлөдлыны инды прамөй шоперөс. Мед неминуча эз ло!

Андрейлөн чужөм ыпнитіс: «Сідзкө, ме не прамөй. Колөкө, и управнас не прамөйөн лыддьө?»

Ягдорса овмөсын видзьяссө бөръя кадө быд во паськөдісны. Та могысь кералісны бадьяс, пуяс. Перьялісны мырьяссө, сотісны, нырьялісны-дзєбисны джуджыд гуран-сёнъясө. Сэсся мусө бульдозерөн мольөдісны. Гөрисны, көдзисны уна вося турунъяс. Тадзи артмө вөлі шыльыд бур видз. Но век жө виддзыс эз на вөв тырмымөн, медым бура төвйөдны совхознөй скөтсө. Та понда Сидоров эз лэдз сиктсаяслы бур видз бокысь гурийсьны. Весиг борйысь ытшкөмсө, казялас кө вөлі, мырддяс да нуас өтув картаө.

Өтчыд Кире Сашө керөссиянь вөлөм турун нөбйөн локтө. Рөкыд вылө паныдасяс Сидоровкөд. Скөр, заводитас видчыны да янөдны: гусяян пө. Мөдыс воча тшетшкыштас. Сидоров дыр оз думайт, кватитас нывбаба кийсь курансө да воропнас мышку кузяыс сєталас. Кире Сашө чилзө, а мөдыс мышкусө куран воропнас вожмалө. Сидоровыд мырддяс

нөбсө да ачыс нуас матысса кук картаб. Кире Сашо эськө шыасьліс жө участкөвөй дорө, но весьшөрө. Водзө шыөдчөмыс эз мун.

Бөрынджык, кор сиктдорса нюрсө косьтисны да турунөн көдзисны, Сидоров ылі киа видзьяссө мөска йөзлы заводитіс юклыны. Этшаникөн, кодлы гектар джын, а кодлы и муртса вөв додь мында шедөмсө. Эз быдөнлы, а сөмын налы, кодъяс сылы синмө видзөдісны. Сідз жө вөчліс и картофель му сетігөн. Та дырйи коліс на кыйөдны, медым шыасьны сэк, кор Сидоров вөлі бур руа.

Кире Микулай уджаліс овмөсса мастерскөйын. Зарадиталіс аккумуляторъяс, паяйтчис да монтераліс. Сидоров быд паныдасьлігөн сы вылө бужжыласис. Микулай ачыс эз төд, мыйла юралысьыс өш моз сы вылө бухшасьө.

Микулайлөн өшинь улыс ичөт. Сөмын гозья эськө-й олісны, но оз вөлі тырмы картупельыс. Порсьпи босьтласны да вит төлысь мысти начкылөны нин: нинөмөн пө вердны. Матыстчис Сидоров дорө картофель му корны.

– Гөбөчад пуктысь! – крапкис Сидоров.

Микулай өна чушкыльтчыліс. Весиг матысса выбор лунө бөрийьсыны эз мун. Таысь сійөс кодсюрө дивитісны.

– Принчип вылө муні, – вочасьліс Микулай. – Мыйла ме татшөм йөзсө кута бөрийыны? Медым менө йөртісны? Ог! Гөбөчө пө пуктысь!

Сидоров буретш баллотируйтчис депутатө.

Микулай аддзис канава боковыс векньыдик пласт, некодлысь юасьтөг гөрис да пуктысис.

Сикт помын, магазееянь неылын, вөлі важся гуасянін. Став гуыс эндөмаөсь нин, крест ни йөр абу. Сөмын овмөсса тракторист Гриш Иван батылөн гу вылас крестыс сулаліс на. А орччөн эжмөм му, бура ыджыд пласт. Гриш Иван директор дорө нурдысьны эз мун. Локтіс важся гуасянінө, чужьялыштіс сапөг нырнас лыа лякөд мусө. А мөд рытө бульдозера тракторөн мольөдіс батыслысь гусө, орччаяссө лөсьөдыштіс и гөрис, да картофель пуктіс.

Сиктсаяс, кор кывсис тайө, весиг шай-паймунісны. И Андрей Игнатовлы лов вылас деливө лои. Кыдзи лыбөма кыис бать гу вылө пуктысьны? Мыйла? Андрейлы вочакывйыс эз сюр. Сійө тырвийө эскис Сидоровлы. Чайтіс, мый директор прав. И видз-мусө сетө колана йөзлы. Налы, кодъяс сы дор мунөны. Мыйла нө паныд мунысьяссө кутас могмөдны? Неладнө лоө.

Өтчыд Андрей бригадирьяскөд ветлөдліс видзьяс кузя. Примиталіс пуктөм турунсө. Аддзис дзевөм турун зорөд. Абу ыджыд, вөв додь, гашкө, лоө. Вөрас, коз пу сайө чөвтөмабсь. Кодлөн сійө, зорөд пиняс некутшөм пас эз вөв. Рытнас висьталіс Сидоровлы. Сійө эз дыр катлась.

– Вайөд кукьяслы! – дөзмөмөн тшөктіс сійө. – Веляммисны, некутшөм полөм абу! Көнкө, думайтөны, том управсьыд нинөм повны, вайөд!

Андрей мөд луннас лөсьөдчис вайны аддзөм турунсө. Трактористьяс мөдісны пыксьыны: өтилы куртны колө, мөдлы ытшкыны, коймөдлы силос гу оз позь энөвты. Быдөнлөн сюри помка. Бригадаса йөз пытшкысь некод эз чепөсйы. Көсйысис сөмын том морт Сергей, коді уджаліс трелөвочной трактор вылын. Пысалісны трактор бөжө телега да мунісны турунла. А колө вөлі ю вомөн вуджны. Вуджисны, Андрей да бригадирыс сөвтисны турунсө телегаө, вайисны кук картаб.

Сергейлы механикыс тшөктіс видлыны тракторлысь мостсө. Зонмьд разис пробкасө. Мост пытшкас тырыс ва. Юөдыс вуджигөн пырөма. Кык лун лои маслө вежлавны. Сергей та бөрын дугдыліс Игнатовкөд чолөмасьны. Да-й йөз сёрни паськаліс: тайө пө и збыль

«царёклы» отсасысь, йёзёс дзескёдысь. Сатшасны кывъясыс Игнатовлы, сёлёмөдз йиджасны. «Додь мында туруныс овмөссө водзё йёткыштіс? – мөвпаліс ас кежысь. – Эз. Сійö туруныс öтчыд сёдчымөн и лои. А мортсö, коді пуктыліс видз боксысь, лои бөрддзёдома. Лёка вöчи, эз ков Сидоровыслы висътавны. А мавтас доныс? Öд выльöс мостъясас ковмис кыстыны».

Сиктыны унаөн на мөстö видзисны. Сьöкыда видзисны. Ковмыліс ты бокысь да вөр пöлöнысь лукйысьны, медым сюраньсö төвйöдны, эжөр да зöридз пуктыны. И та дырйи быдөн вермис веськавны мырддьöм улö.

Вель дыр том управ синсö улö лэдзöмөн ветліс. Яндзим вöлі йöзсысь, мый ыштіс дзёбөм турун вылö. Мыйла сійö вунöдіс, кызди гортас, Важтыбокын, бать-мамысöд да чой-вокыскöд заптылісны кöрымсö «сюраньыслы», кызди гурийысисны-ытшкалісны гөрбуш-косаөн ичөтик вöрса кушинъяс, кодъясöс корсисны дас да унджык верст ылнаысь, кызди ты бокъясысь чукөртисны эжөр да зöридз? А бöрас, мудзöмаось, восьлалісны ботсьöм мир туй кузя, сетчисны нимкодь мөвпъяслы, мый вот-вот суöдас найöс кутшöмкö машина либö вöла-доддя да нуас сиктöдзыс. Мыйла тайöс вунöдіс?!

Гашкö, тырвийö агрономлысь индöдъяс могмөдöмыс отсаліс али бур поводдясы, но медводдза онас картофель да сёркни вайисны тöдлытöм урожай. Картофельыс быд гектар вылысь чукөрмис нельсё ветымын центнерөн. А кутшöмсюрö му сетіс витсёөн.

– Шуда тэ вöлөмыд, Андрей Васильевич, сы мында картофель да мукöд пуктас козыналіс арыс! – вашъялөмөн шыасьлісны леститчысьяс.

Андрей та вылö сöмын зумыштчыліс. Сійö тöдіс: мыйкö кö лоас не сідз, тайö жö йöзыс кутасны сёрнитны сы йлысь дзик мөд ног. Гашкö, и öні син саяс завидьтöмөн скöрысь шөпкөдчöны.

Ыджыд урожай вайис ыджыд тöжд. Вель уна картофель вузалісны. Көйдыс вылö пуктісны. Быд тыртöминö сюялісны, но меститны коли уна на.

– Вай буртуйтам, – вöзйис директор.

– Кызди? Ме ог куж. – Андрей гыжйыштіс балябөжсö.

– Велöда, – кöсйысис директор.

Мөд луннас Сидоров да Игнатов кайисны керсö, кöні вöліны медбур картофель муысы.

– Тані лыа лякөд, ваыс оз кут пукавны, – индіс буртуйтчан местасö директор. – Бульдозерөн вöчам траншея. Пурт пасьяыс и лөб. Шöрас киөн кодъям мөдöс, векныдыкöс, мед сэті сынöдыс ветлас. А вылас пуысь вöчам раз. Сы вылö и картофельсö меститам. Сэсся кысъялігмозыс сувтöдалам костөн-костөн пөвйысь вöчөм трубаяс. Медым сынöдсö бурт пытшысь кыскыны. Буртсö вылысянныс тупкам метра джын кызта турун идзасөн. Тимофейкаыслысь тай арнас көйдыссö босьтім, а сэсся поньталам муөн.

Шуöма – вöчöма. Игнатов вайöдіс бульдозер. Кодйöдіс метра джын содта паськыд траншея. Мужикъяс зырийөн кодйисны векныдыкöс, сынөд ветлөм вылö. Вöчалісны сынөд кысқан трубаяс. Сувтöдалісны найöс куим метра костөн, а медым зэр да лым эз веськав труба пыткас, вöчисны лэбувъяс.

Кор картофельсö буртуйтісны, тупкисны сійöс идзасөн. Та бöрын бурт бокысь идзас вылö кутісны шыблавы му. Андрей локтіс буртуйтысьяс дорö. Йöз сылы элясьöны:

– Тырыс техника, а мусö ки помысь лөб шыблавы.

– Дзик пыр кöша трактор вайöда, – кöсйысис Игнатов.

Вайöдіс кöша трактортö, коді пара часөн тупкис буртсö. Мужикъяс сöмын зырийөн

мольёдыштисны. Эз сэки думышт, мый көша трактор коланаысь кызджыка пуктас мусё. Личкас картопельсё, да сынёдыс костьясёдыс лёкджыка кутас ветлыны.

Ыджыд урожай босьтёмысь да уна йёв лысьтёмысь видз-му вёдитысьясёс ыдждөдлан лунё уналы вичмисны дона козиньяс да наградаяс. И Андрей Игнатовлы овмёсса веськөдлысь морёс вылас пысаліс социалистическёй удж вылын вермысьлысь пас да козьналіс зэв мича дөрём.

Нимкодъ лои зонмыдлы. Нёшта содтіс нимкодълунсё көлысялан лун матыстчём. Тёлысь мысти нин сійё шуис йитны ассьыс олёмсё Ларисакөд.

Том гоэьяён лоысьяс лэччылісны карё ньобасьны. Невесталы бөрйисны платтё, жёниклы – костюм. Гижсьытөдз на өтлаө, ныв патераө, шуисны овмөдчыны. Сылөн Лиза пөдругаыс петіс отпускө да муніс мамыс дорё.

Первойя рытнас жё, кор водісны, Андрей сывйыштіс Ларисаёс, но мөдыс пыр и өлөдіс: – Ми тэкөд кызди сёрнитчим? Гижсьытөдз мед вөлі абу лезитөма!

Андрей вешйис да ышловзис: «Мый нё тайё? Тонякөд нем эз артмы. Öні на дум вылө усьлө, да юр яндзим лолө. Öні со – эн лезит. Пета аслам патераө, чөрту, ог гөтрась!»

Мөд луннас водзджык локтіс удж вылысь. Пыраліс Лариса патераө, чуқөртіс ассьыс көлуйсө да бөр вуджөдіс ас оланінө, а ключсө нывлы почта кудьяс шыбитіс.

Коли лун, мөд, коймөд. Андрейлөн лов вылас сьөкыд. Вуджис аслас патераө, а сьөлөмыс висьё, оз төд, мый вөчны. Андрей улич вылө петалас, гусьён Ларисалөн өшинь вылө кыйкнитлас да ышловзяс. Некутшөм удж киө оз пыр.

Мөд шойччан лун помся Важтыбокө лөсьөдчис лэччыны. Кор дзояник сумкаён петіс керкаысь, паныдаліс сійёс Ларисалөн Лиза пөдругаыс.

– Мый тіян костын лои? – кутіс юасьны сійё. – Ныртө лэпталан, бокиті кытшлалан. Пинясинныд али мый?

– Вывті гордөй, матыстчыны оз позы, – муртса кывмөн шуис Андрей.

– А мый? – чуймис Лиза. – Коктө тэнсьыд мыськавны да сійё васө ырскыны? Гашкө, ачыд тшаппозыйс? Муртса управён лоин да енэжсьыс кодзувьяс кыян! Быттё порсь тшөг кызта лои ыкшалуныд! Думышт, сулалан-ө ачыд сылөн гыж дон! Эн ныртө бокө вешты, збыльтор шу! Воштан шудтө, мөд зон кватитас да нуас!

Андрей нинөм эз шу. Чөла, юрсө лэдзөмөн довгис улич вылө.

Коли вежон. Митрей Вась корис сійёс нимлун пасйыны. Андрей ньөбис козин да сизим час рытын локтіс гөститны. Видзөдө, пызан сайын пукалө Лариса. Тетькөдчө төдтөм зонкөд, коді видзөдө сы вылө нёнпом кук моз, синнас сөйө. Андрей пыр жө зумыштчис. Төд вылас усинь Лизалөн кывьясыс: мөд зон пө кватитас. Пуксис да син бөжнас кыйөдчө. Завидь, сьөд завидь босьтіс.

Талун сійё Ларисаёс быттё первойысь аддзө. Нылыс сылы виль ног петкөдчис. Сьөд, шөвк кодъ юрсиыс шлавгысьөма пельпом вылас, неуна читкыльмунөма. Синмыс аслыспөлөс, быттё некор на аддзывтөм. А кор нюмдө, гөгрөсіник чужөм бандзибын кык-нанладорсяныс мыччысьлөны ичөтик чутьяс, гуранторьяс. Ныр, вом дор – став обичаыс öні Андрейлы кажитчис мичаөн. Лариса талун петкөдчис аньөн, кодөс колө радейтны, кутлыны и оковны. Но öні нылыс пукаліс төдтөм зонкөд да сылы нюмьяліс. Андрейлы коли сөмын кыв-вомсө нювны, бокиянь вишкыны. Пукалө да мучитчө, первойысь олөмас сылөн сьөлөмыс лача воштөмөн доймис.

Кор стопка-мөд пөрөдөм бөрын том йөз петісны йөктыны, а на лыдын и Лариса төдтөм зонкөд, Андрей дзикөдз пузис. Верман-ө терпитны, кор син водзад меліасьöны тэнад невестакөд?! Дыр эз думайт, чеччис пызан сайысь, матыстчис йөктысьяс дорө да кватитіс сойбордйөдыс Ларисаёс.

– Извинит, тайӧ нылыс менам, – пинь пырыс сӧдзтӧс тӧдтӧм зонлы.

Лариса гӧрдӧдӧс, кӧсйис нетшыштчыны, но мыйкӧ кутӧс.

– Мир, – Андрей шӧпнитӧс нывлы пеляс. – Прӧстит менӧ, йӧйӧс. Вешйылам пачводзас, занавес саяс.

– Вешйим, сӧсся мый? – Нылыс стрӧга видзӧдӧс сы вылӧ да виччысис.

– Нӧшта ӧтчид кора, прӧстит. Кӧсъян, ӧнӧ жӧ пидзӧс вылӧ уськӧдча, кӧсъян? – Андрей шлоп уси пидзӧс вылас да небыдика кутыштӧс Ларисалысь коксӧ.

– Сувт, чайта да, прӧщасӧ коран он сьӧлӧмсянь. Кӧдзыд сийӧ тӧнад. Гашкӧ, мӧдӧс тӧныд корсьны? – Нылыс видзӧдӧс збыльвылӧ зӧв мича муговсьӧд синмӧн, кодӧс водзын Андрей эз казьявлы. Видзӧдӧс зон вылӧ веськыда, вешйывтӧг, кутшӧмкӧ аслыспӧлӧс осьса повтӧмлунӧн.

– Тӧ меным колан! Сӧмын тӧ! Ӑнӧ тырвуйӧ гӧгӧрвои, – пӧся шӧпкис Андрей. – Сьӧлӧмшӧрӧй, донай менам!

А сӧсся эз нин вермы кутчысьны, окалис и окалис. И нылыс заводитӧс вочаасьны. Первой полӧгтырйи, а сӧсся пыр пӧсьджыка и пӧсьджыка.

Андрейлы ӧнӧ кажитчис, мый сысы шудаыс танӧ сӧсся некод абу.

Лариса дзѳѳис ыпьялысь чужӧмсӧ зонлы морӧс бердӧ. Пыдӧсянь лолыштӧс, чӧскыд кӧра одеколон дуккӧд ӧтлаын кыскыштӧс морӧс пытшкас сӧтшӧм матысса, тӧдса том вир-яйлысь кӧрсӧ. Сылӧн сьӧлӧмыс чеччис, радлис. Сийӧ важӧн, первойя аддзысьӧмсянь, радейтӧс зонсӧ. Кор Андрей аслас кӧлуйӧн мунис сы дорысь, чайтӧс – век кежлӧ. Сьӧлӧмнас усьлис и ӧнӧ эз тырвуйӧ эскы сылы, а асьсӧ кыскис зон дорӧ, быттьӧ магнитӧн кыскис.

Кӧлысялан водза рытӧ чӧвлунсӧ орӧдӧс телепонлӧн звӧнок. Андрей лӧптӧс трубкасӧ.

– Тӧ мый?! Мый вӧчан?! – кылис трубка пытшкын Тонялӧн чилӧга горзӧм. – Яндысьтӧм син! Гӧтра-асян, менӧ эно-овтӧн! Сӧдз и тӧд! Гӧтрасян кӧ, ачымӧс мыйкӧ вӧча, ваӧ чеччышта либӧ петляӧ пыра!

– Мыйла горзан? Эн горзы, – Андрей кыдз позьӧ лабутнӧя зилис лӧньӧдны. – Кодкӧ кӧ кылас? Петляӧ пӧ пыра. Первой думышт, медым татшӧм кывьясӧн шыблассы!

– Медым! Медым кыласны! Ачымӧс немортӧ вошта, а тӧнӧ срамита! Став мир водзас янӧда! Изменщик, пеж лов!

– Эн йӧйтав, тӧа-меа костын нинӧм эз вӧв. Лӧсялыштӧм и торйӧдчим.

– А мыйла Ягдорас корлӧн? Йӧз водзас петкӧдлӧн? Медым бӧрас шыбитны?!

– Ммм, нинӧм шыбитнысӧ вӧли. Торйӧдчим и ставыс.

– Сӧдз и тӧд, ачымӧс мыйкӧ вӧча! – Трубкаын кылис этшысь петмӧн сыркъялӧм.

– Лӧньӧдчы да эн йӧйтав! – скӧрмис Андрей да шлоп пуктӧс трубкасӧ.

Телепона сӧрниыс лов вылас пыр и тӧдчис. Бара думъяс чужисны: «Збыль ӧмӧй мыйкӧ аскӧдыс вӧчас? Абу, тыдалӧ, тыр сюсь. Татшӧм вылас ӧмӧй позьӧ гӧтрасьны?»

Эз каитчӧм, эз жалитӧм вӧрзӧд зонлысь сьӧлӧмсӧ. «Абу ме первой, абу бӧръя, кодӧ энӧвтӧ нывсӧ. Абу мянӧн тайӧ лӧсьӧдӧма. Татшӧмыд тшӧкыда овлӧ. Нылыд – кыйӧмтор, – Сидоров моз жӧ думыштӧс сийӧ да такӧдӧс асьсӧ. – Эз кӧ сийӧ, мӧд водтӧдлис. Да водтӧдлӧмыс ӧд весьшӧрӧ лои! Рушкуасис кӧ мясянь, мӧд делӧ. А гашкӧ, рушкауа вӧли да меным йӧз кага кӧсйис пысавны? Асьсӧ ӧд абу видзӧма. Сӧдзкӧ, бур, мый энӧвтӧ, кыдз шулӧны, агас пинь йылӧ чӧвтӧ, и нинӧм жалитны!»

Кӧлысялисны декабр шӧрын. Олӧма бабаяс эськӧ ӧна дивитисны да шуалисны: виччысьлӧй пӧ, кассяна воыс помаяс, да вӧлись ӧтлаасьӧй. Но кысь? Андрей эз кӧсйи нӧрӧвитны весиг ӧти лун.

Кöлысялöм мунис кыпыда. Сиктсöветö гижсыны ветлисны овмöсса узикöн. Субöта лун вöли, сиктсöветыс эз уджав, но сы вöсна, мый гöтрасьö управляющöй, предыс ачыс волис гижöдны. Гижисны, чунькытшасисны. Веськыда кө шуны, донтöминик чунькытш вöли сöмын невесталöн. Андрейлы сийöс и лои гöтырыслы чуняс пысавны, а аслас эз вöв. Сьöмыс чунькытш вылас эз тырмы. Предыс мудера та вылö нюмдис, но нинöм эз шу.

Сиктсöветсянь локтигас Андрейлөн машина öдзöсас кыис доймис. Жöсьтыс чурвидзö вöлöм, абу тырвийö кусыньтöмаöсь. Вирыс ас тöдлытöг петöма да гöтырыслысь еджыд платтьöсö вирöсьтöма. Андрей доймöминсö узикас на ныр чышкöдөн гартыштис. А Лариса платтьöсö кусыньтис-чабыртис, но олöма бабаясыд ёсь синмаöсь. Найö ас костас шöпкöмөн пыр жö кывкöрталисны:

– Абу бур водзö, нöшта кассяна во. Абу, абу бур водзö.

Гöсьтыяс пуксялисны пызан сайö. Шöрас ичмонь гозья, öтар-мöдар бокас свидетельяс. Невестасянь – Лиза пöдругаыс, а жöниксянь – овмöсса веськöдлысь Иван Максимович Сидоров. Сы бокрын пукалис Андрейлөн мамыс – Анфиса Ивановна да вокрыс – Дима. Мöдарсяньыс Ларисалөн мамыс, кыкнан чойыс да вокрыс. Андрейлөн батыс висьöм понда эз вермы локны. Эз вöв и вежаныс. Сийö мöдöдöма козин – шоныд вата шебрас да шуöма, мый висьöдчö. Андрей гöгөрвоис, мыйла эз лок. Вежаныс эз окотит паныдасыны Лариса мамкöд. Буракö, на костын сулалис важся öбида.

Тыр öдөн мунис гажöдчöм. Унаысь лэптылисны румка, горзисны «курыд», сьылисны да йöктисны.

Анфиса Ивановналөн челядь пиысь талун нельöд нин семейтчö. Медыджыд пиыс, Валерий, армия бöрти кольчис ыли роч муö да сэтысь аддзис пöвсö. Дима вужьясис Закарсиктö, Лина – Важтыбокö. Андрей со Ягдорö локтис. Анфиса унаысь шулис, мед эз кай сьöд вөр шöрас, көни прамöй туй весиг абу. Эз кывзы, сы рöдö, тыдалö, мунöма. Ачыс öд мамыслысь, Лазар Öдялысь, эз жö кывзы, кор сийö паныд сувтис Василей жöникыслы. Гусьон гортсыс пышйис. Пышйис да бöрас кымын синва кисьтлис.

Кор унджык гöсьтыс чеччис пызан сайысь, кодi йöктыны, кодi куритчыны, Анфиса Ивановна петис орчча жырийö. Аддзис сервантысь фотоальбом, кутис листовны. Мöд листбокса фото вылын шынеля куим мужичöй пукалöны кильчö пос помын. Шöрас – Василейыс, шуйгаладорас – стрелок Яковлев, а коймöдыс тöдтöм. Улиас паськалöм лöз чернилаөн гижöма – 1939 во, Мыс. Кыдзи тайö снимокыс пиыслы веськалöма? Батыслысь, тыдалö, корöма. Снимокыс пыр жö кольöм кадсö казтыштис.

5

Мысын олiгөн найö скöт эз видзны. Ичотика сöмын картофель да град выв пуктас быдтылисны. Олисны көртымалöм патераын стрелок нажötка помысь. Анфиса мöд кагаөн рушкау.

– Кагаыд чужö, да нöшта сьökыд лöб бергöдчыны, – кутис шуавны сийö. – Бөр мунам Закарсиктö. Сэни мамöй мöска, век нин жаляддза йöвтö вичмöдас.

Василей кывзис, но ассыс бөрья кывсö эз тэрмась шуны. Татчöс нажötкаыс кутис. Закарсиктын стрелок уджыд абу. Сöмын колхозын либö МТС-ын лöб мырсыны. Дыркодь катласис, но век жö Анфисалөн помся няргöмыс вермис.

Василей гижис удж вылысь мунöм йылысь шыödчöм.

1940 воö гозья бөр воисны чужан сиктö.

Овмöдчисны верöсыслөн баты-мам керкаö. Керкаыс посводз коста жö, юксьö кык

пельӧ. Ӧтар жыръяс оліс Тикӧн вокыс Анна гӧтырыскӧд, мӧдарас найӧ.

Вокъяслӧн мам-батыс эз нин ловъяӧсь вӧвны. Батыс, Педӧр Иван, сиктсӧветса активист, сӧвет власьт пуксьӧм бӧрын кувтӧдзис, кытчӧдз вермис, вӧрасис. Урал гӧраясӧдз ветліс. Понъяссӧ даддьӧ доддялӧмӧн гӧнитӧдліс, уна кыйдӧс вайліс. Олісны вӧралӧм, гортгӧгӧрса град йӧрын быдтӧм картофель да мукӧд быдтас помось, мӧс на видзисны.

Ӧтчид Педӧр Иванлы чужӧмас чеччыштӧс дзоляник мьль, пыктыштӧс весиг, а колӧ вӧрӧ мӧдӧдчыны. Унджык вӧралысьсыс муніс нин. Иванлы телепит, оз жӧ мьль понда эновтчы! Мунӧм водзвылас тшӧктӧс гӧтырыслы, Пеклалы, пычнитны. Мӧдыс и пычиктӧс орсӧ. Педӧр Иван домаліс понъяссӧ даддьӧ, тэчис кӧлуйсӧ. Меститӧс мукӧд коланатор, пысаліс пельпом сайӧ ружьесӧ, лямпаасис да мӧдіс вӧрӧ. Дыр ветліс-шӧйтӧс вӧрӧд. Вочасӧн чужӧмас пычиктӧм местаыс гӧрдӧдіс, сэсся ёнтыны кутӧс, ыджыда пыктӧс. Иванӧс тайӧ ёна дӧсадитӧс. Вӧр керкаын лыс лап заваритӧм ваӧн кӧтӧдліс рузум да пыктӧминас видзис – эз кокньӧд. Кадысь водз бергӧдчыны гортас эз вӧв окоата. Этша на кыйдӧсыс лои. Босьтӧс вӧрасян пуртсӧ, донодыштӧс йывсӧ пачын. Пыктӧминсӧ пурт йывнас чилснитӧс-вундіс: мед пӧ лӧк вирыс петас да мыськас ранасӧ, но и тайӧ эз отсав. Вундӧминыс нӧшта на ёнджыка пежасис, юрыс кутӧс висьны. Ковмис эновтчыны вӧралӧмысь, локны гортас.

Сиктса пельшӧр сійӧс пыр жӧ мӧдӧдіс Важтыбокса бурдӧдчанінӧ. Важтыбокын куйліс тӧлысь. Бурдны нин кутӧс чужӧмысь, улялӧмысь тупкысьны мӧдіс. Педӧр Иванлы бара телепит лои. Гортӧ колӧ кайны: став уджыс пӧ эндіс. Дзикӧдз бурдтӧг и пышйис.

Регыд мысти чужӧм бокаыс выль пӧв кутӧс улявны. Юр висьӧм важсьыс ёна дӧсадитӧс. Мукӧддырйи сэтшӧма висис, мый Иван инас эз ӧшйы. Кӧть кӧин моз вурзав. Ӧти татшӧм пӧраӧ, кор гӧтырыс лэччис гидӧ мӧс лысьтыны, босьтӧс вӧралан ружьесӧ да петис ывлаӧ. Пос помас пуксис да тшукӧдіс пищаль стволсӧ голя гарчкан дорас, личкыштӧс куроксӧ.

Гӧтырыс кыліс лыйӧм шысӧ, да пӧдӧнчаыс кисьыс усис. Котӧрӧн петис пос помӧ: сәни верӧсыс чужъясьӧ, а бокас пищальыс тшынасьӧ.

Пуляыс жугӧдіс голя гарчкансӧ, розь лои. Доймӧм чужӧм боксӧ пасьвартіс, но юр вемсӧ эз дойд. Эз ӧд кув Иваныд! Пельшӧрыс сувтӧдіс вир мунӧмсӧ. Бурдӧдчан сорасӧн мавтӧс, кӧртавліс бинтӧн. Пыртӧсны Иванӧс гортӧ, водтӧдісны. Видзӧдӧ сійӧ гӧтыр вылас, мыйкӧ кӧсийӧ шуны, но оз вермы.

– Абу олысь, – чӧвтӧс пельшӧрыс.

– Кулас, – ӧтикывъясис сиктсӧветса предыс.

Иван ставсӧ кылӧ, ставсӧ гӧгӧрвоӧ. Юрас югнитӧс коркӧя вӧчӧмторйыс. Мутиясыс сәки туйдісны. Грекуйтӧс, ыджыд грек ас вылас кӧлаліс, сӧрӧн тайӧс казяліс. А гашкӧ, позяс на мыйкӧ вӧчны? Мед кӧть Енмыс мучитчытӧг ас дорас босьтас. Босьтас-ӧ? «Крестыс, крестыс гӧбӧчын...», – думсьыс кӧсийӧ шуны гӧтырыслы, но сӧмын киргӧм артмӧ.

Коли вежон, кык, тӧлысь, а Педӧр Иван век на ловъя. Сӧмын керка пытшысь лӧк дук кутӧс кывны. Пыран да, ныртӧ лоӧ тупкыны. Йӧз дивуйтчӧны, кызди ранитчӧм морт сәйтӧг-ютӧг тӧлысьсӧ вермӧ овны? Предыс заводитӧс туясьны. Корисны гӧтырсӧ, Пеклаӧс, сиктсӧветӧ. Водзмӧстчысьяс кутӧсны гӧгӧрбок юасьны, мыйын делӧыс.

– Жаль меным, рыт-асыв мӧс вӧра йӧв суляӧ кисьта да горшас розьӧдыс вӧляысь чолькнита, – повзӧмвывсьыд винитчис Пекла.

– О, вӧлӧмкӧ, мыйын помкаыс! – предыс кытшовтӧс синнас пукалысьясӧс. – Мый кутам вӧчны?

– Дугдыны вердны, – кыліс ӧтар-мӧдарсянь.

Сиктсӧветса водзмӧстчысьяс чорыда ӧлӧдісны повзӧм нывбабаӧс. Кабала вылӧ ги-жисны тшӧктӧм: «Медым сиктын эз паськав зараза, керкаысь эз кыв лӧк дук да медым Педӧр Иван водзӧ эз мучитчы, дугдыны сійӧс вердны».

Тайо тшөктөм вылө шняпкисны печать да сетисны весьөпөрөм гөтырыслы.

Пекла ээ лысьт водзө вердны верөссө. Ээ лысьт торкны печатя кабала вылын тшөктөмсө. Вежон мысти Иван эновтис таладорсө. Гуалисны сийөс шойна вылө, джуджыд пожөм улө.

Регыд мысти сьөкыда висьмис ачыс Пекла. Тикөн пиыслы тшөктис верөсыскөд орччөн дзэбны. Сідз и вөчисны.

Закарсиктө воисны да, Анфиса эз пыр жө котөрт мам-бать дорас, ээ лысьт. Пышйис верөс сайө налысь юасьтөг и өні полис паныдасыны. Дыр катласис, медбөрын босьтис моздорас дзюлюксө да тапсьөдіс ас керкалань.

Керкаыс, көні чужис да быдмис, стөкан моз на тотшвидзис. Да и мый вермис лоны муртса ветлігкості? Ен видзөма биысь да ваысь, со и сулалө.

Дзирья өдзөс дорын век жө джөмдыліс, сэсыя топөдыштис пиуксө морөс бердас да воськовтис йөрө.

Инпөлын кыкнанныс, мамыс и батыс, пукалісны пызан сайын. Анфисаөс аддзисны да шай-паймунісны.

– Кывлім, локтөмныд, мися, он нин волы-а, – первойөн шыасис мамыс. – Пышйин, йөз серам миянысь вөчин!

– Мамө, эн вид, мыжа ме, – муртса кывмөн шуыштис Анфиса.

– Лелькуйтім ичөтсынь. Медся дзюля, став чөскыдыс тэныд. Батыд балуйтис. Пасибө пыдди мир сьмек вөчин! – эз вермы лөньны мамыс.

Мамыс видчис, ёна видчис, а батыс пукаліс пызан помын, зумыштчөма. Медбөрын чеччис, матыстчис Анфиса дорө, нюзөдіс кисө кагукысла.

– Вайлы гөгаписө меным, – шуис сийө.

Анфиса кыв шутөг сетіс. Гөгапиыс видзөдіс пөлыс вылө лөз енэж кодь синнас да вашьяліс, лэдзалис дульсө.

– Пинь, тыдалө, петө, – небыдика кайтыштис пөлыс да юалис Анфисалысь: – Арөсы тыри нин?

– Да, пинь петө. Апрель 25 лунө арөс тыри. – Анфисалөн сьөлөм дорыс личмуніс, мый батыс эз кут видны. Писө сылысь ки вылас босьтис.

– Миян рөдө муныштө жө, но унджыкыс сьлөн, Василейсылөн.

Кагукыс быттө отикывьясьө пөлыскөд.

– Гы-гы, – шуалө да кекөньсө нюзөдө, зильө пөлыслысь гөрд тошсө кватитны.

– Мөдөс нин виччысьө. – Лазар Одя индіс нылыслөн рушку вылө.

– Виччысям, мамө. Ми өд унаөн жө быдмим.

– Унаөн, но ме петі верөс сайө мам-батысянь благслөвитөмөн, вичкоын венчайтчөмөн, – воддза моз стрөга сёрнитис Лазар Одя. – Ен төдтөмяс, садьтө воштөмныд! Гашкө, пырттөм на дзюлюкыс?!

– Пырттөм, Василей оз лэдз, – шуис Анфиса.

– Енмыс ёрас сийөс!

– Ме ёна нин дөжналі, но сөмын скөрмө.

– Аски волы, миянын пыртам, – кывкөрталис Одя. – Кора Ласей Прокөос. Öні сийө гусьөн попалө. Вичкосө тупкисны «безбожникьясыд», склад сэтчө восьтисны. Му вежөмдырыд, тыдалө, воис. Батыд вичко вылас крестсө лэптыліс, а «безбожникьяс» лэдзисны.

Лазар Одя мурч вөчліс вом дорсө, чөвтис пернапас, а Трөш Иван чөв оліс.

Мөд луннас Анфиса локтис мам-бать дорас. Тані ставыс нин вөлі дась. Пызансө вештөмаөсь джодж шөрө, а сы вылын сулаліс ыджыд ыргөн таз. Мамыс сийөс бур туйө ви-

дзис да зэв геждо лэптыліс. Пач вом дорын руаліс пось ва ведра. Улос пель вылын ошаліс дзик виль, бура ыджыд рузум.

Анфиса чолёмасис, пырис пыді жырьо да пуктіс кагуксё крөватьё. Юаліс мамыслысь:

– Мый колё вөчны?

– Прокё ставсё вөчас, мый колё, сійо и вежайнас лоо, – вочавидзис мёдыс.

Анфиса мамыслы паныд нинём эз лысьт шуны. Гусьон пыртёны кагуксё, да кысь мёд вежайос корсян? Ласей Прокё шоныд ваон кисё мыськыштис, ведраысь кисьтис дэбыд васё ыргон тазйё да матыстчис кага дорё, босьтис ки вылас. И вомгорулас молитва лыддигмоз вөляысь куимысь дзумгыліс ва тыра ыргон тазйё. Та дырйи шуаліс, мый пыртчё раб божой Валериан. Пуктіс кагасё виль еджыд рузум вылё, ошодіс голяас көв йылын ичотик ыргон перна, табыштис. Пыртём кагуксё мыччис Анфисалы.

Лазар Одя зіля меститис пыртчан утварсё, чышкис пызан выв да пуктіс шөрас пось са-
моуар. Ставон пуксисны чай юны. Трөш Иван малыштис гөрд тошсё да шуис:

– Одя, мыйкё тай оз тырмы.

– Дзик пыр. – Лазар Одя вайис пачводзысь вөрзьөдлытём на сургуч печатя водка сулея.

Трөш Иван восьтис сулеясё, кисьтыштис вөсни кока румкаясё, юрбитёмон да дзоля кага-
лы дзоньвидзалун кевмёмон пөрөдіс румкасё вомас.

Анфиса эз ю, сылы оз позь да эз на велав курыдторсё видлавны. Лосьөдчис бөр мунны:
Василей локтігкежлө пө колё шыд пуны.

Лазар Одя дасьтёма сылы тубрастор.

– Мушник* бура ыджыдөс пукті, талун пөжалі, посводз залавкаын, петігад босьтан, –
шөпнитис Анфисалы.

А Трөш Иван гыжйыштис юрсё, нөшта отчид малыштис кагуксё да тшөктис гөтырыслы:

– Одя, пөжастё Анфисаыслы сумкаас пукты. Сёясны, сылы куимлы паныд колё нурь-
ясьны.

Лазар Одя дасьтёма тшөктём эз виччысь, пыр жё лосьөдіс выйон мавтём көвдумьяс.

Анфиса бать-мам дорысь петис кыпид чужёмон, лов вылас лои кокни, ёна кокни.
Оти-кө, писё лои пыртёма, мөд-кө, мам-батьыс сійос прөститісны. Вёськыда эз шуны, но
ставыс петкөдліс: прөститісны.

Та бөрын Анфиса, кор сюрліс стрөка, воліс бать-мам дорё. Трөш Иванлы пыр ёнджи-
ка воис сьолём вылас гөгапыис, Валерианыс. Ворсөдіс сійос, пидзёс вылас босьтліс.
Малыштлис юрёдыс да лэдзліс джоджө. Кагук заводитис нин кок йылө сувтавын. Зіліс
котөртны пөльыс бөрся. Мыйкё ас ногыс шуаліс, дзользис лэбач моз. А Трөш Иванлы любө.

Отчид Анфиса локтіс бать-мам дорё. Трөш Иван любитыштис гөгаписё, сэссия пыраліс
гөбөчө да петкөдіс пергамент бумагаө кышөм ичотик туис. Ветьөкөн чышкаліс ошйөм ёгсө
да восьтис туислысь вевтсө.

– Кор тэ чужин, миянлы удайтчис сьөмтор чукөртиштны. – Трөш Иван перйис туисысь
дөра пытшкө гартыштём ёкмьль да разис. – Со сарлөн на зарни сьөмпас. Приданной
пыдди видзим. Тэныд сөмын, бөрья нывлы, артмис сьөма приданнойыс. Та вылё сар дыр-
йи позьё вөлі керка кыпөдны и мөс да вөв лосьөдны. Оні, дерт, ог төд, став олөмыс
путкыльтчис да. Но зарниыд, көть кутшөм власьт оз ло, чайта, оз чусмы. Босьт тайө
приданнойсө да дзеб. Кор вывті сьөкыд лоө, сөмын сэки перйы. Гөбөчад гуышт, сөмын
ачыд мед төдан. Тані со кабала вылё гижи, мый ми сетім тэныд приданной. Тайөс туисас
жө и пукта.

– Василейыдлы эн висьтав, – өлөдіс Лазар Одя. – Оз менам сьолөмой сійос примит.

* Мушник (диал.) – пөжалөм нянь.

– Ог, воча сідз, кызд тшөктанныд. Пасибө, сё пасибө! – Анфисалөн синваыс ыльөбтис, гашкө, радысла, а гашкө, кутшөмкө мөд помка вöсна.

Керка пытшасяэз ээ казявны, кызди налөн сёрнитігкості вöсьса дзиръя өшинь дорын сулаліс кодлөнкө вуджөр, а сэсся уйкнитіс и вошис.

Гортө воис да, Анфиса унмовськөдіс кагуксө, а сэсся өзтіс пөнар да гөрбылясьөмөн пырис гөбөчө. Педөр Иванлөн керка гөбөчыс ляпкыдик. Зэв дзоля өшинь пыр югыдыс прамөяз оз лок. Колө корсьны места, кытчө эськө батыслысь сетөмторсө дзебны. Өти пельөс видліс, мөдөс. Өтилаті зырийөн кодйыштіс, мөдлаті. Пуксис да кутіс думайтны, бурджык дзебас корсьны. Син улас уси ыджыд пач подулыс. Педөр Иван пач подуvsө тэчлөма изйысь шавъялысь лыа вылө. Изъяссө пукталөма өта-мөд бердас, извесьт сорасөн крепитөма. Анфиса зыр воропнас тотшйөдлыштіс, гөгөр тукйөдліс, став изйыс зумыда өта-мөд дорас ляксөма. Но со стенбоксаыс өти быттьө вөрзьяліс. «Час, дорөм пуртөн гудйышта», – думыштіс Анфиса да петаліс пуртла. Гудйыштіс изтө, перйис ас местаысь. Тыдовтчис бура ыджыд розь. Анфиса видзөдө розь вылө. Колө эськө кисө розяс суйлыны, но полө. Друг сэнй шыр овмөдчөма? Закарсиктын крысаяэз нэмсө ээ вөвны, а вот шырьясыд эмөсь. Медбөрын смелмөдчис да кималаснас видліс, мыйся розь артмөма. Вөлөмкө, Педөр Иван дзебас вөчлөма. Дзебас пельөсын кыис инмис кутшөмкө ёкмьльө, перйис. Дөра пытшкө гарыштөма зарни крест. Анфиса матыстіс пөнарсө да гөгөр видзөдаліс крестсө. Кызд татчө веськаліс? И төд вылас уси йөз сёрни.

Кор Закарсиктын заводитісны бурджыка олысьясөс кулачитны да мөдөдавны дзескыдінъясьө, сэки жө арестуйтісны татчөс попсө, батюшко Өлексейөс. Висьталөны вөлі, Педөр Иван пө тшөтш комиссияс вөлөма. Буретш сійө пө вичкоас нетшыштлөма поп голяысь зарни крестсө. «Со кытчө дзеблөма Иваныд! Мыйла? Гашкө, көсийс инавны? – Анфиса видлаліс крестсө да майшасис. – Енмыс асьсө таысь мыждіс. Сы бөрын өд и висьмис да куліс ээ прамөй морт моз».

Анфиса бөр пуктіс аддзөмторсө. Сэтчө жө суйис асьыс туиссө да ас местаө пуктіс изсө. Лөсьөдыштіс, медым перйылөмсө он казяв. Аддзөмтор да дзебас йылысь весиг верөсыслы ээ висьстав.

Өтчөд бать-мам дорысь локтіс да кильчө пос вылысь пыр жө аддзис кок туй. Кодкө петөма керкаысь да кольөма коксьыс гылалөм му торьяс. Кок туйыс синмас шыбитчис сы вöсна, мый Анфиса поссө водзвылас мичаа мыськаліс. Думайтис, мый Тикөн нйит кокнас мунөма, а пырис посводзас да аддзис: Тикөнлөн өдзөсыс таса, а кок туйыс асланыс жырийысь петөма. «Василей воліс али мый?» – думыштіс нывбаба. Но кор вöсьтіс жырийөдзөссө, пыр и казяліс – кок туйыс гөбөчсянь петө.

Анфиса пырис гөбөчө. Быдлаті, кыті водзын ачыс зырийөн кодйышталіс, лукйөмабсь. «Кодкө менсьым дзебас корсьөма», – чуймис сійө да видліс пач подуvs изсө, сійө абу вөрзьялөма.

Керкаө пыралөм йылысь рытнас Анфиса висьталіс верөсыслы:

– Гашкө, игнавны заводитны? Чудесаыд, нэмсө карнанөн кильчө өдзөс тасавлім, а өні томан лоө өшөдны. Коді шпанаыс, мый гөбөчсьыс корсьө?

– Жытныкын вөлі томан, сөмын ключыс вошліс, – шуис Василей.

– Көть сэтшөмсө өшөдам, гашкө, оз сэсся лок.

Но шобсьысыд нөшта на пыраліс. Сы бөрын Василей вайис бур томан да игналіс кильчө өдзөссө. Медым Тикөн гозья вермисны керкаө пырны, ключсө дзебасө кольлісны.

Коркө Анфиса дорө пырис Тате пөдругаыс. Эз на локтөмсяныс волы, туй вылын сөмын паныдасьлісны.

Тате сьөдіник, ичөтик тушаа, заводитөма яйсермунны. Ыджыд, мужиклөн кодь, нырсө

помся кыскыштылө, сэки гөгрөс чужоьмыс тешкодя көрсьылө. Кызеник паръяссө отарө нюлыштө. Быттө горшыс помся косьмө. Гашкө, тшөгны пондөма, да сы вöсна али кутшөмкө висьом понда? Пыригмозыс Тате уськөдчис Анфисалы сьылиас, кутыштылис.

– Час, мися, пырала, видла, кызди оланныд, – ловгоршөн артмис сьлөн.

– Олам тай, прөйдит, шойччы. – Анфиса малыштыс водздөрасө.

– Регыд нин? – Тате индис подруга кынөм вылө.

– Абу на. Висьтась ачылд, кызди олан? Төндзи тэрмасы вөли, да эг слөймөй сёрнитны. Верөс сайө эн на пет?

– Эг, Василей кодьыд тані сэсса абу, кыс корсян?

– Мыйла тэныд Василей кодь колө? Сымда томуловыс сиктын. Любөйөс верман крукыштыны.

– Любөйыс оз ков. Да-й абу ме бөрйыссыс. – Тате дзалснитлис синнас Василей вылө, коді чөла пукалис пызан помын да төв кежлө дөмис валеги.

Тате надейтчис, мый Василей ськөд көть нин синнас паныдасылас. Гажыс өд медьёна сы вöсна быри. Но мөдыс быттө нинөм эз и казав. Том морт важөн нин велалис видзөдлас серти вөчны аслыс кывкөртөдьяс. Сійө эськө эз жө бөрынтычы кольчывны нылыскөд ас кежыс. И татшөм стрөкаыс сюри.

Аръявылыс нин, удж бөрын, колхоз гаражсянь локтө вөли гортас. Тате керка дорті мунігөн Василейөс кодкө чукоьстис. Аддзө, Тате кинас сылы өвтчө: пырав пө. Нылыд пыригмоз нюжөдчис окасьны. Кималасөн корсис ассьыс ковта кизьсө. Кутис пөрччөдны зонсө, кодлы тшөтш жө нывсянь вуджис көсьоьмыс. Паськөмныс лэбис отарө-мөдарө.

Бөр пасьтасигөн Василей чөвтлис синсө Тате вылө да дөвөльпырыс вашмуніс.

– Василей, мунам мекөд, карө лэччам. Ме сьомсө корся, – пөся шөпкис Тате.

– А гөтырөс энөвта?

– Ті жө абу гижсьөмныд, ачылд висьтавлін.

– Кага эм, мөд лоө.

– Но и мый? Миян, Ен кө сетас, лоө жө.

Василей эз вочавидз, довкнитис юрнас да петис керкаыс.

Анфисалөн подруга лои верөсыслөн мусукөн. Мусукасьоьмыс кыссис пөшти олөм помөдз. Коставлис сөмын война вылө ветлігөн. Сэки Тате сибөдліс ас дорас «револьверөс», Пома Гришаөс. Гришаөс фронт вылө эз нулыны. Том дырйи веськавліс вөла ытшкан машиналөн коса улө да дойдліс веськыд кисө и коксө. Та вöсна чотис, а веськыд киас коли сөмын певйыс да индан чуньыс. Кор Гриша чургөдліс кисө, артмө вөли револьвер кодь. Ки пондаыс и көлавліс «револьвер» нимсө. Доймөм ки-кокыс сылы эз мешайт радейтны нывбабаясөс, кодьяс колины мужикьястөг. Война кадся да бөрсая воясө «револьверлөн» чужис дас өти ныла-пия, но Тателы кага эз өшйы...

6

Андрей Ларисалы вөзйис Виль восө пасйыны кыкөн.

– Лоам тэ да ме, некод сэсса оз ков. Аски жө Дане грездсянь локтігөн керышта козсө. Төрыт лесхозө пыралі, билет вешті, а то абу лөсьыд билеттөгыс. Гашкө, некод нинөм оз шу, но век жө...

Вайөм козсө сійө жө рытө вөччөдісны, өшлисны быдсяма чачөсө. Мича лои козйыс. Андрей лөсьөдыштыс коз лап йылыс зарни черисө, коді бовьялис сунис йылын да видзөдіс том

мортлы веськыда синмас. Зарни чериыс пыр жö дум вылö уськöдiс челядьдырсясö...

Öтчид, тадзи жö Виль во взвылын, Дима вокыс да сийö думыштiсны ветлыны матысса вöрö вильвося козла. Лямпаасисны, вöнялисны купайкаяснысö. Дима вöнь костас суйис дзоляник чер.

Öнюш вöтчö бöрсяньыс. Лямпаыс ыджыд да сьöкыд, пöльыс на вöравлöма сийөн. Лямпа увсö кöр кучикөн эжöма. Шлывгö гылыда, а чой паныд кайигөн тшöть кодь гöныс бöрö искотны оз лэдз.

Вель дыр корсьысисны, öти коз дорö матыстчыласны, мöдöс видзöдласны. Некусь мича да пашкырыс оз сюр. Он öд кутшöмкö понöль вай! Пöсвэтöдз лои собавны, медбöрын сюри, джуджыдкодь и пашкыр.

Дiнöдыс босьтiс Дима, а йылас Öнюш кутчысис. Воисны горт öшинь улö, коз вылысь öшйöм лымсö пыркöдiсны.

– Пыртам керкаö, – веськöдлö Дима.

Козсö джодж шöрö пу крест вылö сувтöдiсны. Керка пытшкын разалис небыдик сир дук, весиг ныртö гильöдiс. Пыр жö локтан праздниксö казътыштiс.

Вокъяс рытывбыд мичмöдiсны козсö. Öшлисны бумагаысь вöчöм чачаяс, лым чиръяс. Югыд чай бумагаөн гартыштiсны коз пу кольяс да тшöтш некумынлаö пысалисны. Важ, шогмытöм купайкаысь перьялисны ватасö да коз улö вольсалисны, лапъяс вылас пуктышталiсны. На серти зев мича козийыс лои, нимкодь видзöдны.

Мöд луннас Öнюш петiс ывлаö. Пыр жö паныдасис орчча керкаысь Петя Новосёлвкöд. Новосёлвъяс регыд на овмöдчисны татчö. Батьсö мöдöдöмаöсь уджавны главнöй инженерөн Важтыбокса леспромхозö.

– Миян ёлка эм! – Öнюш ошйысис Петялы.

– А миян важөн нин сулалö, пöтöлöкöдз инмö!

– Мича? – эскытöма юалис Öнюш.

– Да, лок петкöдла.

Öнюш пырис Петяясö да весиг шай-паймунiс. Сэтшöм мича коз сулалис джодж шöрын! Коз йылас чим гөрдөн дзирдалö кодзув, а лапъяс вылас мыйта чачаыс! Мичасьыс-мича, ставыс лавкаысь ньöбöм. Медся улi лапъяс, сунис йылын, катласис картонысь вöчöм зарни чери. Дзоляник, вомсö паськöдöма, а бокинджык öшалö яблög. Чöскыд дука, ачыс вöзйысь: курччы пö менö. Öнюш öтарö юрсö бергöдлiс, мöдарö. Аддзö, Петя саймовтчис. Öнюш копытчыштiс да ваз курччис яблөгыслысь боксö. Сэтшöм юмов да чöскыд!

А зарни чериыс пыр на видзöдiс сы вылö. Быттö мыйкö кöсий висьтавны. И Öнюш синсö оз вермы вештыны. Сылы пыр жö уси дум вылö мамыслөн мойдыс, кöни зарни чериыс став корöмсö пöрысь пöльыслысь олöмö пöртö. «Меным мыйта яблög вермас вайны, татшöм жö мичаöс да чöскыдöс!» – думыштiс зонка да тэрыба суйис зарни черисö зептас.

Рытнас ворсiгөн зепсьыс гусяторйыс уси джоджö. Чой-вок казялисны да чуймисны: кысь пö татшöмыс? А Дима вокыс горöдiс:

– Öнюш Новосёлвъяслысь зарни черисö ёлка вывсьыс гусялöма!

Öнюшöс ставөн кутiсны видны, а батьыс пöрччис косьыс сьöкыд пражаа кучик тасмасö да лöсьöдчис вачкыны писö.

Детинка кынмис места вылас. Сэтшöм страк босьтiс, мый ки-коксö быттö паралич жугöдiс. Став тушаыс измис, шы оз вермы лэдзны. Повзьöм синмөн видзöдiс кöрт пража вылö. Кылис, кыдзи гач питi, кок вож костöд визувтiс пöсьыс. Тайö ускöттöыс нöшта на повзьöдiс сийöс.

– Петкöд бөр! – кылис батьлысь равöстöмсö.

Öнюш котöрөн петiс Новосёлвъясö. Öдзöссö осьтiс Петялөн мамыс. Сийö аддзис

детинкалысь чургөдөм сарога кисө, чабыртөм зарни черисө и ставсө гөгөрвоис. Чола матыстчыліс мичмөдөм коз дорө. Копыртчыштис да босьтис ошалысь яблөгсө. Воськаліс буретш курччыштөмыс, но тайос эз казяв.

– Яблөгыс да зарни чериыс мед тэныд Көдзыд Пөльсянь лооны козинөн, – и юрөдыс малыштис.

Та бөрын Öнюш вөлі дзевсьылө кутшөмкө ылі пельөсө, перйө зепсьыс зарни черисө да сёрнитө сыкөд.

А юасьтөгыд сэсся некор йөзлысь нинөм эз босьтлы.

Батьсө көрт пражаа тасмаөн ыршасьөмысь сійө важөн прөститис. Жаль, мый висьөм вөсна весиг көлысявны эз вермы волены.

7

Выль во точкөм бөрын Андрей лэччыліс Важтыбокө. Звөнитлісны гортсяньыс: Родьө пө код юрөн кынтис ки пөвсө да куйлө бурдөдчанинын. Кынмалөма сы выйөдз, мый вундыны лоөма. «Со тай мый лои, сійө жө образтө сартасө вөлавліс». Важтыбокө лэччигөн дум вылас воисны важсяыс да мамыслөн коркөя кывъясыс, мый Енмыс оз прөстит, кисө босьтас.

Бурдөдчанинын Родьө вокыс крөватьын куйлө, синсө дзебө. Зильө еджыд вевттьөдөн тупкысыны. Яндзим сылы, мый код юрөн ки пөвсө воштис, сикт пасьта сёрни кыпөдіс. Кыдзи водзө пондас овны? Татшөм юалөмыс юрас помся бергалө. Кыдзи паляліс, сідз и майшөдлыны кутис. Нөшта вокыс со чөв оло, төдөмысь, думнас видчө-пиналя. Дерт жө видчө, сөмын явө нинөм оз шу. Видіс кө, Родьөлы лов вылас кокныдджык эськө лои...

Андрей эз видчы, лэптис тумбочка вылө гөстинечсө да чөла и пукаліс. А мый татчө шуан? Чорыд кывъяссө сымда висьталөма, мый некытчө нин оз төр. Регыд и муніс Родьө дорысь.

– Бурдөдчы, – небыдика шуис да петис жырйысь.

Сэжи жө, Важтыбокө волігөн, кывліс: Тоня Потапова пө апыштөма кутшөмкө таблеткаяс. Скорөйөн нуөмаось бурдөдчанинө, а сэсянь психбольницаө торксьөм вежөрсө лөньөдны.

Но Андрей эз ставсө Тоня йылысь төдмав. Нылыс көть веськавліс бурдөдчанинө, дыр сэнi сійөс эз видзны. Вежон мысти нин лэдзисны: тыр сюсь пө, абу налөн висьысь.

Тоня Потапова Важтыбокө эз кай. Локтис уджавны медсестраөн юрсиктса райбольницаө. Сьөлөмыс сылөн измис. Чужис лов пыткас Игнатовлысь водзөс босьтан ыджыдсьыс-ыджыд көсйөм. Вермис кө, өні жө парсаліс яндысьтөм чужөмсө, а сэсся мөдарьюгыдас мөдөдіс. Эз кө сылы, мед и эсйө янсөдчысьлы оз ло. Тоня ёна скөрмис, и сылөн рөдняыс зон вылө лөгасис. Улич шөрын Андрей паныдасис чойыскөд, здоровайтчис, но мөдыс юрсө мөдарө бергөдіс.

Быдлунья төждьяс саймовтисны Тоня йылысь лөк думьяс. И волісны найө пыр гежөдджыка и гежөдджыка. Удж вылын быд лун мыйкө да мыйкө не сідз. Но слабог, став лоөмторйыс эз вөвны төдчанаөсь.

Өтчыд бригадир Марья Васильевна скачөн воис вөла рөзваль доддьөн, пырис кантораө, атшалөма.

– Андрей Васильевич! – горөдіс сійө. – Керөсад картопель буртыд сотчө!

– Кыдзи сотчө? – чеччыштис улөс вылысь Игнатов.

– Сідз жө, восьті сынөд петан розьсө, а сэсянь пөсьыс чужөмө койыштис. Көдздөдліс да розьсө турунөн тупкылі, мед, мися, оз кынмы. Лок кайлам, ачид видзөдлы.

Сөлісны рөзваль доддьө да вөвсө скачөн вөтлісны. Збылысь, керөсын картопель бурт шоналөма. Көнсюрө весиг ляпкалөма. Пөсьнас коялө, сідзкө, сисьмө. Труба розьясысь

туйпӧдъяссӧ кыскалісны, да быттӧ пачьяс моз мӧдісны ломтысьны. Сэтшӧм ӛна шоныд уль руыс кутіс петны.

– Тэ кор розьяссӧ тупкавлін? – Игнатов стрӧга видзӧдліс бригадир вылӧ. Чайтіс, мый картофельыс шоналіс сынӧд кыскан розьсӧ тупкӧм вӧсна.

– Регыд на, кор ӛна кӧдздӧдліс, мед, мися, оз кынмы.

– Но и но, ковмас директорлы висътавны. – Андрей нӧшта ӧтчид видзӧдліс, кызди трубаясыс пуритӧ-петӧ пӧсь руыс, да дзыкӧдз шогӧ уси.

– Сійӧ, гашкӧ, тӧдӧ нин. Сылӧн тӧдтӧминыс оз овлы. Ойя жӧ нин ойя, – заводитіс оллявны Марья Васильевна.

– Водзвыв эн бӧрд, видзӧдлам, мый шуас Иван Максимович.

Рытнас планӧрка дырйи картофель бурт сісьмӧм лои медшӧр сӧрниӧн. Шуисны буртсӧ восьтыны, мый шогмас, мӧсьяслы вердны.

Асывсянныс керӧсӧ кайисны бригадаса йӧз. Весиг стрӧйбригадаыс мужичӧйясӧ босьтісны. Лунтыр лымсӧ, мусӧ да идзассӧ бурт вывсьыс весалісны. Кӧша тракторыд мусӧ кыза пуктӧма, дыр ковмис камгыны лӧмъясӧн, чуктӧдны да кык-куим морт кутчысьмӧн пластсӧ шыбитны бокӧ. Воссис буртыс да, лятикодъ картофель тыдовтчис. Кодсюрӧс пеж дуксьыс весиг восӧдіс. И тайӧ ляти пытшсьыс колӧ мичаджыксӧ торйӧдны, мешӧкавны да новлыны скӧт картаясӧ. Уджыс вӧлі уна, нӧшта няйт да сісь дука.

Мӧд асылӧ Игнатов бара кайис бурт дорӧ. Видзӧдліс лукйысьыс йӧз вылӧ, и сӧлӧмыс гудыртчис. Йӧз шуасисны, стрӧйбригадаыс Сем Вань руньсӧ кысьыс пыркнитіс, мамыкыштіс, видзӧдліс Андрей вылӧ да горӧдіс:

– Кодкӧ таыс премия да орден босьтіс, а миянлы луась!

Игнатовлы сылӧн кывъясыс чушисны, дӧзмискодъ да заводитіс паньд сувтны, асьсӧ дорйыны.

– Зэв тай гора гӧлӧсыд, – зумыштчис Сем Вань вылӧ да чорыда крапкис-шуис: – Вунӧдін ветымын кӧкъямысӧд статьясӧ?!

– Эн повзьӧдчы, сійӧс, Сталинскӧй статьясӧ, важӧн нин киритлісны!

– Сорасин, статьяыс эм, – вензис Игнатов.

– Эм кӧ, тэнӧ сісьмӧм картофеляс колӧ зульӧдны да кык пельӧдыд кутӧмӧн нуны!

– Кытчӧ?

– Лагерас, кӧні пукалӧны 58 статьянас! Тэ ӧд тані бурт вӧчигас командуйтін, тэ мыжаыс! – скӧрыс тешитчис Сем Вань.

– Шуан – ме мыжа, а ог тӧдӧй, мый понда сісьмис, – лӧньджыка нин висъталіс Андрей.

А Сем Вань эз ӧвсьы, плеш пырыс видзӧдліс управ вылӧ и бара горӧдіс:

– Он кӧ тӧд, эн и повзьӧдчы! Зырымбедь на, лок пыр да ачид луась!

Игнатов бурт пытшкӧ луасьны эз пыр, но Сем Ваньлӧн кывъясыс быттӧ ӛсь пуртӧн морӧсас сутшкисны, сатшисны и лич оз вартны. Сиктӧ локтігӧн быд воськолын кыліс: «Таыс тэ мыжа!»

«И мыйла казъышти ветымын кӧкъямысӧд статьясӧ? Ӧд и збыльыс сійӧс важӧн киритісны. Кӧчан юр, оз позь тадзи сӧрнитны. А кызди? Тэ вылӧ кӧ воӧны, мый вӧчны? Нылыштны? А гашкӧ, збыльыс ме и мыжаыс?» – майшасис Игнатов ас кежын.

Войсӧ прамӧя эз узь. Муртса ойбыртлас, и воӧны юрас Сем Ваньлӧн кывъясыс: «Тэ мыжа, – да нӧшта быттӧ содтӧ: – Тэнӧ колӧ нуӧдны НКВД-ас. Тэныд ветымын кӧкъямысӧд статьяыс буретш лоӧ!»

Мед не садьмӧдны гӧтырсӧ, муніс диван вылӧ, но сідз восьса синмӧн и куйліс.

Асывнас муртса ырситіс чай стӧкан. Чуймӧм гӧтыр водзын перйис гардеробыс

козьнавлөм дөрөмсө, көрөбысь босьтис удж вылын вермысьлысь пассө да гартыштіс кыкнанторсө газетө.

Талун сійө мөдөдчис веськыда кантораө. Эз весиг кежав гаражас, кызди быд лун вөчлывлө. Пырис аслас уджалан жырийө да босьтис кабала. Гижис удж вылысь мунөм йылысь шыөдчөм. Пукаліс, мөвпаліс, кутшөм помка гижны. Дыр мөвпаліс, сэсся содтіс: «Ме лыддя ачымөс мыжабн картофель сісьтөмын». Босьтис тубрассө да кабаласө и кайис мөд судтаө, директор жырийө. Өдзөсыс восьса, но көзьяиныс эз вөв. Эз мөд виччысьны, пунктис пызан вылас шыөдчөмсө да тубрассө и бөр петіс, мөдөдчис мөс картаө.

Видзөдіс, кызди лысьтысьсысыс мыськалөны вайөм сісь сора картофельсө да вердөны сюраньяссө.

– Андрей Васильевич, – кодкө шыасис на пиысь. – Йөлыд талун вель уна содөма.

Но мөдыс сөмын юрнас докнитіс. Некодлы синмас видзөдлытөг, юрсө өшөдөмөн кытшовтіс картасө да петіс.

Коли быдса вежон. Сидоров помся мунө карө, а Игнатовлы некутшөм юөр оз во. Весиг пыраліс кадровик дорө, юаліс, приказыс сы вылө эм абу.

– Кутшөм приказ? – чуймис мөдыс.

Игнатов зунгыртчис да чөла петіс. Сідз, юрсө өшөдөмөн, пемдытөдз шөйтис ёрөм морт моз.

Рытнас сы дорө нем виччысьтөг Сидоров ачыс локтіс, киняулас тубрас топөдөма.

– На босьт козинсө и пассө, а шыөдчөмтө ме косявлі. Эн асьтө ви, абу тэ картофель сісьмөмас мыжа. Мыжаыс ачим, ме тшөкті буртсө вөчны. А картофельыс вөлом фитифтораөн висьө, сійөн и сісьмис. Эз ков буртуйтны, а пыр жө скөтлы позис вердны. Ме тайө вежоннас лэччөдлі картофельсө анализ вылө. Лабораторияын и аддзисны висьөмсө.

– А йөзыд менө мыждөны, – вочавидзис Андрей.

– Йөз вомтө тупкыны он вермы, но ме лючки висьтала, гөгөрвоасны. А тэныд колө юртө вылө лэптөмөн водзө уджавны. Оз ков муас видзөдны. Пөрысь йөз шуөны: муө кө синъян, нэм помыд дженьыд лоө. – Сидоров сетліс кисө Андрейлы да петіс гортас.

Директор мунөм бөрын зонмыд вөлисти лолыштіс кокныдджыка. Тайө войсө узис садьмывтөг.

– Но и унпур! – асывнас чукөстіс гөтырыс.

– Унмыд пө кызд озырлун. Кымын дыр узян, сымын унджык колө.

– О-о, йөзкост шусьөгьяс дум вылө воисны. Сідзкө, ставыс бур?

– Бур, ме абу мыжа! Картофель сісьмөмын ме абу мыжа! – кватитіс гөтырсө коскөдыс да гоз-мөдысь бергөдіс.

– Ой, лэдз! Лолөй печатайтчис!

Андрей чупнитіс гөтырлысь бан боксө, зіля пасьтасис, ырснитіс чай стөкан да котөртис удж вылө. Сійө бара кыпид сьөлөмөн вөчис управляющөйлысь уджсө. Котраліс, мудзсө эз төд, зілис быдлаө удитны-волыны. Мый эз төд, юасис йөзлысь, директорлысь. Тшөкыда паныдасьліс агрономкөд да зоотехниккөд.

Райком индөд серти видз-му вөдитысь специалистьяс заводитісны ветлөдлыны районса овмөсьясөд. Юкисны өта-мөд костын төдөмлуньясөн да уджын вермөмьясөн. Ягдор овмөсса шөр отделениеын виччысисны гөсьтъясөс. Игнатов вежонөн войдөр заводитіс лөсьөдчыны. Тэрмөдліс, ышөдіс мөс лысьтысьясөс, медым найө сыналісны сюраньяссө, белитісны карта пытшсө известка сорасөн. Бригадаса уджалысьяслы тшөктіс вайны картаясө мичаджык турун. Пыртлісны тырмымөн силос. Мөс кок улө вольөс пыдди пило-рама дорысь кыскалісны пилипызь. А Макар Вась шырис лыс да быд лысьтысьсысылы вайис мешөкалөмөн. Медым найө чөсмөдлісны сюраньяссө өтруб да лыс пызь сорасөн. Татшөм

уджсö Ягдорын вöчисны быд лун. Но öни, кор виччысисны гöсьтьясöс, Игнатов кöсийс, медым ставыс артмис мукöд лун дорысь бурджыка. Мед локтöм йöз эз кутны кулитны. Весиг син сайын эз вермыны шуасьны.

Урчитöм лунö дас часын воалісны гöсьтьяс. Пыр жö шуисны кытшовтны овмöссö. Бöрас нин чукöртчыласны öтилаб да вöчасны аддзывлöмыслы кывкöртöдъяс. Андрей кытшлаліс гöсьтьяскöд, лючки петкöдліс ставсö, вочавидзис юалöмъяс вылö. А кор ветлöдлöмыс помасис да локтісны кантораö, Игнатовöс паныдаліс карысь воём доломит тыра машиналөн шоперыс: ректысьны пö колö. Бригадир Марья Васильевна талун лэччис ас могъясөн юрсиктö, и Игнатовлы ковмис аслыс нуöдны машинасö ректысянінö. Пока ветлісны, пасьясисны колана кабалаясö, коли бура уна кад.

Чукöртчöм йöз водзын юксисны мөвпъясөн Ягдор овмöсысь шöр специалистъяс. На бöрын сёрнитіс Сидоров.

– ... том улысь, бур, тöлка управляющöй. Бөръя кадö шедöдöмторъясын ыджыд пайыс буретш сылөн, – öдзöс восьтігмоз кыліс Игнатов.

Виччысьтöм ошкöмысь Андрей гөрдöдіс. Синсö дзевöмөн, быттö мыйыськö вöлі мыжа, пуксис öдзöсдорса улöс вылö.

– Ас дырйиыс лои ошкыштöма да, оз, гашкö, ошкö пөр, – нюмдіс Сидоров.

– Оз, абу сэтшöм мортыс, – шыасис парткомса секретар Геннадий Прокопьевич. – Эм кö мыйысь, колö ошкыштны, медым водзö ышöдны бур удж вылö.

Андрей ошкыштöмсыд быттö бордъясис, нöшта унджык вермöмъяс шедöдны кöсийöмыс сійöс дзоньнас шымыртіс.

Олöмад öд кызди овлö? Вына морт ошйысьö аслас ёнлунөн, озыр – сьöм тыра зептөн. Ни öтиыс, ни мöдыс Андрейлөн эз вöv. Зато вöлі тöдöмлунъяс босьтны ыджыдсьыс-ыджыд кöсийöм, и сійö шуис велöдчыны. Выл пöv лыддяліс техникумса конспектъяс.

Пырис экономистъяс дорö. Шöр экономист, Иван Михайлович, вövлөм офицер, зэв бура гөгөрволіс том гозьяös, медсясö Ларисаös. Öти сиктысь найö да сійөн, али мöд помка вöлі, Андрей эз юасьлы. Сёрниö воисны. Иван Михайлович лэптыштліс плеш вылас öчкисö, юаліс:

– Код вылö кöсьян велöдчыны?

– Юристö. Велöдча да верма лоны прокурорөн либö судьяөн.

– Йöзöс кутан судитны?

– А мый? Меным кажитчö, кор ставыс оланпас серти вöчсьö.

– Ог ошкы, думыштлы бурджыка. Медым йöзöс дзескыдинö пуксьöдны, колö кöрт сьöлöмаөн лоны. Тэнад эм сэтшöм чорыдлуныс? А судитігад кö сорасян да мыжтöгыс мыждан? Кызди асьтö кутан кывны?

Та йылысь Игнатов эз мөвпыштлы. Мыжтөг мыждöмаяссö коркö челядьдырйи на аддзыліс. Кор НКВД-са лагерьясысь кутісны лэдзавны сэтшöм йöзсö.

Öтчыд найö, челядьпьян, потшöс вылö кавшасьöмөн пукалісны да ветлысь-мунысьясöс видзöдалісны.

– Детинаяс! – кодкö горöдіс ёсь гөлöсөн. – Видзöдöй, со шляпаа бабаяс мунöны!

Кодсюрö полысьджыкъяс пиысь звирк лэччисны потшöс вывсьыс да костöдыс кутісны кыйöдны. Векныдид моски кузя тотшиктісны шляпаа нывбабаяс, туплиасьöмаöсь, кокни пальтоаös. Важтыбокса зонпоснилы тайö дивö. Öд налөн мамъяс новлісны дөмаса купайкаяс, юрсö таблісны шалльөн, а кöмыс – кирза сапөг.

Рытнас Öнюш ужнайтігөн юасьö батысылысь:

– Бать, кодъяс найö? Гриша шуö: шпанаяс пö. Збыль öмöй?

– Мхы, – батыс чөвтліс стрөг синсө пиыс вылө. – Нам-Вомынысь лэдзөмаоьсь, судитлөм, влі муысь вайөдлөм йөз. Тайөн оз ков юртө тыртны.

Челядьдырся аддзылөмыс, мыйө выльысь вөйтчыліс Игнатов, да Иван Михайловичлөн кывъясыс падмөдісны том морттө. Воис кад колана кабалаяс ыстыны, а сійө век на катласьө.

– Кодарө сетчыны, тэ эськө мый шуан? – юасьө Ларисалысь.

– Ме эськө велөдчи артистө, – вочавидзис сійө.

– Сералан?

– А мый? Ичөтдырйи ме ачым мөвпалі лоны артистөн. Мися, быдма да сцена вывсянь кута сывны.

– Сывны тэ мастер, сөмын мыйлакө бухгалтерө велөдчин?

– Мамө эз лэдз: мунан кө пө сэтчө, өти руб ог мөдөд. Көть эськө бухгалтерас велөдчигөн рубыс эз жө прамөя вичмыв.

– Сы понда тай помалөмыд техникумсө.

– Помалі, и концертъяс петкөдлім, и кружокө котралі. Лов кыпөдантор быттьө вөлі.

– А меным колө босьтны сэтшөм специальность, медым уджалігас лов вылад вөлі кыпид, эз ков каитчыны.

– Механик уджыс абу жө лёк. Велөдчы инженерө.

– Думыштла, гашкө, сідз и лоө вөчны, – шуис Андрей да заводитіс лөсьөдны колана кабалаяс.

Лун-мөд мысти ыстіс найөс Кировса сельхозинститутө, сэсса сдайталіс экзаменьяс да уджысь эновтчытөг заводитіс босьтны төдөмлуньяс.

Сидоров таысь ошкыштіс Андрейөс. И важ моз аскөдыс новлөдліс. То өтилаө нуөдлас, то мөдлаө. Весиг районса чукөртчөминьясө босьтывліс. Төдмөдіс мукөд овмөсса веськөдлысьяскөд. Отчыд татшөм чукөртчигөн райкомса коридорын кыкөн колины. Сидоров мудера видзөдліс том морт вылө, небыдика тапнитіс сылы мышкас да шуис:

– Кывзы, кызди сёрнитөны тані веськөдлысьясыс. Згөдитчас, кор ме муна, коля тэнө ас местаө.

– Кытчө мунан? – чуймис Андрей.

– Век өд Ягдорын ог ов, верма и министрөн уджавны.

– Но да, верман.

Мыйла татшөм сёрни паніс Сидоровыс? Игнатов эз аддзы помкасө. Сійө весиг гөтырыслы сёрни йывсьыс эз висьтавлы. Эз пыдди пукты директорлысь кывъяссө, чайтіс шмонитөмөн.

Но тайө сёрни бөрын төлысь мысти нин найөс быттьө ош гөнөн тшынісны. А заводитчис со мыйсянь.

Отчыд Сидоров лыддис газет да төдлытөг вугыртіс. И пыр жө кодкө быттьө бокысянь пеляс шөпкыштіс: «Тайө том мортыс, управыс, тэныд пөгуба вылө». Иван Максимович дрөгмуніс весиг. Восьтіс синсө, юрнас пыркнитчис, пельсө лукйыштіс. Коли мыйтакө кад, вунны нин кутіс, но өти рытө сійө жө кывъяссө кодкө быттьө выльысь шөпнитіс.

Думыштчис Сидоров, маитчан мөвпьяс кутісны воавны юрас. Та бөрти паныдасяс вөлі Игнатовкөд да пыр жө дусыдмас, воддза бурлуныс сы дорө воши. Öні сійө сөмын бугжылясьөмөн видзөдывліс том морт вылө. Сылөн лэчид синмыс управляющөй уджысь өтарө нелючкияс корсис.

Андрей оз гөгөрво, мыйла? Ас чайтөмөн сійө нинөм лёксө эз вөч. И нинөмысь сы вылө скөравны. А мый йөзлысь уджсө ачыс нин сяммө котыртны, тайө өмөй лёктор?

Öні сійө некутшөм кесйөдлытөг да индавтөг вермис веськөдлыны отделениенас. Ас ногыс доньяліс быд воськов, быд тшөктөм. Корсюрө венө воліс директоркөд. А кызди

он вензья? Рытнас вöли сёрнитчасны öти ног вöчны, а асывнас Игнатов локтас гаражö да аддзö: Сидоров ставсö мöдарö путкыльтöма. Войсö узьöма, и вежсьöма думыс. Эз, эз кажитчы татшöмторйид Игнатовлы. «Мыйла либö управыс колö? Ачыс кö быдлаб нырсö суйö да ас ногыс вöчö? Да нöшта сёрнитчöм бöрын мöдарö вежньöдлö. Сидзкö, сылөн кывйыс нинöм оз сулав? Али юрас төв шутьялö да думъяссö вежлалö?» – ас кежас ёрчис Андрей. Заводитис паныд шуасьны.

– Ичöтик шишка меным паныд мунны, – воча скöрысь крапкылис Сидоров.

Андрей «шишка» кывйысь дöзмылис. «Шишка нин лоöмыд», – чушкыльтчöмөн вешйылис Сидоров дорысь.

Öтчид гожöм шöрнас тракторист Макар Веня висьмис. Пуксьöдны сы пыдди некодöс. Механик индис армиясь муртса на локтöм Вась Петя вылö.

– Армиядзыс тракториставлис, – шуис механик. – Сэсса Сидоровкöд пинячис да эновтис тракторсö. Шлоп пöдлалис кабина öдзöссö и мунис гортас. А вежон мысти армияö босьтисны. Примитасны кö пö трактор вылö, аски жö локта уджавны.

– Примитам, – чорыда шуис Игнатов да тшöктис корны Петясö.

Локтис мортыд. Кык лун сöмын удайтчис сылы трактор кабинаын пукавны. Аддзöма Сидоров да сувтöдöма.

– Коді тэнö трактор вылас пуксьöдис? – скöрысь юалис сийö.

– Управляющöй.

– Сувтöд гаражö! Пока ме тані, тэныд трактор оз вичмы!

Петя кыв шутöг сувтöдис тракторсö. Гаражысь мунигөн сылы паныдасис Игнатов.

– Тэ кытчö? – юалис Андрей.

– Эк, тэ, – Петя дивитана чöвтліс синсö сылань. – Кутшöм тэ управляющöй? Больгыны сöмын сямман!

– Мый лои, мый?

– Кутшыдлысь юав! – Петя сьöвзис да кыв ни джын сэсса эз шу.

Игнатов заводитліс юасьны директорлысь, но мöдыс дöзмöпчырысь сöмын кинас öвтыштис:

– Вывті уна ас вылад кутін босьтны. Зырымбедь на меысь вылö петны! Видзöдтö, трактор вылö пуксьöдöма!

Андрей гөрдöдис, чöла вешйис Сидоров дорысь. Та бöрын пыр тшöкыдджыка воліс мöвп вежны уджсö. Öти пöрийö весиг кöсийс мунны Ягдорысь. «Ас пыдди коля, – нерыштис думнас Сидоровс. – Кутшöм ас пыдди? Чайта, вöтлыны кö кутасны, шашаритчас улöсас!.. Зырымбедь, а тэ коді? Ен сетöм мöмöt?!»

Воис кад гöтырыслы кага чужтыны, и мунан думъясысь öвсис.

Важтыбокса кага ваянінö подөн он лэччы. Андрей нуöдис отделениеса кузола уазик вылысь шоперсö.

Кабинаас куимөн тöрöдчисны: шопер, Андрей да Лариса. Лариса пуксис небыд пуклöсö, а верöсыслы ковмис тöрöдчыны моторлөн капот вылö. Тадзи пуксялöмөн и мöдисны.

Туй öтар-мöдар бокин, шондi югөр улын, сулалісны арлөн медводдза бöрийöмторъяс – пельысь да пипуяс, вöччöмаöсь уна рöма паськөмö, тшапмөмаöсь. Пельысь розъяс öшалісны лыдтöм-тшöттöм, весиг корсö тупкөмаöсь. Пöрысь йöз шуöны, мый уна пельысь кодзыд төв водзвылын овлö.

Кабина восьса öшиньö пöльыштлö аслыспөлöс дук, сöстöм сынöдын кылö тшак да юммöм дзоридз сора турунлөн көр да öвтыштлö бипур тшынон. Овмöсын идралöны картупель.

Воисны Закарсиктö. Мир туйыс дзикöдз вожалöма, да ковмис керöм картофель муяс

кузя лёкинсö ордйöдны. И колö жö веськавны! Буретш туй вылысь джуджыд колëя ордйöдигөн паныдасисны Сидоровкөд.

– Тi кытчö мунанныйд? – сувтöдiс да стрöга юалис сийö.

– Бурдöдчанiнö, – вочавидзис Игнатов. – Со гöтырöс нуа.

– Кодi сийöс лэдзис? – чуймискодъ Сидоров. – Мыйла менсьым эз юась?

– Мыйла колö юасьны? Гöтыр роддомö лэччö, сылөн больничной эм.

– Кысь больничнойыс?

– Врач сетiс, – вочавидзис Андрей, кодi öдвa нин кутiс асьсö, медым не ёрччыштны.

– Врач, врач, а машинаыс? – көвъясис Сидоров. – Бөр косöй!

– Мынтыся ме, он жö та ылнасянь косöд. Кыкнанным совхозын уджалам. Ог öд гуляйтны мунöй, – кызд вермис лөнëя вочавидзис Андрей.

Сидоров зумыша видзöдлiс шопер, сэсся Игнатов гозья вылö да скöрпырысь клопнитiс-пöдлалiс уазиклысь öдзöссö.

Андрей тшöктiс шоперлы водзö мунны, но овмöсса веськöдлыськöд паныдасьлёмсьыс да сыкöд сёрнисьыс дусыдмис.

«И колö жö сы шöрö веськавны! – майшасис сийö. – Тадзи öмöй позьö? Гöтыр кага чужтыны мунö, а Сидоров тайкö машинасьыс чеччöдас: мыйла пö сылысь эз юав!»

Андрей чöвтлiс синсö гöтыр вылас, кодi казялiс верöсыслысь торксьём русö да кызкö мыжа моз нюмдiс, медым ышöдыштны сийöс. «А öд Ларисалы лёкджык ме дорысь», – думыштiс Андрей, и лои деливö аслас шог мөвпъясысь.

А Сидоров асьсö мыжаөн эз кыв. Мортыд збыльысь чайтiс, мый Ягдорса овмöсын сöмын сылысь юасьём бöрын позьö кытчöкö мунны. Мый кöть и кага вайны. Сылы ставсö колö тöдны! Сы вылö и юрнуöдысьыс!

Сидоровлөн вольтöминыс абу. Сылөн вирыс пуёмөн пуö, инас оз öшйы. Пырö быдлаö, колö кöть оз. Та дырйи веськавлiс быдсяма гыдйö, но пыр косөн петлiс. Эз весьшöрö йöзыс нимтыны: тöвйöм гут кодъ пö. Сидоров кывлас вöли тайöс да пыр и вомалас:

– Абу гут кодъ, абу! Ме кутш рöдысь!

Öтчид гожöм шөрнас Сидоров кытшовтiс Ош грездысь муяс. Видзöдалiс, кызди быдмö зөр сора аныкытш, силос вылö кöдзлiсны да. Матыстчис шойнадорса муяслань. Сэни вывтасiн, да озджык овлы урожайыс. Шавксьöдö, гоньялö гөгöр. Друг морт мыччысьсö. Сидоров пыр жö тöдiс Макар Кöсьтаöс. Том улысь некөн прамöя эз уджавлы. Унджык кадсö ас коддьöмъяскöд кодалiс.

– Максимович! – Кöсьта горзö директорлы. – Эн матыстчы, öпаснöй зона!

– Мыйся öпаснöй зона? Бомба сюри али мый?

– Сiдз, öпаснöй зона!

Но Сидоров абу полысь рöдысь, шавксьöдiс веськыда горзысьлань. Муртса эз во, турун пытшкысь ыркöбтiс-чеччис Марья Вань, гачтöм.

– О-о! – серöктiс Сидоров. – Со кутшöм öпаснöй зонаыс! Иван, тэнад «добраыд» Петыр Павел ужлөн кодъ. Нолтö, кодкöд тiмбылясян?

Турун пытшкын туплясис Микол Сандра. Пöрнöй баба, но сетчöма юём улö. А кодалiгад быдсямаыс овлö.

Сидоров вежон сайын на сыкöд веськавлiс гыдйö.

Кызди кöсйылис, вайöдiс овмöсö «шабашникъясöс». Локтысьяс, ыли муысь квайт пöрнöй мужичöй, пыр жö заводитiсны Ягдорын кыпöдны кирпичысь скöт карта. Босьтчисны уджавны бура. Кисьтiсны фундамент, заводитiсны стенсö тэчны, но сэсся другөн вошисны.

А овмöдлiсны найöс Ош грездса овтöм керкаö. Ягдорöдз мунны матын, асывнас автобус вит минутөн стрöйтчанiнöдз вайöдлiс.

Сидоров пырджык рытъяснас кытшовтліс, донъявліс «шабашникъяслысь» уджсö. Öти рыт воліс, мöдöс да-й коймöдöс... Локтöм йöз стрöитчанінын эз мыччысьлыны.

Сидоров заводитіс туюсьны, Ош грездса бригадирöс топöдіс:

– Кытчö вошины?

– Юöны, Иван Максимович, – бригадир индіс керкалань.

– А ноко, лок пыралам.

– Ме бара ог, – скöнь öткажитчис бригадирыс.

Сидоров дыр эз мöвпав, пырис да аддзö: пружина крöвать вылын вир пасьтöм куйлö Микол Сандра. А гөгöрыс пуксялöмаöсь квайтнан мужикыс, кодöсь, картіасьöны. Картісö бабалөн пасьтöм рушку вылас и шлачкöны-пукталöны. Коді вермас, сійö и Сандраöс босьтö.

Сидоровлөн бугылыс көш пасьта лои, льöбйыс тірзис. Кыкысь и воськовтіс крöвать дорöдз, кватитіс Сандраöс юрсіöдыс да чеччöдіс вольпась вылысь.

– Коми аняссö пежалан! Пет! – горöдіс Сидоров да чужйис бекъяс яндзимсö воштöм нывбабалы.

Мир туйöдз воис, да вöлись кокъясыс лигышмунісны. Кыдзи ачыс висьталöма бригадирыслы: повзи пö керкаысь петöм бöрас нин, квайт код юра мужичöйыд вермисны менö сэтчö и песовтны-ёкмыльтны.

– Тэ абу полысь рöдысь! – донъяліс бригадир.

– Абу, ме кутш рöдысь! – чатöртліс юрсö Сидоров.

Та бöрын Ягдорса овмöсын паськаліс сёрни: Сидоров некодысь оз пов.

Ачыс повзьöдлö, код юра мужикъястö дöбельки ёна вöтлөдліс. Аддзасны да, коді кытчö сьякнитö, зільöны саймовтчыны.

Марпа Микол шома юрнад, вöлөм, уджалан кадö мир туй кузя довгö, а паныд локтö Сидоров. Микол ылысянь казялас. Öтарö-мөдарö гонькнитлас, некытчö дзевсьыны. Син улас усьö туй вомөн нужöдөм бетона труба, код пыр ваыс исковтö. Дыр оз мöвпав, люпнитас-пырас труба пытшкад, кымыньөн кыссяс. Сидоровыд прöйдитас, да вöлисти Микол сулик ва петас. Ачыс сэсся гаражын код юрнад йöзлы теш вылö висьталас.

Сидоров мукöддырйи и збыльысь вöлі юртöм петук кодь. Весиг ыджыд чинаясысь эз пов.

Арнас, буретш субöта лунö, совхозлөн Закарсиктса юкөнö локтісны партия райкомса медыджыд веськөдлысь да обкомысь видз-му вöсна тöжд кутысь.

Чорыд веркöса туйыс «мусюр» джынйöдз на сöмын нужöдöма. Локтысьяс Сидоровöс тшöктасны чорыд веркöса туй помасянінын виччысьны.

Локтас Сидоровыд узикөн, киасяс гöсьтъяскөд да корас пуксьыны. Сійö радейтіс ветлыны первойя пуклöс вылын, шоперкөд орччөн. Восьтас ас места весьтысь öдзöссö, а пуксьыны оз вермы: кодкö плащ мышкас шашаритчöма да бөрвыв кыскö. Сидоров дыр эз думайт, бергөдчигмоз шеныштіс кутысьыслы киас. Видзöдö: райкомса медыджыд веськөдлысьыс доймöм кисö зыралö.

– Водзас мед Альберт Сидоровичыс пуксяс, – буркнитіс сійö.

– Альберт Сидорович? Ме тані көзяиныс! Көнi көсья, сэнi и пукала! А ті гöсьтъяс, пуксьöй бөръя пуклöс вылö! – И вочакыв виччысьтöг Сидоров пуксис шоперкөд орччөн.

Гöсьтъяс нужöдісны нырсö, дöзмöмпырысь пуксисны индöм местаö. Воисны сиктö да тшöктісны картофель му вылö нуны: видзöдлам пö урожайсö. Картофель му вылын шы ни тöv, а совхозной трактор копалкаөн ветлөдлö отделениеса уджалысьяслөн градъяс кузя да шердйö-керö налы картофельсö.

– Саботажник! Совхозной удж торкалан! Став район общöй муяс вылын, а сылөн трактористъяс калымитöны! – райкомсаыс вувзьысис Сидоров вылö.

– Оз калымитны, ме ачым лэдзи. Мед субөта да шойччан лунё ассыныс картупельсö керасны, а выльлунсянь зильджыка öтувъя му вылын öктысясны. Оз кутны думайтны, мый асланыс кертöм кольö.

– Со аддзанныд, – райкомса довкнитіс юрнас обкомсалы. – Анархист, мый көсийö, сійöс и вöчö.

Обкомса чöv оліс, сöмын корис нöшта кытчöкö ветлыны. Сидоров найöс нуліс мөс и порсь картаö, силосуйтчанинö. Гөсьтъяс чöла пукалісны уазиклөн бөръя пуклөс вылын.

Помланыс Сидоров эськö раммис, весиг корис пыравны отделениеса кантораö чай юны, но гөсьтъяс сöмын нурбыльтісны:

– Оз ков, лэччöд асланым машина дорöдз.

Регыд мысти районса юрсиктын чукөртісны совхозса веськөдлысьясöс. Сидоров пуксис бөръя радö. Видзöдö: районлөн партияса веськөдлыськөд öтлаын пырисны залö райисполкомса пред да обкомса гөсьтыд. «Öні меным и сюрас», – думыштіс Сидоров.

Районса веськөдлысьяс сёрнитісны дыр, казътыштісны асныралöмысь и Сидоровöс. А кор босьтіс кывсö обкомсаыд, Сидоров көть некодысь оз пов, жугульмис, но вöлөмкö, дзик весьшөрö. Обкомсаыд сійöс ошкыштіс на.

Районса чинаяс та бöрын дугдылісны каттысьсны сы вылö, но коли регыдик кад, и кывсис, ошкысь мортыд Москваö уджавны вуджöма.

Водзö лоö на.

Игорь
ЖЕРЕБЦОВ

Игорь Любомирович Жеребцов родился в 1960 г. в Сыктывкаре. Окончил исторический факультет Сыктывкарского госуниверситета, с 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. С 2011 г. – директор института.

Евгений
ЦЫПАНОВ

Евгений Александрович Цыпанов родился в 1960 г. в с. Визинга Сысольского района. Работает в Институте языка и литературы КНЦ УрО РАН старшим научным сотрудником. Доктор филологических наук.

«СВАДЬБА С ПРИДАНЫМ»

Николая Дьяконова:

СЛАБАЯ КОМЕДИЯ
ИЛИ КОМИ ШЕДЕВР?

Введение

В 2021 году исполнилось 110 лет со дня рождения Николая Михайловича Дьяконова, коми драматурга, чья комедия «Свадьба с приданым» стала первым крупным произведением, которое вывело коми литературу на всесоюзный и международный уровень. Постановка комедии в 1953 году в московском Театре сатиры и затем снятый по пьесе одноимённый фильм прославили автора пьесы, который был удостоен государственной премии СССР (Кулина 1997: 420).

Николай Дьяконов родился 28 марта 1911 года в с. Емдін (официальное русскоязычное название села – Усть-Вымь) в крестьянской семье, с детства говорил на родном коми, а также на русском языках. Село с XIV века было двуязычным, т. к. это поселение стало резиденцией святителя Коми края Стефана Пермского, который считается создателем коми письменности и оригинальной древнекоми азбуки *анбур* в 1472 году. Прибывшие с миссионером дружинники остались жить в северном селе, пустили корни, обзавелись семьями. Николай сам был родом из коми семьи, с ранней юности проявлял артистические способности, несколько лет работал ямщиком.

Практически неграмотного юношу в 1931 году приняли на работу в Коми областной передвижной театр, ставивший спектакли на коми языке. В 1932–1936 годы Николай учился в Ленинградском институте театрального искусства, после чего работал актёром, а затем и режиссёром. В это время он начал писать пьесы. В соавторстве со своим товарищем и артистом Степаном Ивановичем Ермо-

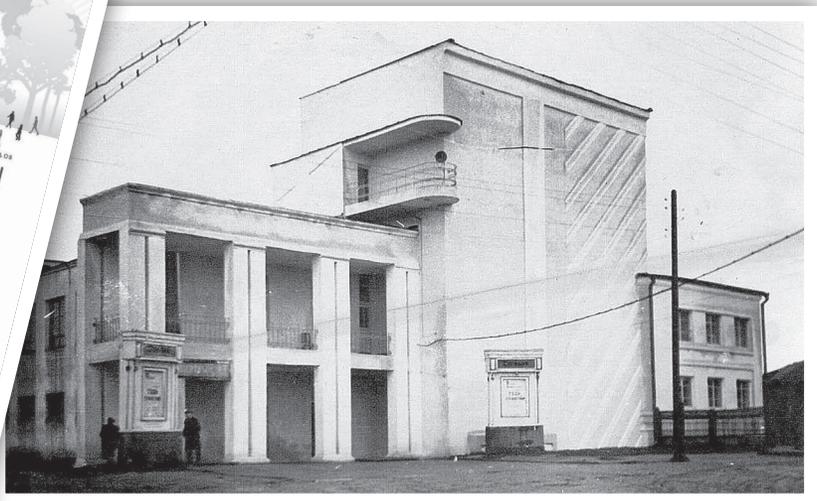

линым (1914–1961) написал шесть пьес на историко-революционную и военную темы. После долгой кровопролитной войны у писателя возник замысел на создание комедий: его первая комедия «Свадьба», которая была опубликована во втором номере журнала «Войвыв кодзув», принесла всесоюзную славу. Однако его более поздние комедии были не столь удачными. Скончался Н. М. Дьяконов 21 ноября 1982 года. Последнюю по времени издания и максимально полную биографию драматурга представил в журнале «Регион» журналист Игорь Бобраков (Бобраков 2021: 42–47).

Комедия Н. М. Дьяконова появилась очень вовремя: после долгой тяжёлой войны люди нуждались в жизнерадостных, оптимистических и даже озорных комедиях, написанных на современную тематику. Эта пьеса в переводе на русский язык была поставлена в 150 театрах многих союзных и автономных республик, а также в странах социалистического содружества – в Чехословакии, Польше, Болгарии, Венгрии, Румынии. В республиканском драматическом театре она ставилась пять раз, и в юбилейном для писателя 2021 году артисты собирались поставить спектакль на языке оригинала, коми языке.

Конкретным поводом для написания настоящей статьи послужило одно высказывание в мемуарной книге широко известного советского драматурга, сценариста, театрального педагога Алексея Дмитриевича Симукова (1904–1995) относительно пьесы Дьяконова, которое у авторов настоящей статьи вызвало, мягко говоря, чувство недоверия. А. Д. Симуков, в частности, пишет: «Кстати говоря, до моих «Девичь-красавиц» Борис Равенских уже прославился спектаклем в том же театре, поставив пьесу Дьяконова «Свадьба с приданым». Вот вам, кстати, **случай неслыханного везения**: пьесу, написанную автором из Коми АССР, взялся переводить почтенный драматург Анатолий Глебов. **Он сделал из пьесы, как говорится, конфетку**. Это случается, когда за перевод **несовершенных, слабых** пьес берутся профессиональные драматурги, превращая их в яркие, интересные вещи. Так и случилось с пьесой Дьяконова. Да ещё её поставил Борис Равенских, режиссёр интереснейший... Сюжет, в общем, **я первым ввёл в обращение**» (Симуков 2008: 243,

190). После такой резкой оценки пьесы коми драматурга, инициалы которого Симуков даже не соизволил привести в своих мемуарах, авторам данной статьи захотелось выяснить, есть ли какая-то доля истины в содержании приведённого отрывка.

Н. М. Дьяконов

Оценка комедии Н. М. Дьяконова у коми литературоведов

Несмотря на большой сценический успех комедии «Свадьба с приданным», творчество Н. М. Дьяконова мало изучено. Достаточно сказать, что о драматурге и его произведениях нет пока ни одного отдельного научного издания, есть только подразделы в обобщающих монографиях и отдельные небольшие по объёму статьи. Некоторые литературоведы чаще отмечали не достоинства пьес Н. М. Дьяконова, а старательно искали недостатки. Для иллюстрации этого приведём цитату литературоведа А. А. Вежева из монографии «История коми литературы»: **«Недостатки характеров Ольги и Максима сыграли не последнюю роль в создании ситуаций, порождающих различные недоразуме-**

ния, затягивающие разрешение конфликта между ними. Это наводит на мысль о недостаточной продуманности и убедительности конфликта» (Вежев 1981: 156). Эта цитата наводит на мысль, что к комедии литературовед подошёл как к претендующему на серьёзность произведению на производственную тему, а не как к комедийному сюжету на фоне сельскохозяйственного производства. А признанный специалист по изучению коми драматургии В. А. Латышева задолго до выхода в свет мемуаров А. Д. Симукова отметила, что переведённый на русский язык текст комедии стал более совершенным: **«В августе 1950 года первая значительная комедия Н. Дьяконова была выпущена на русском языке отдельным изданием. Это был её новый вариант, созданный в содружестве с московским драматургом А. Г. Глебовым, «во многом отличающийся от первого варианта... более совершенный в идейно-художественном отношении»**, – говорилось в предисловии к русскому изданию» (Латышева 1968: 496). Эта оценка знаменитой комедии дала дополнительный импульс в стремлении сравнить первый и второй комиязычный варианты комедии с целью выяснить, действительно ли текст после перевода стал кардинально иным, совершенным с точки зрения содержания и формы. Хотя приведённые слова об идейном содержании комедии в современности звучат как некий анахронизм.

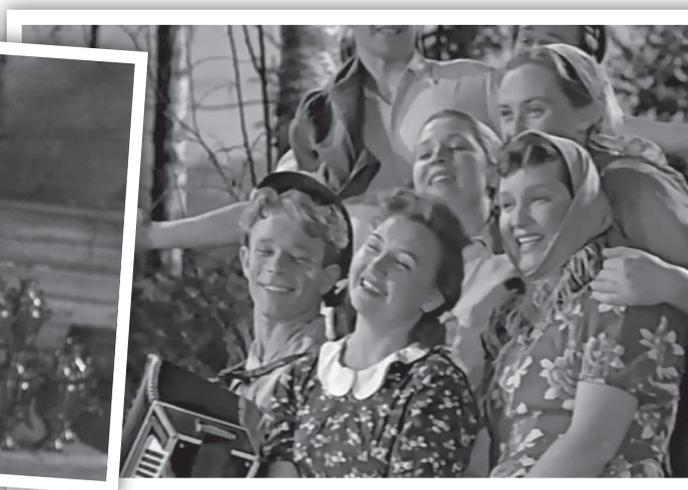
Кстати, наиболее позитивную оценку пьесы дал сам московский переводчик комедии А. Н. Глебов: «Комедия была поставлена сыктывкарским театром и рекомендована другим театрам **жюри Всесоюзного конкурса на лучшую комедию** (1948). Весной 1950 года её показал Московский театр сатиры. Комедию «Свадьба с приданым» нельзя не расценить как **значительную победу молодой, только в советские годы возникшей драматургии народа коми**» (Глебов 1950: 111-112).

Материалы

Конкретным языковым материалом для написания статьи послужили три текста комедии, две на коми языке – первая её публикация в журнале «Войвыв кодзув» (1949) и последняя авторская версия из сборника пьес (1980), а также перевод пьесы на русский язык в отдельной московской публикации (1950).

О задумке написания комедии

Об идее написания пьесы сам драматург в различных печатных источниках пишет по-разному. В книге «Люди театра Коми. К двадцатилетию сценического искусства в Коми АССР», изданной в 1951 году, он отмечает: «В колхозниках я искал всё более ощутимые ростки нового, часто наблюдал, например, такие факты, что девушка из хорошего колхоза не хочет выйти замуж за парня из колхоза отстающего, наблюдал стариков, горящих верой в преобразование суровой северной природы и всячески помогающих агрономам и т. д. А однажды, ночуя с колхозниками в поле, проснулся от громких девичьих голосов и, когда прислушался, оказалось, что одна из девушек, растолкав сонных подруг, рассказывала им чудесный сон, в котором она видела товарища Сталина. Так, постепенно, накапливал я материал для пьесы «Свадьба с приданым». С большой любовью и увлечением писал я эту пьесу, прототипами героев которой были реальные колхозники, которых я встречал в нынешней деревне. Мне хотелось, чтобы она прозвучала искренне и правдиво» (Дьяконов 1951: 41). Примечательно, что здесь автор сразу отмечает о сне про тов. И. В. Сталина как подмеченный из жизни интересный факт (о таком чудесном

сне подробнее речь пойдёт ниже). В 1981 году в кратком интервью московскому журналисту журнала «Огонёк» Н. М. Дьяконов был намного лаконичнее, в духе времени он уже не упоминает о сне про Сталина: *«Однажды, отдыхая в деревне, я невольно оказался свидетелем любовного свидания. Парень делал предложение, а девушка не хотела идти в отсталый колхоз. Так в споре разошлись. Ночной разговор подарил зерно сюжета; что было дальше, мы знаем»* (Долгов 1981: 21).

После этих цитат уместно кратко осветить путь пьесы на республиканскую и московскую сцены. Н. М. Дьяконов свою комедию написал в 1948 году специально для участия во всесоюзном конкурсе драматических произведений, а уже 10 марта 1949 года в республиканском драматическом театре состоялась премьера спектакля. Режиссёр-постановщик спектакля Пантелеймон Ануфриевич Мысов (1914–1958) внёс в спектакль коми народные частушки и свадебные песни, что очень понравилось зрителям почти что комизычного тогда ещё населения г. Сыктывкара. Именно в столице Коми АССР в том году организовали обсуждение и просмотр пьес, одобренных всесоюзным советом по драматургии. Прилетевшая из Москвы комиссия 9–14 апреля подвела итоги на зрительской конференции: пьесы Геннадия Фёдорова и Николая Дьяконова были высоко оценены и рекомендованы к постановке в театрах страны. Комедию Николая Дьяконова «Свадьба» вскоре перевёл на русский язык известный писатель и переводчик А. Г. Глебов. Естественно, он не владел коми языком и пользовался подстрочником, однако перевод получился авторизованным, т. е. изменённым в соответствии с позицией и взглядами переводчика на исходный текст. Возникает естественный вопрос: насколько был изменён или дополнен текст в русскоязычной версии пьесы?

Ответ могут предоставить лишь сравнительные текстологические исследования, которые, однако, практически ещё не предпринимались. Некоторые сравнения в плане содержания сделала литературовед В. А. Латышева, отметив, что образ Николая Курочкина был улучшен, а образ Ольги стал более человеческим, мягким и т. п. (Латышева 1968: 498–499). Однако в своём небольшом очерке о творчестве драматурга автор не приводит ни одного конкретного языкового примера, не указывает на конкретные изменения в текстах. Поэтому далее предпримем попытку фрагментарного сравнительного анализа трёх текстов пьесы на коми и русском языках.

П. А. Мысов

Изменения в системе персонажей

Система персонажей является одним из важнейших элементов драматургических произведений. Изменения в них могут свидетельствовать о серьёзной трансформации текста при переводе на русский язык. Ниже приводятся списки персонажей первого и окончательного вариантов пьесы на языке оригинала (переводы на русский язык даются после графемы /).

СВАДЬБА (1949 г.)

Куим действеа лирической комедия / Лирическая комедия в трёх действиях

Ворсысьяс / Действующие лица

ВАСИЛИСА ПАВЛОВНА – «Искра» колхозса председатель, 40 арöса / председатель колхоза «Искра», 40 лет

ИРИНА – сылөн ныв, бригадир, 20 арöса / её дочь, бригадир, 20 лет

АВДЕЙ – звеньевöй, 72 арöса / звеньевой, 72 года

КУРОЧКИН – звеньевöй, 20 арöса / звеньевой, 20 лет

ГАЛЯ – Василисалөн ныв, 16 арöса / дочь Василисы, 16 лет

ПИРОГОВ – «Заря» колхозса председатель, 45 арöса / председатель колхоза «Заря», 45 лет

ОРЛОВ – бригадир, 24 арöса / бригадир, 24 года

СИЛАНТИЙ – звеньевöй, 68 арöса / звеньевой, 68 лет

ЛЮБА – звеньевöй, 18 арöса / звеньевая, 18 лет

МУРАВЬЁВ – агроном и партбюроса секретарь, 24 арöса / агроном и секретарь партбюро, 24 года

МИШКА – колхозник, 16 арöса / колхозник, 16 лет

ЛУКЕРЬЯ – колхозница, 45 арöса / колхозница, 45 лет

ПОХЛЁБКИН

Колхозникъяс да колхозницаяс / колхозники и колхозницы

СВАДЬБА ПРИДАНÖЙÖН (1980) / Свадьба с приданым

Куим действеа комедия / комедия в трёх действиях

ДЕЙСТВУЙТÖНЫ / ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василиса Павловна Степанова – «Искра» колхозысь председатель, 40 арöса / председатель колхоза «Искра», 40 лет

Сылөн нывъяс / её дочери

Ольга – колхозса бригадир, 20 арöса / бригадир колхоза, 20 лет

Галя – колхозница, 18 арöса / колхозница, 18 лет

Семён Иванович Пирогов – «Заря» колхозса председатель (бöрыннас бригадир), 45 арöса / председатель колхоза «Заря» (позднее бригадир), 45 лет

Максим Николаевич Орлов – «Заря» колхозса бригадир (бöрыннас председатель), 28 арöса / бригадир колхоза «Заря» (позднее председатель), 28 лет

Авдей Спиридонович Мукосеев – «Искра» колхозса бригадир, 72 арöса / бригадир колхоза «Искра», 28 лет

Николай Терентьевич Курочкин – 20 арöса / 20 лет

«Искра» колхозса колхозникъяс / колхозники колхоза «Искра»

Мишка – 16 арёса / 16 лет

Силантий Романович – 68 арёса / 68 лет

«Заря» колхозса колхозникъяс / колхозники колхоза «Заря»

Люба – 19 арёса / 19 лет

Лукерья Власовна Похлёбкина – 46 арёса колхозница / колхозница 46 лет

Александр Сергеевич Муравьёв – агроном, партбюроса секретарь, 24 арёса / агроном, секретарь партбюро, 24 года

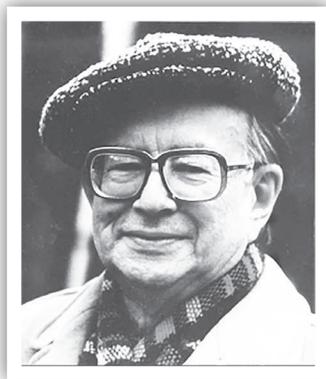
Фёдор – баянист, 20 арёса / баянист, 20 лет

Колхозникъяс да колхозницаяс / колхозники и колхозницы

Как видно из приведённых списков, изменения в целом несущественны: количество персонажей осталось прежним (13), у двух главных героев изменены имена: Ирина стала Ольгой, а Сергей Максимом. У некоторых персонажей увеличен возраст, к примеру, Орлов стал старше: не 24-летний, а 28-летний. В текст второго варианта введён персонаж Фёдор, баянист, но убран из первого варианта Похлёбкин, сокращены и все сцены с ним. Этот отрицательный персонаж, друг Орлова, сбежавший в город от жены и трудной жизни мужчины, в первом варианте приезжает на свадьбу и претендует на звание первого гостя. Его фамилия была вписана для Лукерьи, также отрицательного персонажа, лентяйки и картёжницы-гадалки. Все эти изменения введены в перевод комедии на русский язык.

Необходимо также отметить, что автор изначально включил персонажей пьесы в традиционной русской форме по имени и отчеству, названия колхозов также русские. Коми языковая специфика именика не передана вовсе. Единственным указанием на Коми край в первом варианте было коми название реки Вычегды *Эжва*, которое в переводе на русский язык опущено. Эта национальная нивелировка отражается и в начальной ремарке: *«Действие происходит в северном колхозе»* (Свадьба II 3), ср. во втором комиязычном варианте: *«Действиеис мунö öти войвывса колхозын 1950-öд войн»* (Свадьба III 48) / *«Действие происходит в одном северном колхозе в 1950 году»*.

Две «Свадьбы» – две разные комедии

А.Д. Симуков

Беспочвенные обвинения московского драматурга А. Д. Симукова легко снимаются путём сравнения сюжетов двух пьес с одинаковым названием «Свадьба». Сюжет комедии Н. М. Дьяконова оригинален и вообще не похож на фабулу одноимённой комедии А. Д. Симукова. Этот автор взял замысел комедии из впечатлений после командировки в одну южнороссийскую область, по этому поводу отмечая следующее: *«Из журналистской поездки я вывез ещё кое-что. Замысел своей первой самостоятельной пьесы «Свадьба». Содержание: два соперничающих колхоза – казачий и иногородний «хохляцкий». Двое молодых людей. Она – из казачьего, он «иногородний». Вопрос: кто к кому пойдёт после свадьбы? Идти к юноше, к «иногородним», – не положено, ему «пристать в зятья» – последнее дело. Это значит признать себя нищим, неполноценным. К тому же*

девушке уходить из своего колхоза не позволяет гордость хорошего работника и т. д. Сюжет, в общем, **я первым ввёл в обращение**» (Симуков 2008: 190). Большая разница в сюжетах видна и из системы персонажей комедии А. Д. Симукова, включающей всего восемь действующих лиц:

Катя Ермакова – телятница колхоза «Новая Ермаковка»
Пелагея Ермакова (Палага) – её мать
Пантелей Ермаков – её дед, старый казак
Илья Кошель – председатель колхоза «Новая Ермаковка»
Петро Гарбуз – табунщик колхоза «Червонная слободка»
Мотылиха – его соседка
Семён Неровня – председатель колхоза «Червонная слободка»
Митрофан Безуглый – перекати-поле, бывший богомаз (Симуков 1977: 142).

В основе комедии лежит любовь телятницы Кати Ермаковой из казацкого колхоза «Новая Ермаковка» и табунщика Петро Гарбуза из украинского колхоза «Червонная слободка». Действие поочередно переходит из дома невесты в избу жениха и наоборот. Конфликт пьесы в том, что ни жених-хохол, ни русская невеста-казачка не могут переехать жить в соседнее село из-за предрассудков на национальной почве, которые живы ещё с царских времен. Конфликт разрешается достаточно оригинально: после свадьбы в сельском клубе молодожёны уезжают по полученным через нарочных направлениям своих колхозов на учёбу в город, а их первая брачная ночь проходит в поездке. Сначала молодые скачут верхом на одном жеребце до станции, потом едут на поезде. Московский автор в струе политического момента 30-х годов в диалогах персонажей красноречиво передаёт не только следы межнациональных трений, но и антирелигиозные мотивы, например, *П а н т е л е й. Внучка! Гордость имей! Гляньте, какую вырастил казачку! Наше, Ермаковых, семя... И такую хохлу отдать, наброду, насельнику... Вон из хаты, сваты незваны! Вон!; Безуглый пристраивает к стене какую-то икону. К а т я. Не дам хату поганить (Бросается, срывает икону со стены, швыряет к порогу.) Вот ей место* (Симуков 1977: 155, 165). Напомним, что в комедии Н. М. Дьяконова эти конъюнктурные в те времена мотивы вообще отсутствуют. Основное действие в комедии коми автора происходит возле хлебного поля, места работы действующих лиц пьесы.

Кстати, А. Д. Симуков мог бросить обвинения также автору сценария вышедшей на экраны страны в 1949 году кинокомедии «Кубанские казаки» Николаю Погодину, который также представил любовную историю председателей двух соревнующихся колхозов Гордея Ворона (колхоз «Красный партизан») и Галины Пересветовой (колхоз «Заветы Ильича»). Действие фильма происходит на праздничной межколхозной ярмарке после уборки урожая. Как и коми комедия, этот фильм с обрётшими затем популярность песнями, снятый известным режиссёром-постановщиком Иваном Пырьевым, стал в своё время большим событием в культурной жизни страны.

В целом же тема свадьбы является центральной в фольклоре, в основном в сказках, а также в художественной литературе и особенно в драматургии. Достаточно привести для примера названия нескольких произведений: «Женитьба Бальзаминова» и «Бесприданница» А. Н. Островского, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Свадьба» А. П. Чехова, «Безумный день или женитьба Фигаро» Пьера Бомарше, «Сильва (королева чардаша)» Имре Кальмана и т. д. На фоне этих названий можно отметить ещё одну особенность комедии А. Д. Симукова – полное отсутствие в его пьесе музыкального ряда.

Важное изменение – задушевные песни

В первом варианте комедии Н. М. Дьяконов вводит фольклорные музыкальные номера: молодёжь распевает частушки и песни. Действие начинается с коми частушки, распеваемой Николаем Курочкиным. В первой постановке пьесы режиссёр-постановщик П. А. Мысов сам подобрал и ввёл песенные произведения, из-за чего сценическая комедия стала национально своеобразной. Вероятно, это обстоятельство и подтолкнуло переводчика комедии на русский язык А. Г. Глебова дополнить текст лирическими песнями, попросив их написать композитора Бориса Мокроусова на стихи поэта Алексея Фатьянова. Они зазвучали на премьере спектакля в Театре сатиры в Москве, став визитной карточкой пьесы. Естественным образом и сам Н. М. Дьяконов ввёл во второй вариант комедии эти песни в авторизованном переводе уже на коми язык. Однако автор включил нововведения не механически по образцу опубликованного массовым тиражом перевода пьесы на русский язык, а своеобразно, изменив песенные места и дополнив текст.

Есть необходимость сравнить оригинальный текст и дословный перевод на коми язык строфы одной известной песни, которая отсутствует в русскоязычном переводе, но позже включённая автором во второй вариант комедии:

*Из-за вас, моя черешня, ссорюсь я с приятелем.
До чего же климат здешний на любовь влиятелен!
Я тоскую по соседству и на расстоянии.
Ах, без вас я, как без сердца, жить не в состоянии!*

*Тэ вöсна, шань гулю нылöй, / Из-за тебя, добрая девушка-голубка,
Ёрткöд ог лöсялöй ми. / С другом не ладим мы.
Сидзи-й тойлö татчöс климат, / Так и подстрекает здешний климат,
Пöльтö радейтчöмлысь би. / Раздувает огонь любви.
Кöть тэ татöн, кöть тэ ылын, / Хотя ты здесь, хотя ты далеко,
Менам шог – пыр öти шог: / Моё горе – всё одно горе:
Тэтöг, сьёлмшиөрöй, сэсса / Без тебя, моя дорогуша, далее
Ог ме вермы овны, ог (Свадьба III 48). / Не могу жить, нет.*

Как видим, Н. М. Дьяконов, сохраняя смысл песни, усилил поэтическими средствами содержание отрывка, удачно заменив выражение *моя черешня* на *шань гулю нылӧй*, ведь у коми зрителя образ черешни никаких ассоциаций, возвышенных оттенков не несёт, т. к. в северном крае черешня не произрастает.

В музыкальном отношении второй комиязычный вариант пьесы местами стал более насыщенным. Так, комедия в окончательном варианте начинается своеобразным гимном в честь родного края, который исполняется хором:

*Татшӧм шудыс кӧнкӧ эм-ӧ? / Есть ли где-то такое счастье?
Миян шудлы – абу пом. / Нашему счастью – нет конца.
Мед жӧ мирным нэмьсь нэмӧ, / Пусть же наш мир из века в век,
Лунысь лунӧ лоас том! / Изо дня в день будет молодым!
Тэ, чужан муӧй, шевкнитчы, / Ты, родная земля, раскинься,
Тэ зумыдлунӧн тыр. / Ты полна прочностью.
И лышкыд тэ, и озыр тэ, / И щедра ты, и богата ты,
И мичлунӧд оз быр (Свадьба III 48). / И красота твоя не кончается.*

Вообще по включению песенных фрагментов тексты перевода комедии на русский язык и второй комиязычный вариант не совпадают, однако подробный обзор этих особенностей требует отдельного рассмотрения.

Сон про Сталина

Сон про Сталина является настоящей изюминкой комедии «Свадьба с приданым»: автор ввёл этот фрагмент в третьем действии, когда невыспавшаяся Ирина после мероприятий по спасению всходов ячменя от ночных заморозков разговаривает во сне с самим вождём Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Это была гениальная задумка коми автора. В конце 40-х годов прошлого века, в отличие от наших дней, Сталин представлялся большинству советских людей как абсолютно и несомненно положительный человек: вождь, заботливый отец народов, идеолог, победитель в кровопролитной войне, незыблемый авторитет. В идеологическом отношении он замыкал четвёрку Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин. Тем не менее, представляется странным то обстоятельство, что в работах коми литературоведов эта тема не отражена вообще, о сне про Сталина просто нигде не упоминается.

В своём переводе на русский язык А. Г. Глебов не только не сохранил сон про Сталина, но и до неузнаваемости изменил его, что само по себе уже вызывает интерес исследователей. Даже по этому поводу затруднительно употребить термин «перевод». Сыктывкарские журналисты, не владеющие коми языком и, естественно, не читавшие первый журнальный вариант пьесы в подлиннике, в своих статьях дают ложные сведения о якобы идентичности текста о сне в первом варианте и в переводе на русский язык (Бобраков 2021: 45). В действительности это совсем не так. Ради иллюстрации этого положения есть необходимость дать фрагменты оригинального текста и перевода А. Г. Глебова. Первые фрагменты иллюстрируют непосредственно саму встречу героини и вождя.

ИРИНА. Друг кыла гӧлӧс, тӧдса да дона гӧлӧс! Дзик батылӧн кодъ. Ме бергӧдчи, а ме водзын – Сталин! (Свадьба I 35) / ИРИНА. Вдруг услышала голос, знакомый и дорогой голос! Точно как у отца. Я обернулась, а передо мной – Сталин!

ВАСИЛИСА. Неужели товарищ Сталин? ОЛЬГА. Он, мама, во всём белом, и фуражка белая. Ну, как на крейсере «Червона Украина». Трубку спичкой закуривает. Так явственно! (Свадьба II 86);

ИРИНА. Видзёдо ме вылё да нюмъялё. «Здравствуй, шуб, Ирина Степановна». Топодліс менсьым киос дай шуо: «Петкөдлы пö ассьид көзьяйствотö» (Свадьба I 35) / ИРИНА. Смотрит на меня и улыбается. «Здравствуй, говорит, Ирина Степановна. Пожал мою руку и говорит: «Покажи, мол, своё хозяйство»;

ОЛЬГА. Подошёл ко мне, пожал руку – крепко так... Рука тёплая-тёплая! И говорит: «А ну-ка покажите мне ваше хозяйство, Ольга Степановна. Как хибинские семена у вас прививаются?.. (Свадьба II 87).

Далее приводятся фрагменты описания сна в оригинале и в переводе для дальнейших сравнений:

Новлёдлі ме сійос став муяс вывті: и сю, и ид, и шобді – ставсö видзёдіс. «Урожай пö тиян таво абу омоль, позьö шуны, бур урожай, но абу рөвнөй. Авдей Спиридонович серти пö колö равняйтчыны». Сталин ёрт дыр видзёдіс Авдей вылё, а бöрыннас юалис: «Мыйла пö тиян знатнөй старик тадзи ва кыскалө?» «И биныд пö тиян абу, пемыдын оланныд. Неужели пö оз позь тайö ю вылас электростанция стрөитны? Думыштлөй пö та йылысь». ИРИНА. Матыстчим колхоз правление дорö. Сталин ёрт нюжөдіс кисö потшöслань дай шуо: «Тайö мый?» Ме видзёда, и аслам синлы оз эскы: потшöс дорын жугалөм телега туплясьö. И мен сэтшөм яндзим лои, мам! Кутшөм лёка на ми көзьяйничайтам тэкөд. «Мед пö правильнөй да кужөмөн веськөдлыны ыджыд да сложнөй көзьяйствоон, колö велөдчыны, кыпөдны культура, осваивайтны сельскохозьяйственнөй техника». Друг ме пытшкын чужис ыджыд вын! Сьөлөмөй кутис сотчыны! Пытшкөсын ставыс пузис. А Сталин ёрт кыскис зарниөн вышивайтөм ыджыд шаль и сетö меным. «А тайö пö мясянь пöдарки тэныд свадьба кежлад» (Свадьба I 36).

«Водила я его по всем полям: и рожь, и ячмень, и пшеницу – всё осмотрел. «Урожай, мол, у вас в этом году неплохой, можно сказать, хороший урожай, но неровный. Надо, мол, равняться по Авдею Спиридоновичу». Товарищ Сталин долго смотрел на Авдея, а потом спросил: «Почему ваш знатный старик так воду носит?» «И электричества у вас нет, в темноте живёте. Неужели нельзя на этой реке электростанцию построить? Подумайте об этом». ИРИНА. Приблизилась к правлению колхоза. Товарищ Сталин протянул руку и говорит: «Это что?» Я смотрю и своим глазам не верю: возле изгороди сломанная телега валяется. И мне так стыдно стало, мама! Как плохо ещё мы хозяйничаем с тобой. «Чтобы правильно и умело руководить большим и сложным хозяйством, надо учиться, повышать культуру, осваивать сельскохозьяйственную технику». Вдруг во мне родилась большая сила! Сердце стало пылать! Внутри всё вскипело. А товарищ Сталин вытащил вышитую золотом большую шаль и подаёт мне. «А это, мол, от меня подарок тебе к свадьбе».

ОЛЬГА. Когда до мостика дошли, он и говорит: «Неплохой у вас урожай сей год, только неровный». Ты, мама, слушай. «Если бы, говорит, всё у вас по Авдею Спиридонычу равнялись – тогда, говорит, дело получше было бы». А он всё стоит, смотрит на наши поля, на деревню и думает, думает. Я тоже молчу. А потом разговорились. Про **электростанцию** нашу говорили, про **МТС**, про **самодетельность**, про всё. А он слушает. Так хорошо слушает, внимательно! Так легко ему рассказывать! Тем кончилось, что откуда-то у него в руках шаль появилась. Большая, красивая, золотом тканая. Протянул он мне её вот так, на обеих руках, ласково так улыбнулся и говорит: «Это к свадьбе тебе». Тут я и проснулась (Свадьба II 87).

Приведённые отрывки вовсе не равнозначны, содержательно они расходятся существенно, что заставляет вообще усомниться в применении здесь термина «перевод». Если в оригинале есть вполне реалистичная картина северного села, то в переложении на русский язык всё слакировано в угоду московскому зрителю, цензорам и чиновникам от театра. Однако эти изменения вполне могли быть и уместными, учитывая жёсткие требования цензуры в те непростые для литературы и театра годы.

Затем после решений XX съезда КПСС в постановках комедии сон про Сталина естественным образом был удалён, а в последнем прижизненном варианте комедии предмет сна изменили на всходы ячменя, например: *«Ольга. Но и ид жö, дона ёртъяс. Гырысь шепта да кузь! Гögör ид! Пом ни дор оз тыдав! Саридз! Зарни саридз! А ме сулала ид пытшкас и радла... радла, а аслам синва визувтö»* (Свадьба III 89). «Ольга. Ну и ячмень, дорогие товарищи. С большими колосьями и длинными! Вокруг всё в ячмене! Ни конца, ни края не видно! Море! Золотое море! А я стою среди ячменя и радуюсь... радуюсь, а у самой слёзы текут». Сон про ячмень, к сожалению, теряет былую возвышенность, романтику, торжественность и важность, он становится обыденным для колхозников-хлеборобов: картофелеводам снятся крупные клубни картошки, овощеводам большие кочаны капусты и т. д.

В наши дни никто не мешает ставить спектакли вообще без купюр. Именно так сделали режиссёр и артисты Марийского театра драмы имени Шкетана в постановке «Свадьбы с приданым» на марийском языке. Однако они не только допустили на сцене рассказ о сне Ольги матери, а выставили на сцену Сталина в белом френче и фуражке, что сделало спектакль максимально близким к оригиналу (постановка была показана в Сыктывкаре в рамках проведения финно-угорского театрального фестиваля). А почему нельзя поставить спектакль на родине автора комедии на языке оригинала без купюр, включая и сон про Сталина? Недавно появилась информация, что легендарную пьесу собирается поставить на сцене Академический театр драмы имени Виктора Савина (Леготина 2021: 48). Если его действительно поставят, зритель достойно оценит эту шестую по счёту постановку комедии на сыктывкарской сцене.

Немного о коми языке пьесы

Принципиальным положением настоящей статьи является тезис о том, что язык коми драматургии (как и в целом язык литературы) чрезвычайно мало исследован, хотя в общероссийском масштабе именно комедии коми авторов ставились и ставятся во многих театрах (кроме Н. Дьяконова это пьесы Василия Леканова, Александра Ларева, Алексея Попова). Для сравнения, язык пьес и сонетов Вильяма Шекспира изучается уже в рамках отдельного филологического направления: составлены словари языка Шекспира, написаны монографии о языке и стиле пьес драматурга (Barnish 1979; Beny 2005; McDonald 2006; The Shakespeare Glossary // www.shakespeare-online.com; Vienne-Guerrin 2013). Далее дадим лишь максимально краткую характеристику языка текста комедии.

Естественным образом современный коми читатель обратит внимание на изобилие русских заимствованных элементов в тексте комедии: это и отдельные слова, словосочетания и множество калек, вместо которых вполне можно было ввести в текст исконные языковые элементы. Данное обстоятельство обусловлено, по крайней мере, двумя причинами: во-первых, так писали в 40–50 годы практически все коми писатели (излишние русские заимствования тогда вовсе не считались отрицательным явлением), во-вторых,

индивидуальным стилем самого автора. Уроженец двуязычного села Усть-Вымь так обосновывал особенности своего коми языка: «Начались занятия. Которые на первых порах были для меня **сплошным мучением из-за языка**. В нашем селе не говорили на настоящем коми языке, так как селяне были русскими переселенцами. В селе издавна был в ходу своеобразный жаргон, смесь русского и коми языков» (Дьяконов 1951: 38). Зрителям и читателям того времени такой сильно русифицированный коми литературный язык считался вполне приемлемой нормой, т. к. произведения первых советских писателей 20-х годов, писавших на гораздо более совершенном коми языке, были изъяты из обращения из-за того, что почти всех их авторов репрессировали. Лишь к концу 50-х годов прошлого века стал наблюдаться процесс постепенного очищения литературного языка от избытка заимствований, особенно после публикации книг репрессированных первых коми писателей В. А. Савина, В. Т. Чисталёва, В. И. Лыткина, Н. П. Попова.

Рассмотрение текста второго окончательного авторского варианта комедии также предоставило примеры определённой комизации лексики, например, вместо слова *картина* видим *серпас*, вместо *цвет* – *дзоридз* и т. д. Вместо продекламированного Николаем Курочкиным в первом варианте пьесы отрывка стихотворения А. С. Пушкина представлен его перевод на коми языке:

*Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман (Свадьба I 14);
И быри томлундырся гажным,
Кыдз вёт, кыдз асылын ру (Свадьба III 53).*

Но эта комизация всё-таки имела фрагментарный характер, в большинстве случаев текст обоих вариантов не отличается. Для сегодняшнего зрителя бросается в глаза избыток русских заимствованных слов в тексте, хотя для них имеются соответствующие параллели исконного происхождения. Примеры: *Пирогов. Чокнитчамой! / Пирогов. Чокнемся!; Ирина. А быдмёны василёкъяс. Василёкъясыс венокъяс кыны али мый? / Ирина. А растут васильки. Из васильков венки плести что ли?; Кодкё стучитё о́дзёсас. / Кто-то стучит в дверь (Свадьба I 17, 18, 19). Во многих случаях имеют место также неестественные для слуха скалькированные конструкции с русского языка. К примеру: *Василиса. Кутшом төлөннин мяян муясё, Семён Иванович? Пирогов. Нылыдён, Василиса Павловна, нылыдён (Свадьба I 16) / Василиса. Каким ветром уже в наши края, Семён Иванович? Пирогов. Попутным, Василиса Павловна, попутным. Подобный оборот речи для коми языкового узуса совершенно нехарактерен, так коми не говорят.**

Кажется совершенно неестественным также обращение влюблённых друг в друга парня и девушки на *тi* «вы», особенно в середине прошлого века, в коми селе. Однако это вполне допустимо для русского разговорного узуса, как и обращение к родителям на *вы*. Также режет слух коми зрителя и читателя постоянное обращение к собеседникам по имени и отчеству (см. приведённый выше пример).

Вместе с тем текст комедии наполнен избытком выразительных народных оборотов речи, поговорок, сравнений, пейоративных слов и словосочетаний. Например: *Ирина. Кынөмтö тув вылө он ошөд (Свадьба I 15) / Ирина. Брюхо на гвоздь не повесишь; это соответствует выражению «голод не тётка»; Лукерья. Аттö о́каяннöйяс... век кыйöдчöны крукыштны. Авдей. Мый тэ тайö шуин, полөкалө?! Да татшөм пöръясёмсьыд ме тэнö,*

сісьмём рыжик, кыкнан стволсьыс дрёбён резышта! Посныдён! (Свадьба III 91, 82-83) / *Лукерья*. Ох уж окаянные... всегда норовят зацепить (придраться). *Авдей*. Что ты это сказала, чучело огородное?! Да за такой обман я тебя, сгнивший рыжик, из двух стволов брызну дробью! Мелкой!»

По сравнению с ранее написанными пьесами на историко-революционную тему язык комедии «Свадьба с приданым» отличается особой живостью, свежестью, что говорит о начавшемся процессе демократизации языка коми художественных произведений. Объём языкового материала настолько велик, что для более полной картины об особенностях языка комедии необходимо подготовить специальное исследование.

Заключение

Результаты сравнения текстов (первого варианта комедии, его перевода на русский язык и окончательного авторского варианта пьесы) позволяют сделать вывод о том, что в целом они представляют одно цельное оригинальное произведение с единым сюжетом, действующими лицами, образами, конфликтом и т. д. Несомненно, перевод, а вернее, переложение на русский язык текста А. Г. Глебовым улучшило сценический облик комедии, особенно включение популярных тогда и до сих пор исполняемых лирических песен, что позволяет считать произведение близким к мюзиклу. Несмотря на изобилие русских заимствованных элементов, вполне приемлемых для языка 40-х годов, язык комедии представляет кладезь живой разговорной коми речи, что позволяет считать комедию Н. М. Дьяконова «Свадьба с приданым» одним из шедевров коми литературы.

К 155-летию Каллистрата Жакова

Даниил
ТЕСТОВ

Даниил Фарукович

Тестов родился в Сыктывкаре в 1997 году. Больше десяти лет проучился в художественной школе и благодаря ежегодным пленэрам посетил многие города Русского Севера. В 2015 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на семинар поэзии Галины Ивановны Седых. Публиковался в журналах «Москва», «Юность», «Плавучий мост», «Арт», а также в альманахах «Муза», «Переключка» и «Белый бор».

Роль авангардной традиции Каллистрата Жакова в актуализации коми литературы

Эссе

Сто пятьдесят пять лет назад родился Каллистрат Фалалеевич Жаков. Без сомнения, он внёс огромный вклад в развитие культуры народа коми (пусть и на русском языке), и его юбилей – это повод поговорить о таких глобальных и значимых вещах, как региональная литература (в широком смысле) и литературная традиция. Мне хочется показать, что Жаков – не просто выдающийся писатель или историческая фигура, о которой следует помнить, – прямо сейчас по странному стечению обстоятельств он актуален. Работа, которую Каллистрат Фалалеевич проделал больше ста лет назад, сегодня даёт коми писателям возможность войти в современный литературный дискурс. Ни для кого не секрет, что литературная традиция коми за последний век сильно отстала от современных течений и направлений (абсурдизм, постмодернизм, концептуализм, «новая искренность», метамодернизм...), она всё больше заимствует из русской литературы, постепенно утрачивая индивидуальность. В своём коротком эссе я постараюсь последовательно описать сложившуюся культурную ситуацию, в которой произведения Каллистрата Жакова (написанные сто лет назад) дают коми литературе шанс на актуальность, а также объясню, почему этим шансом важно воспользоваться.

Само по себе понятие «региональная литература» определить довольно сложно: «регионом» может быть как отдельный город, так и республика, народность, государство, нация или континент – размер не имеет значения, важно, что любой подобный «регион» является частью «мировой литературы» и обладает индивидуальными чертами, сложившимися в ходе истории. Именно «индивидуальность» позволяет локальной традиции оригинально и своевременно реагировать на мельчайшие изменения в культуре и тем самым представлять интерес для «мира».

По большому счёту, региональная литература продолжает

жить, пока остаётся актуальной. Она может проигнорировать одну культурную тенденцию или две, но при этом каждый раз, не имея возможности самостоятельно адаптироваться к тому или иному «изменению», она вынуждена заимствовать новую «оптику» из другого «региона» (как правило, более крупного), утрачивая тем самым часть индивидуальности. Иногда это не осознанный выбор, а результат внешних обстоятельств. Например, Польша целых сто лет развивалась, будучи поделённой между тремя другими государствами (её как локального региона не существовало), и в XX веке, получив независимость, она была вынуждена решать постмодернистские проблемы, имея в литературе лишь индивидуальную романтическую традицию – в результате такого гигантского разрыва Польша как «регион», обладая уникальной культурой, оказалась в ситуации, когда она не в состоянии выразить себя.

Однако бывают и случаи намеренного отказа от традиции (или скорее принудительного). Так, например, современная русская литература (и в особенности драматургия) страдает от отсутствия индивидуальной абсурдистской модели. Хотя сама по себе традиция русского абсурдизма была (Хармс, Заболоцкий, Введенский, Олейников, Владимиров, Бахтерев...), но в 30-е годы её расстреляли – не дали сбыться. Сложно представить, как бы сейчас выглядела русская литература, если бы имела в своём распоряжении абсурдизм, уходящий корнями в народные сказки, в лубок, в площадную культуру (скоморохов, ряженых, «райки» и «вертепы»), в юродство... Мы никогда этого не узнаем. Об ОБЭРИУтах вспомнили только в 60-е, но 30 лет – это огромный срок для литературного процесса. Время было упущено. Русская (советская) литература была вынуждена заимствовать абсурдистскую модель стран Варшавского договора (Моржек, Ружевич, Эркень, Кантор, Ионеско), а позже западную (Беккет, Жене), потому что культура никогда не даёт отсрочку (так или иначе, она получит своё) – либо вы актуальны (и индивидуальны), либо вы заимствуете.

Каллистрат Фалалеевич оказал коми литературе неоценимую услугу, своевременно создав для неё авангардную традицию. Он, по сути, в одиночку осуществил переход от романтизма к символизму, определив значение низовой культуры в формировании уникального чувственного опыта «региона». В конце XIX века в мире появились первые собиратели фольклора, возрос интерес к сказкам и к народному эпосу – наступил «языческий ренессанс». Старшие символисты (Бальмонт, Брюсов), вдохновившись творчеством Вагнера и прерафаэлитов, начали использовать в стихах кельтские и скандинавские мотивы, Мережковский и Гиппиус обратились к национальной легенде о Китеж-граде, а Сологуб – к ритуалу, мистическим сюжетам и ритмам колыбельных песен. Именно в таких условиях, реагируя на глобальные культурные процессы, Жаков написал «Биармию». И важно понимать, что «Биармия» – это не «Калевала», не народный эпос, а светская литература – авторское произведение, созданное в конце эпохи модернизма.

Каллистрат Жаков разделял идеи теософии, с помощью внутренней фольклорной формы он пытался создать миф об универсальной религии («Песни Пама Бур-Морта»). Подобная синкретическая модель была призвана продемонстрировать переход от пантеизма к космизму и спасти человечество, подарив людям единый взгляд на мир, учитывающий интересы как религии, так и науки. Заслуга Жакова прежде всего в том, что он был актуален. Даже само название «эволюционный символизм» в полной мере отражает характер глобальных изменений, происходивших на тот момент в культуре. Каллистрат Фалалеевич подарил своему «региону» авангардную идею «прогресса» – идею о том, что «новое искусство» не хуже «старого», что мы идём не от Золотого века к Железному, а наоборот. Именно эта, казалось бы, позитивная перемена по итогу станет центральной проблемой для всего XX века. По сути, если бы Жаков не создал локальную авангардную традицию, сейчас у нас бы не было оснований говорить о таком явлении, как «коми литература».

Однако данное явление не только существует, но и, по странному стечению обстоятельств, имеет шанс на актуальность. В 1925 году была издана работа Хосе Ортеги-и-Гассета «Дегуманизация искусства» – она показывала отношение «нового» искусства к «старому» (кубистов к натуралистам), хотя её справедливо считают неофициальным манифестом всего авангардизма. За сто лет многое изменилось: авангардные инсталляции оказались в музейном пространстве, а некогда «бес-человечный» (дегуманизированный) супрематизм лёг в основу дизайна и стал частью быта – казалось бы, «новое искусство» ушло далеко и не совсем по тому пути, по которому предполагал Ортега, однако, несмотря на это, почти все описанные им положения для русской литературы до сих пор остаются актуальными (как будто не до конца усвоенными). «Новое искусство элитарно», «подлинное видение ирреально», «произведение искусства – это лишь произведение искусства», «художник смотрит внутрь себя, это и есть объективное видение», «искусство не про самовыражение – оно интуитивно, но не случайно», «эстетическое удовольствие должно быть удовольствием разумным», «уход от реальности», «освобождение идей от тождества с вещами», «отказ художника от роли пророка или вершителя судеб» и многое-многое другое – современные представители «новой литературы» могут называть себя как угодно: постмодернистами, метамодернистами, спекулятивными реалистами... – но их спор со «старым искусством» всё ещё строится по авангардной модели, «передовые авторы» всё ещё отстаивают идеи «новаторов» столетней давности.

В таком нелепом положении мы оказались во многом из-за Революции. В конце эпохи авангардизма русская литература разделилась на «советскую» и «эмигрантскую». Писатели-эмигранты винили коммунистов в уничтожении Великой России и считали своим долгом сохранить наследие страны (язык, культуру, традиции), законсервировать и в первоизданном виде передать потомкам, это была их священная миссия: «Мы не в изгнании – мы в послании». «Левая» советская власть поначалу поддерживала «левую» авангардную литературу, но постепенно, с укреплением идеологии и возникновением соцреализма, советская литература упростилась – ограничилась примитивными задачами. Русскому искусству во всех его проявлениях пришлось отказаться от «новизны» – и когда в 80-е годы в Советском Союзе начала появляться «возвращённая литература», в сознании массового читателя эмигрантский тип высказывания (образ автора, образ речи), сохранённый с XIX века, соединился с простой и привычной формой соцреалистических произведений. Массовый читатель в конце XX века стал воспринимать литературу «архаично». Разумеется, были нонконформисты, была андеграундная литература – но если в Европе «новое искусство» относительно быстро стало общественным, в России оно до сих пор выглядит «антинародно» и «элитарно» (как искусство авангарда сто лет назад).

Такое положение литературы не позволяет актуальным течениям полноценно развиваться. Ортега писал, что «профиль нового искусства почти полностью складывается на основе отрицания старого – новое искусство агрессивно по отношению к недавнему прошлому», – так авангардизм сложился на основе отрицания романтизма и натурализма, так на протяжении века складывались все передовые течения. Проблема современной русской литературы в том, что произведения многих представителей «консервативного крыла» (старого искусства) по своей природе всё ещё романтические и натуралистические. Метамодернисты не могут полноценно критиковать постмодернизм, если большая часть современных читателей и авторов оценивает искусство даже не по законам модернизма. Современному искусству по сути не с чем спорить и нечего отрицать – оно не может быть агрессивным настроено по отношению к недавнему прошлому, если в рамках русской литературы это прошлое никем не принято. Многим читателям постмодернизм кажется таким

же чужим, как и последующие направления, которые его критикуют или преодолевают. В такой ситуации «новое искусство», чтобы сохранить себя (свой статус «новизны»), вынуждено откатываться назад (спускаться на уровень авангардизма) просто для того, чтобы конфликтовать с современными реалистами. Русская литература, решая внутри себя проблемы, актуальные для мировой литературы, не может вести диалог – между «старым» и «новым» искусством (между романтизмом и метамоде́рнизмом) настолько гигантский разрыв, что возможности для конфликта попросту нет.

Подобная неподвижность привела к формированию биполярной литературы, жёстко очертившей свои границы: условные «постмодернисты» и «неореалисты», классическая драматургия и «новая драма», поэты из круга «Воздуха» и поэты из круга «Знамени» – всегда понятно, кто к какому полюсу относится, это не вопрос стиля или точки зрения на литературу, это скорее вопрос оптики (романтизм – одна оптика; авангардизм – вторая, которая корректирует первую; постмодернизм – третья, которая корректирует вторую, но игнорирует первую).

Поскольку «передовая литература», чтобы определить себя (очертить свои границы), вынуждена критиковать «предшествующее искусство», в роли которого выступают романтизм и натурализм, в России в XXI веке авангардная проблематика всё ещё является центральной. Это не значит, что за прошедшие сто лет русская литература утратила большую часть своей индивидуальности, – в ней сложились и постмодернистская традиция (Битов), и концептуалистская (Пригов, Рубинштейн), и традиция «новой искренности» (Воденников) – но актуальный дискурс по своей природе всё ещё авангардный.

Для коми литературы такая архаичность центральной проблематики более крупного «региона» (русской литературы) – это крайне редкая возможность наверстать упущенное. Я говорил, что литературная традиция либо своевременно складывается, либо заимствуется, поэтому нынешняя культурная ситуация по-своему уникальна. В результате сложного переплетения исторических событий «регионы», входящие в состав России (находящиеся под влиянием русской литературной традиции), в начале XXI века получили шанс на актуальность. Единственное условие – наличие в «регионе» индивидуальной авангардной литературной традиции.

Иными словами, опираясь на поэтику (в широком смысле) Каллистрата Жакова, коми культура в рамках актуального для более крупного «региона» дискурса может попытаться сформировать упущенные за целый век индивидуальные литературные традиции. Однако со временем Россия скорее всего сможет преодолеть полярность своего искусства и скорректировать литературный дискурс, поэтому, если мы в ближайшие лет десять не воспользуемся неожиданной возможностью восполнить культурные пробелы, Коми как локальный литературный регион попросту перестанет существовать – за ненадобностью – ведь он больше не сможет (даже потенциально) дать оригинальный ответ на те или иные тенденции и окончательно перестанет быть интересен миру. «Региональная литературная традиция» – это всегда живая реакция на актуальные культурные процессы. В этом смысле Каллистрат Фалалеевич Жаков – идеальный пример того, каким должен быть писатель: он участвовал в деятельности Петербургского религиозно-философского общества, полизировал с представителями христианского модернизма (Розанов, Бердяев), дружил с Бодуэном де Куртенэ, входил в группу Старших символистов, попытался дать альтернативу гносеологии Канта – иными словами, был человеком своей эпохи. Именно эта «актуальность» (соответствие времени) и позволила ему в полной мере выразить особенности своего «региона» и сложить локальную традицию, на которую можно опереться даже по прошествии ста лет.

Палалей
КАЛЬӦ

Палалей КальӦ

(Каллистрат Фалалеевич Жаков) (1866–1926) – выдающийся учёный, философ, писатель. Родился 30 сентября 1866 г. в д. Давпон (ныне – пригород Сыктывкара) в крестьянской семье коми-зырян. Профессор Психоневрологического института, организованного академиком В. М. Бехтеревым. Самым крупным произведением является автобиографический роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914). Его перу принадлежит и литературный эпос «Биармия» (1916). В историю науки К. Ф. Жаков вошёл как финноугровед, исследователь этнографии и фольклора финно-угорских народов России и, в первую очередь, народа коми.

МАЙБЫР*

Мойд

Сук пармаын сулаліс пожом керйысь лэптӧм керка. Керкаын олісны гозъя. Матігӧгӧрын на кындзи морт ни лов эз вӧв. Верӧсыс му уджалысь да бур кыйсьысь вӧлі, гӧтырыс зіль печкысь да тэрыб кыысь. Олісны найӧ ӧтлаын лӧсьыдалӧсьыда дас вит во нин.

Гӧтырлӧн нимыс вӧлі Ягань. Сійӧ дугдывтӧг шогсьыліс челядтӧм вӧсна. Ӧтчюд пукалӧ шор дорын ылын гортсяныс да нора бӧрдӧ сы понда. Вӧліны кӧ эськӧ найӧ, кутшӧма топӧдліс сійӧ ас мам морӧс бердас.

Сійӧ кадын вӧрын жургис ыджыд тӧв, нюкльӧдліс пуяссӧ. Джуджыд сенті ызгис-визувтіс шор. Дзоридзьяс копыртӧмаӧсь сы бердӧ юрнысӧ, дзебсьӧмаӧсь лӧк тӧлысь. «Тайӧ дзоридзьяснас эськӧ ме мичмӧді лайканӧс кагалысь», – бӧрдігмоз шуаліс Ягань.

Дыр шогсис нывбаба шор дорын. «Лун-мӧд-коймӧд эськӧ мед ловъя синмӧн видзӧдлыны аслам кага вылӧ. Сэсся позьӧ и кувны».

Шор мӧдарсянь, пуяс костысь, пемыд вӧрысь петіс дзор дядьӧ. Тош муртса муӧд оз кыссьы. Тӧв друг лӧнис. Ягань кыліс: «Тӧда, мый понда бӧрдан тэ, Пармаморт гӧтырӧй; тӧда, коран тэ аслыд помала пи. Кывзы, висьтала ме тэныд: чужӧ кӧ тэнад кагайд, куим лун-вой бӧрын ачюд кулан. Кӧсьян он нэм помтӧ водзджык корсьны?»

Горӧдіс нимкодя Ягань:

– Мед, мед кула кӧ. Сӧмын кагасӧ мед ас ордын кутышта кӧть ӧти здук. Сэсся мед кула кӧ.

Пӧль муніс. Бара лыби тӧв, сьӧд вӧр шӧрын шутӧвтіс. Пуяс гораа вашкӧдчыны мӧдісны муыввса олӧм йылысь. Шензьӧны: мортлы пӧ со мый колӧ.

Локтіс Ягань гортӧ, бӧр овмӧдчис важ ногыс. Коли куим тӧлысь. Ягань кыліс ас пытшсьыс кагаӧс. Во джын мысти сы бӧрын чужи сылӧн, чужи пи! Куим лун кутліс сійӧс, топӧдавліс ас морӧс бердас, куим лун нимкодясис пиыс вылӧ, помала долис: тайӧ пӧ медшуда лунъяс менам нэмын! Майбыр пиӧй, сьӧлӧмшӧрӧй менам!» Пармаморт видзӧдӧ гӧтырыс вылӧ, шензьӧ – оз вермы шензьыны.

Коли куим лун да куим вой. Ньӧти висьтӧг, лӧня кулі Ягань, быттӧ чӧскыд унмӧн унмовсис.

* Вуджӧдчысьысь гижанногӧ кольӧма вежлавтӧг.

Пармаморт куим лунся пи кежысь коли. Шогсис-шогсис, бөрдис-бөрдис гөтыр вөсна, да мый керан? Он өд, буракө, ловзьөд кулөм морттө. Лои корсьны мөд гөтырөс. Ылыс сиктысь косіник Читнылөс вайис.

Читныв кутіс вердны, быдтыны пузчужөм Майбырөс. Во бөрти ачыс чужтіс пиөс. Нимсө пуктісны Шорморт.

Быдмөны кык пи вөралысь мортлөн: Майбыр да Шорморт.

Майбыр ён, быттьө мусянь тэчөма; Шорморт омөлик, съөд. Майбыр енэж рөма синьяса. Шормортлөн съөд шомтор кодь, да векныдик кымөсьяса. Читныв зэв эз радейт Мабырөс мичлун кузяыс, тшөкыда шулывліс: «Вешы ме дінысь, мый суйсян, ме тэд абу мам. Мун аслад мамыд дінө. Тонө тай сійө, эсіө пожөм улас куйлө». Съөд синваөн вөлі котөртас Майбыр пожөм лапьяс улө, шыбитчас муса мам гу вылө, нора лыддьөдлас: «Чеччы, мамөй, чеччы! Ягань! Читныв менө кедзовтө».

Ягань оз кыв, оз чеччы, узьө чорыд унмөн кыз съөд му улын. Бөрдігтырйи локтас Майбыр батыс бердө норасыны. Пармаморт оз лысьт бур кыв шуны, меліа дугөдны бөрдөмысь; полө аслас сямтөм, вежөгтысь гөтырысь.

Мунөны луньяс, төлысьяс, вояс. Мичаджык да мичаджык кутіс лоны Майбыр. Тушанас пөшти кык ыджда нин аслас вокысь, дай вежөрнас ёна панійис сійөс. Вөчис сійө гумйысь пөлян. Курыд шог дырйи зэв нора ворсіс сійөн сыланкывьяс; гажа дырйи тивзіс лөсьыд гажа-торьяс, сөмын нин кокыд лыбалө. Ветлөдлө нин сійө батькөд кыйсьыны, төдмалө кайяслысь сьылөмсө, кывзө парма юяслысь жургөмсө, шорьяслысь ызгөмсө. Уна-унатор пондіс төдны Майбыр. Адзис чойяс йывсянь да гөпьясянь юяс босьтчөм-заводитчөм, казавліс налысь мөд юө усьөм паськыд гажа видзьяс дорын. Кайлывліс пожөма ягө, көні кок улын яла кажа кылө; лэччывліс пармаө дзор козьяс бердө; воывліс раскө еджыд кыз пу вылө нимкодясьны; керөсьяс, катшасин тыра давьяс эз вунөдлы видлыны. Гөгөрвоис став кыйсьөм мудерлунсө. Сөмын некодянь эз кывлы мелі кыв. Батыслы эськө зэв вөлі дона да, эз лысьтлы сійө ошкыштыны, бурөдыштыны асьыс писө, поліс гөтырсьыс: «Вияс пө ачымөс дай муса пиөс, Майбырөс». Читныв ёна кыйөдчис ая-пияөс. Сійө поліс Пармаморт көдзалөмысь. Вунөдас пө менө Майбыр кузяыс, усьө төд вылас важ, мича гөтырыс – Яганьыс. Майбыр дзык мамыс кодь вөлі.

«Колө, колө кызкө мынтөдчыны Майбырысь! Мөдөда вөрсяяс дінө, мед сөясны менсьым син вежысьөс. Найө өд дзык жө мортьяс моз олөны, сөмын лөклуннаныс ош кодьөсь».

Читныв шуө аслас верөслы: «Мыйкө меным зэв сөкыд лои, буракө, висьөм көсйө топөдны. Мөдөдлы питө вөрсяяс дінө ай пиньысла, мед ваяс сійөс мем. Сійө пиньыс бурдөдө быдсяма висьөмысь».

Ыстіс Пармаморт асьыс пиөс вөрсяяс дінө. Ыстігас велөдіс: «Тэ корсь найөс ю йывьясысь да гөпьясысь, гажтөм иньясысь, көні мортлөн сьөлөмыс майышмунө гажтөмысла; повзьөдчан пемыд пармаысь, кытчө весиг збой кыйсьысьяс оз лысьтны пырны; звер ни пөтка овтөм иньяысь, көні туньяс сөмын олөны-вылөны да мортьясөс кыйөны. Сэтшөм иньяссө тэ аддзан төв зурасян инын, вөрса туй вомөнасян инын, юяс шорьясысь торьялан инын. Воан сэтчө да кор вөрса айлысь пиньсө. Сэсса ваян сійөс ичиньыдлы. Дыр кө он адзы найөс, ёрчышт. Сэки асьныс локтасны тэ бердө».

Тайө висьтавлігкості ичиньысь гусьөникөн Пармаморт Майбырөс вөньөдіс Ягань вөньөн.

Мунө Майбыр вөрсяяс дінө, мунө да пөлянөн зэв нора ворсө. Зэр кө суас, сук лапьяса пу улө дзевсьылас, шонді пөжөмысь коз лыскысь вөчөм тупкөсөн (шапкаөн) юрсө тупкылас. Ворсөмсө сылысь кывзөны вөрүн олысьяс: ур-кай коз пу вылын, гөрд юра кай лапьяс костын, шур джуджыд пожөм йылын, кывзө сизь сись пу катшкөдігмоз. Төв лыбө, пуяс чегьялө. Майбыр водас куш луд вылө, көні тарьяс ворсөны.

Вой шора войын чукорон ветлодлоны зверьяс. Каяс Майбыр пожом выло, пуксяс кызд ув выло лапьяс повсто да мовпало ас олом-вылом йылысь.

Корко дырон воис сийо пемыд пармао, кони пода туйяс вомонасьоны, кони юяс шорьясысь торьялоны, кытчо лун шор лунын оз инмыв шонди югор. Аддзис сэни ыджыд-ыджыд, се вося пожомьясысь вочом керка. Одзос дорас ворсоны омелик, мисьтом, гырысь челядыс. Вердис найос Майбыр аслас няньон, ошкыштіс. Сэсса пырис ыджыд керкао, водис лабич выло, унмовсис. Поляныс кисьыс уси джоджо.

Шонди лэччан кадын локтісны ворса гозья. Найо вольомаос ылын юяс дорын; йозос повзьодломаос, звер-поткаос вотлодломаос. Локтісны тшыгос. Челядыс висьталісны бать-мамлы: ичотик детина по мяно локтіс, вердис мянос, буродис дай ошкис.

Пырисны керкао ворсяяс, аддзисны узысь детинкаос лабичысь, джоджысь полян. Кайто веросыс:

– Мед узяс, энэ ворзьодо. Аски асыв сеям тайос.

Кыптіс шонди. Югди. Ворса юра ырскобтіс-чеччис, садьмодис Майбырос. Шуо:

– Лосьодчы, ме тэно сея. Ме медаджыд олысь ворса.

Воча шуо Майбыр:

– Но инэ. Сы выло од и ыстіс менэ ичинь. Лэдз менэ сейтодзыд, ыджыд ворса, ворсыштыны полянон, муса мамос казтыштыны. Сийо куйло джуджыд пожом улын.

Оддзис ворсны Майбыр. Ворсо да сыло, сыло да ворсо, аслас синваис се вожон лэчпо, шорон визувто джоджо. Видзодо сы выло гона ворса олысь кымостом корт синьяс-нас... Недыр мысти сылон синваис модис доршасьны, сэсса оти войт исковтіс гона чужом кузьяс.

– Керысь тэ, пейй. Тэнад сыломид ворзьодис, нормодис менсым из кодь сьоломос. Менам сьоломой измис нэмчож васаяскод косясьохла. Олоны найо гопьясын, гажтом тыясын, ю ийрьясын, кытчо вейоны йоз. Мун, ме тэно лэдза.

Шуо Майбыр:

– Польой, ичинь ыстіс менэ тэнад ай пиньыдла. Сийо по быдсяма висьомысь бурдодо.

Чард би моз югнитісны синьяс ворса мортлон, да пыкис аслас сьоломо скорлунсо. «Мед но тэ ног лоо», – шуис сийо, лэптыштіс джодж повсо, кыкис сы улысь сьокыд пинь аслас айлысь.

– На, да одйо пышйы тась! Которт мышкад видзодлытог. Лёкма ко од, сер лоо.

Петис Майбыр ворса оланінысь, мышко видзодлытог которон пышйис гажтом пармаысь. Дыр муніс сийо гортэ, ена ыло ветлысьсома.

Корко воис. Сетіс ичиньлы бурдодчан пинь ворса айлысь.

Читныв кык ки воча шлапнитіс, Майбырос ловйон аддзис да. Повзьомысла да шензьомысла синваис быдсон чепосйис.

Во джын Читныв чов оліс, во джын кыв ни джын эз шулы. Важ дорысь бура овмодчисны, а Читныв ношта нин ена жугыльмис. «Кула ко ме, – мовпало, – вотласны ас дінсьыныс менсым омелик пиос. Ыджыд вокыс мырддяс сылысь ставсо: му-видзсо, кыйсян эмбурсо, коч кыян капканьяссэ, чосьяссэ, сьола кыян пекляяссэ, ньовьяссэ – ставсо, дзик ставсо мырддяс. Бур олом пеййлы оз ло сыкод. Кутшом од ыджыд да ен сы бердын Майбырыд, мичлуныс либо! Синьясыс лоз енж рома. Мича эсько да, ме чайта, мамыс кодь жо горш, горш по тай сийо вовлома. Коло эсько кызко мынтодчыны синмон аддзытом Майбырысь да. Сыкод Шормортлы паськыд ыджыд ворын бур олом оз ло».

Воис пемыд вой. Мудер Читныв кутло ассыс вероссо да вашкодэ сылы пеляс: «Сьокыд овны мянлы. Сьолом тэ всна висьэ, Пармамортй. Омоль тэнад оломыд: то в гожом пыр отарэ кыйсы. Вермасны вины тэно ошьяс. Верман вошны пармаад аслад муса пияныдкод».

Өтнам ме сэки съод вөр шөрын коля. Лоо пөткөдчыны сэки мем куш пувйөн да чөдйөн».

Сэсса ышловзис да содтис: «Кывлі ме өти тунлысь – сійө став тун вылас ыджыд: кыйны кө пө либө кутны еджыд ош сарлысь (корольлысь) писө, быдтыны сійөс, сэки пө кыйсьөм уджыд кокни лоө. Сылысь пө став кывтөм пемөсыс кывзө тшөктөм-шуөмсө. Мөдөд сыла Майбыртө, кокниа да озыра сійөс вайөм мысти овмөдчам».

Кывзысь вөлі Пармаморт. Пыдди пуктис гөтырлысь кывъяссө. Ыстис писө ылі туйө корсьны еджыд ошъяс вылын юраыслысь писө. «Төда эськө, – шуө Пармаморт пиыслы, – съөкыд вөчны сэтшөмтор, да мый нө керан? Голь олөмыд ещө съөкыд. Мун тэ, менам пиөй, көдзыд саридз бердө, көні йи чойяс кылаөны, көні некор лым оз сывлы, көні векусыяныс руа. Корсь тэ сэтшөм еджыд ошъяслысь юралысьсө, кор сылысь писө, вайөд татчө. Мед мам вуджөрыд тэ бөрысь тшөтш вөтлыяс!»

Босьтис Майбыр уна сёян, босьтис ассьыс ворсан пөлянсө вөнь костас, мөдөдчис. Дыр мунис вөръясөд, сэсса паськыд тундраө воис, көні быдмө сөмын пув кор да петө яла.

Паныд сюри сылы көр чукөр, вөсни кокъяса, мича сюръяса дзонь көр чукөр. Эз повзёд найөс Майбыр, эз ви ньөтикөс аслас ньөвийөн. Аддзис пом ни дортөм тундраысь лөз ваа юяс, тыяс; динъясысь, потшкысь, дөраөн тупкөм керкаяс яранъяслысь... Майбыр аслас авъялуннас да бур кывнас сёлөм вылас воис съод юрсиа да ичөт тушаа яранъяслы. Водзө... Быд воськовын кай поз тыдалө. Надзөн мунө том Майбыр. Мед пө эськө оз жө талышсыны муса, дона кайпияныс, – мөвпалө сійө аслыс. Сылөн бур, небыд сёлөмыс кажитчис тундраса сарлы – көрт ныръяса турилы. Колөдчис збоя Майбыр юр весьтө, сайөдіс бордъяснас Майбырысь улын сулалан шонді. Гораа кайтыштис:

– Гурли, гурли, Пармаморт да Ягань пи! Талаялас кө тэнө пик, чукөст менө тури шыөн. Лэбзя ме тэ динө, мезда тэнө пиксыд. Оні тэ регыд воан көдзыд саридз дорө.

Турилысь кывъяссө эз вунөд Пармаморт, Ягань пи. Мунө Войвыв Саридзлань зыбуч лыа вывті. Аддзө – еджыд йыла сера гыяс ыджыд шыөн помала кайлөны да еджыд быг кольөны. Гырысь пиньяса руд моржъяс куйлөны сэн. Еджыд тюленьяс орччөн-орччөн, бытьө мортьяс, водөмаөсь лыа кузьта. Гөгрөсөн, лөзоввиж рөма помтөм-дортөм саридз нюжалөма войвывлань. Гырысь джуджыд йиас сулалөны пуан саридз морөс вылын. Муртса мыччысьыштөма енэжын зарни шонді, сявкнитөма ассьыс югөрсө саридзө да тундраө.

Чукөстчис Майбыр тури моз: «Гурли, гурли». Друг лыби ыджыд шы. Аддзис Ягань пи ыджыд пөткаөс, аслас бордъясөн гудыр кымөр моз сайөдө шонді. Шуис Тури:

– Пуксы ме вылө – лэбзям йиас вылас. Төда ме, корсян тэ еджыд ошъяс вылын юралысьлысь писө.

Пуксис Майбыр Тури вылө. Гырысь бордъясөн шлавкнитис сійө, кыпөдчис вылө-вылө. Мөдіс лэбзыны саридз вомөн войвывлань.

Воисны өти ыджыд йи чой вылө. Шуис Тури:

– Ме лэбалышта тайө чой сёнъясөдыс, кольччыв тэ өтнад. Кор ковма, горөд тури моз.

Тури лэбзис. Пуксис Майбыр йи чукөр вылө, пондіс ворсны пөлянөн. Локталисны сы динө еджыд ошъяс, сувталисны гөгөрыс. Шы ни төв кывзөны найө ворсөмсө да сьылөмсө Майбырлысь.

Синва петмөн нора ворсө пармаса морт. Йивывса олысьяс гөна юрнысө лэптисны вывлань да омлялөны: нора ворсаныс да сьыланногыс казьтыштис налы помала гажтөм олөм юяс пөвстын да көдзыд ру разавлытөм инын. Жальыс петис Майбырлөн, – гажа торъяс заводитис ворсны. Гажмисны войвывса еджыд олысьяс, сувталисны бөр кокъяс вылас, мөдісны лабутнөя катласыны. Сэсса өддзисны, мөдісны бергавны, паськыд кокъяснас топйөдлыны. Медбөрын төв ныр моз кутисны йөктыны да гөгравны рөмпөштан кодь югыд

йи вылын. Вошлөны сөмын ру пиё, югнитласны вылысын, чой йылын. Тонө асьныс йи чой-ясыс вөрзисны, мөдिसны катласны-мунны сэзь дон енэж улын.

Каляяс шызисны, дзирдалөны еджыд бордьяснас гажөдчысыс юр вылын. Ыркнитіс вой төв көдзыд ловнас. Кыліс сійө гажа ворсөм пөлянөн да ышловзис муывывса шог оломла. Бурмыштіс сьөлөмыс еджыд паськөма войывывса ошъяслөн.

Петіс чукөрысь ошъяслөн сарныс, локтіс пөлянөн ворсысь дінө, шуис:

– Абу эськө тэ мян пытшса олысь, петөмыд мянөс виалысь рөд пытшкысь, да мед: тэ кажитчин мянлы. Олом мян өтмоза мунө йи гөраын, гожөмтөм төлын, швачка көдзыд инын, нэмөвөйя лым пөвстын, му сьөд тыдовтчывтөм инын. Аскөдыд вайин тэ долыдлун, гажөдін мянөс, сетін ворсөмнад сьөлөм. Кор, мый тэныд колө. Буртор сета, синмөн ог лапнит.

Йовкнитіс Майбырлөн сьөлөмыс:

– Вай мен питө ассьыд, – тэрыба шуис сійө. – Велөда ме сійөс быдсяма дивөас. Уна өд ми, мортъяс, төдам.

Вель дыр мөвпаліс мыйкө еджыд сар. Босьтіс сэсса ассьыс писө ордас, кык водз кокнас топыда кутліс, мурзө небыда:

– Мур-мара, мур-мара, мур-мара.

Сэсса сетіс Майбырлы. Босьтіс Майбыр ош сар пиөс, улө-улө копыртчыліс став чукөрөн пукалысь еджыд ошъяслы. Муніс йи гөра дорө, чукөстчис туриөн. Лэбзис саридз лөз гыяс бердсянь Тури, пуксьөдіс кос вылас Майбырөс ошпикөд. Качөдчисны найө вылө лөз саридз вомөн да тыртөм, гажтөм тундраяс сайөдз лэбзисны. Кыдз рас дорө вөлисти Тури лэдзис Майбырөс ошпикөд. Торйөдчигас шуис сылы:

– Эн вунөд тундра сарөс, Туриөс. Öні мун ас гортад: кызд рассянь воан коз пу вөрө, коз пу вөр бөрын пыран пожөма ягө; вуджан джуджыд гөра, воан пармаө. Сэні олө тэнад пөрысь батыд». Муніс Майбыр Тури велөдөм серти. Локтіс бать керкаө. Бөрсяныс тапиктө, зумыда тувчалө еджыд ош сарлөн пиыс.

Шемөсө уси Читныв Майбырөс аддзөм мысти, ещө ёна повзис, еджыд ош пылысь рама сы бөрся локтөмсө аддзис да. Вежөртіс Читныв аслас бур вежөрнас, казяліс сійө: Майбырөс виөмысь быдөн видзөны. Эз кө эськө некод Майбыр дор ов, важөн сійөс косявлісны вөрсяяс да ошъяс, важөн эськө көнкө вөрын сылөн лыясыс төлалө.

Эновтіс Читныв Майбырөс, шеныштіс кияснас:

– Коркө тон олөмыс ачыс кусыньтас Майбырөс. Оломлы да еньяс шуөмлы этша паныдтө мунан.

Олө Пармаморт кык пиөн. Кыйсьөны ставныс. Пармаморт Шорморткөд ваясны вит сьөла да дас байдөг. Майбыр кык мында кыскө, да ещө бөрсяныс Саридз морт, еджыд ош, кыскө томиник көрөс, кыйөма кыськө рас пөвстысь, пуяс костъясысь.

Бур юөр кутіс кывсыны йөз пиын Майбыр йылысь. Шормортлы зэв завидь лои. Көсйө сійө мынтөдчыны Майбырысь, норасьө мамлы, мудер Читнывлы. Читныв гөгөрвоө дона пиыслысь циркурыд шогсө. «Ог кө нин вермөй вины сійөс, ыстам кытчөкө гортысь, мед аслас шуднас олас», – мөвпалө дугдывтөг мудерпоз – Читныв.

Коркө сөрөн рытын воис кыйсян инсянь Пармаморт. Пияныс вөрө кольччөмаөсь узынысө. Гөтырыс вердіс сійөс ужынөн, сэсса шуис:

– Пармаморт, енэжөд кысьсөмөн кысьсөны руд кымөръяс. Кысьсөны тундра вывті, саридзөд, вөръясөд. Шойччөны найө пемыд войясын гөра йывъясын. Кытысь нө найө петөны муөс йөлөн юкталысьясыс, енэжса мөсьясыс? Дыр-ө на ещө пондасны ветлөдлыны найө шы ни төв му весьтти? Унаысь ме юавлывлі та йылысь вежөра тунъяслысь, сөмын висьтавнысө на пытшкысь некод оз путьмыв. Ыстыв Майбыртө, мед төдмалас сійө ставсө да висьтавлас бур йөзыслы гаж вылө. Сэк ас йывсыс слава бур йөз пытшкын лоө».

Со өд мый вежортис руч сяма Читныв, со кутшөм ногөн мездысис сійө Майбырысь.

Небыд сьөлөма Пармаморт сёрнисö гөтырыслысь висьталіс ыджыд пиыслы. Сэсса ас-сяныс содтіс:

– Ветлы, дона пи, вöч коймөд тшöктөм мамыдлысь. Менам сьөлөмөй төдö – воан тэ бөр гортö ловйөн. Сэсса озырман да таысь шань мортөн лоан.

Мөдөдчис Ягань пи сук парматі. Бөрсяньыс руйгö Саридз морт – еджыд ош. Парма-сянь воисны найö тундраö. Жургö, шутьялö төв куш тундраöд. Шог косьтö Майбырлысь сьөлөмсö. Жугыла мунö сійө еджыд яла кузя. «Кьдзи нö ме верма сёрнитны кымөръяскöд? Юрöс воштыны нин, тыдалö, ме муна», – мөвпалö Майбыр.

Ылысь водзысь аддзис куш из гөра, быттö ентас дорын тыдовтчис кымөр. «Кая ме гөра йылас, – мөвпалö Майбыр, – сэн яг пөвстын тюрöны нора сьылігтырйи, визувтöны шоръяс, кырнышъяс кыйсысь шойяс вылын лэбалöны, чой йылын, морöснысö лэдзöмөн джуджыд сёнъясö, шойччöны руа войясын кымөръяс. Ог-ö ме төдмав сэні мыйкö енежöд помала ветлысь кымөръяс йылысь?»

Каис Майбыр чой йылö. Мед төлыс вывті оз инмы, пырис сук тусяпу пөвсö, пуксис сэтчö. Саридз морт сы дінö матö водіс. Төждысьö, мед эськö некод жö оз вөрзьöд Парма-мортлысь пиöс.

Шонді лэччис. Лэбзисны ру бордъясөн кымөр чукөр енэжа-муа костті, водісны чой-яс йылö. Сэні из вылын, вужъясөн кутчысьөмөн быдмö вöлі дженьыдик коз пу. Нормис сьөлөмыс сылөн кымөръяс вылö видзөдлөм мысти, шуис:

– Ме эськö омөля нин ола, куш изъясö кутчысьөмөн, ті меысь на лöсьыдтöма олад. Олөм өмөй нö тайö тіян, чойясöй! Синваыд петас жаляддза! Сьöкыд тіянлы лэптавны сола ва саридзьясысь, киськавны вөръясöс, көдзаяс му вылысь. Висьталöй меным, шудтöмъяс, кытöні ті чужліныд? Дыр-ö кутанныд юктавны муöс асланыд юмов вананыд?

Кымөръяс шуисны:

– Муса чойяс миян! Лэбалам ми ру бордъяс вылын ыджыд төлөн, кыскалам öшкамөшка карнан вылын курыд сола ва саридзысь, юкалам сійөн бура чужтысь мусинмөс. Асьным юам ми сола ва, вайöдам му вылö юмовöс. Сьöкыд удж миянлы сийöмаöсь, долыдлун огö аддзылöй. Чужим ми помтөм саридз пьдöсын, еджыд быгкөд öтвылысь джуджыд кыръяс дорын. Чужим шонді лэччандыр. Кымын кодзув дзирдалö сьöд енэжын көдзыд төвся вой-ясын, сымын во ветлыны кутам ми му весьтті. Олöй лöсьыда, муывьса ловья ловьяс. Юкта-лам ми тіянöс шойччөг төдлытөг юмов ваён.

Сёрни шыныс налөн зэр шы кодь вöлі, кодысь туй морт зільö дзесбьыны кобулö. Вой-ся төв ныр нөбөдіс налысь кывъяссö, висьталіс тусяпуяслы да дженьыд тушаа кызьяс-лы. Найö кывйысь-кывйö кымөръяслысь висьталөмсö васькөдісны тусяпу пөвстын узьысь Майбырлы. Шонді мыччис асьыс югыд чужөмсö, кымөръяс вөрзисны чой йылысь. Садь-мис накөд тшöтш Майбыр, мөдөдчис гортлань. Саридз морт оз кольчы öти воськов Май-бырысь, вөтчö бөрсяньыс.

Воис гортö Майбыр, висьтавлö батьлы:

– Пармаморт, кымөръясыд чужöны помтөм саридз пьдöсын, войыв джуджыд кыръяс дорын. Кутасны найö юктавны муöс сымын во, кымын кодзув енэжын төвся көдзыд войын.

Шензьö Читныв Майбыр сюсьлун вылö. Муса сылы лои Майбырыд. «Виа, шуö, верөсöс, Пармамортöс, муна Майбыр сайö. Сэки сійө оз кут öтдортны Шормортöс (Майбыр эськö некор эз көсьыв öтдортны воксö). Долыд шуда олөм сэк мем пуксяс».

Сідз мөвпаліс мудер Читныв, сөмын тай эз сы ногөн ло.

Öтчыд Майбыр пармаөд лямпаён вөтлысьö йөра бөрся. Төдтөм пöчö сувтөдіс сійөс, вашнитіс пель водзас:

– Кад нин, кад мунны тэд аслад гӧтырпу дӧнад (невеста), Майбыр. Виччысьӧ сійӧ тэнӧ сук пармаын, керӧссиян визуван шор дорын.

Майбырлӧн чуймӧмысла ньӧвйыс кисьыс уси. Кӧсйис бурджык юасьны пӧчлысь, да пӧчӧ саялі коз пуяс костӧ.

Вӧчис Ягань пи ольхаысь бандурка, Саридз морт еджыд гӧнысь путшкис струнаяссӧ, мӧдӧдчис корсьны ассьыс гӧтырпу. Воис жборган шор дорӧ, аддзис сэсь ичӧтик керка. Пырис сэтчӧ ичӧтик ӧдзӧсӧд. Сэні кӧтшасын пукалӧ ныв, вуралӧ еджыд дӧра вылӧ съӧд да гӧрд сунисьясӧн мортъясӧс, пӧткаясӧс, зверьясӧс.

Ныв эз вӧтлы сійӧс, эз вид, тшӧктӧс пуксьыны лабичӧ, шойччыны, шонтысьны ичӧт керкаын.

Пукалӧ Майбыр керкаын пызан бердын, нимкодясьӧ мича ныв вылӧ. Быд сійӧ видзӧдлӧмысь Майбырлӧн съӧлӧмыс пужыӧ. Вунӧдіс сійӧ Пармамортӧс, ассьыс Парма гортсӧ, вунӧдіс выйӧдз бур другсӧ, еджыд ошкӧс. Еджыд ош сэк кості кыйсис шор дорын. Босьтіс Майбыр киас бандуркасӧ, ӧддзис съывны съыланкывъяс: вӧрсаясӧс казьтыліс съӧлӧмӧн, налысь косясьӧмсӧ васаяскӧд; эз вунӧд еджыд ловъя ловъясӧс, еджыд лым пӧвстын олысьясӧс, бур Туриӧс; гарыштӧс парма вылысті ветлысь руд кымӧр чукӧръясӧс. Кыссьӧ, съӧлӧмад пырӧ быд кыв сійӧ съыланкывйысь.

Мича ныв пукаліс ен-ув пельӧсын, видзӧдіс Майбыр вылӧ, нора-нора бӧрдӧс. Сэсся съӧд синва пыр шуис:

– Он ӧд тэ, кыйсьысьӧй, нинӧм тӧд, съылан долыда. Регыд локтас пӧрысь мамӧй менам, сёяс тэнӧ ас кӧрт пиньяснас. Уна кыйсьысь нин сы пинь улын бырлі.

Майбыр шуис сідз:

– Мед сёяс кӧ. Олӧмсьыс важӧн ме дӧзми. Эг тӧдлы кокныдлун, эг кывлыв некодсянь мелі бур кыв. Менам кулӧмыс уналы колӧ.

Да бара ӧддзис ошкыны съӧлӧмӧн олӧм-вылӧмсӧ вӧрсаяслысь. Из вӧнь йылысь съылыштӧс, кодӧс нюжӧдӧмаӧсь муыс топыдджыка сулалӧмла войвыв саридзсянь лунвыв саридзӧдз.

Вой шӧр кад нин лои, пӧчӧ эз во. Вӧрсаяс ас орданыс кутӧсны сійӧс. Куим вой да куим лун виччысисны ёмаӧс Майбыр да ныв (нылыдлӧн мамыс ёма вӧлӧма), эз вермыны виччысьны.

Мича ныв шуис:

– Эштӧс ставыс, нига гижӧд серти лои. Тэ – менам верӧсӧй. Мунам татысь.

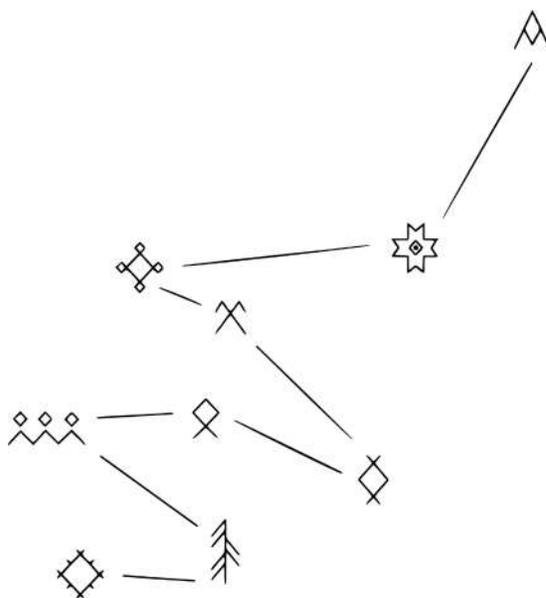
Мунӧсны кыкнаныс Пармаморт ордӧ. Майбыр висьталӧ батьлы:

– Тайӧ Ёльнылыс – менам гӧтырпуй. Лэпта ме мам гу дорӧ, пожӧм бердӧ, выль керка, вӧча ыджыд кӧлысь (пир).

Рочысь комиӧдіс Попов П. М. (Попов Павел Микол). Босьтӧма 1923 воын петӧм «Майбыр» небӧгысь. Сыктывкар. Коми нига лӧдзанін. Сы бӧрын эз на йӧзӧдлыны. Йӧзӧдӧм кежлӧ дасьтіс Н. Митюшӧва.

Мифология в современном искусстве:

Сырое и приготовленное

Пьер Броше:

«Художник должен ставить вопросы»

С июля 2020-го по октябрь 2021 года в Национальной галерее Республики Коми работал Пьер-Кристиан Броше. Известный коллекционер, ведущий телеканала «Россия-Культура», издатель и путешественник был приглашён в Коми прежде всего как знаток и прекрасный организатор выставок современного искусства. Это было смелое и, прямо скажем, неординарное решение экс-министра культуры Сергея Емельянова. Ведь специально для Пьера ввели должность президента галереи и поставили задачи: «оживить главную выставочную площадку региона, сделать её культурный рестарт». Сегодня совершенно точно можно сказать, что план Емельянова/Броше удался. Тысячи жителей Коми теперь знают, что художественные выставки могут быть не только тихими, камерными и предсказуемыми, но также шумными, фееричными и познавательными. Даже если

отбросить эмоции, оставить одни цифры – результат налицо. За эти месяцы (очень неровные в плане эпидемиологических ограничений) Национальная галерея Коми провела более 30 ярких выставочных проектов, первую Коми биеннале, почти 700 экскурсий, сотни культурно-досуговых мероприятий и 25 передвижных выставок в разных уголках республики и России. В 2020 году Национальную галерею посетили 39,7 тысяч гостей, а в 2021-м – 77,3. И это без учёта виртуальных посетителей.

Сегодня Пьер Броше – директор по развитию школы «Дизайн и программирование» НИУ «Высшая школа экономики» в Москве, но Коми остаётся в его сердце и мыслях. О том, что ему удалось в должности президента Национальной галереи РК и чем, может быть, он сумеет удивить жителей республики в будущем, мы и побеседовали с ним через Zoom.

– **Пьер, смею предположить, что самый лучший вид Сыктывкара, о котором вы скажете, это вид, который открывался с крыльца Национальной галереи, когда вы выходили покурить.**

– Это 100 процентов!

– **Чего вы ожидали от работы в Коми?**

– Новых открытий. Я человек, для которого пейзажи – это хорошо, но это не главное. Главное – это общение с людьми, из которого можно что-то почерпнуть. Страсть и удовольствие, которые я имел от общения с людьми в разных городах и сёлах Коми, – это было самым главным и интересным.

Любой региональный музей, на мой взгляд, должен иметь две функции. Одна – показывать местную коллекцию, и, если она отражает историю искусства региона, то это прекрасно. Вторая – показывать то, что происходит сейчас: в регионе, в стране, в мире.

Когда я приехал и посмотрел основную выставку Национальной галереи, мне было очень странно. Все мне рассказывали про коми искусство, а само это искусство было представлено тогда в коридоре на первом этаже. Для меня это был нонсенс! У галереи очень любопытная коллекция, которая вполне может рассказать об истории искусства в регионе на протяжении последних 400 лет. И это очень важно для местных жителей, которые понимают, что у нас есть своя мини-Третьяковка или мини-Русский музей. Но есть также интересные работы современных художников, отражающих эпоху освоения Севера в начале XX века, и, как мне показалось, этот аспект был абсолютно не представлен. Мы сделали новую выставку «Человек. Ландшафт. Миф», которая сейчас расположена в четырёх залах галереи. Нам казалось – это большой шаг вперёд.

Это была одна из первых концептуальных работ г-на Броше на посту президента Национальной галереи. Удивительно, но постоянная экспозиция сменилась здесь впервые за 27 лет! (А всего со времени основания Художественного музея в Коми в 1943-м она стала третьей постоянной экспозицией регионального изобразительного искусства). В отличие от двух предыдущих, представля-

вших имена и этапы развития художественного процесса, теперь в центре внимания выставки – образ самого Коми края, его природных ландшафтов, исторического и легендарного прошлого. В экспозицию вошли 250 произведений, многие из которых зрители увидели впервые.

– **Следующим шагом стала выставка «Тимур Новиков. Теория красоты».**

– У нас в галерее есть много картин с пейзажами, горизонтами, и мне было интересно показать эту тематику другим взглядом. Тимур дал нам такую возможность. Он был одним из культуртрегеров Петербурга, создал «новую академию», а прежде долго жил на Новой Земле. Когда мы с ним познакомились, он рассказал мне о том, что для него горизонт и ощущение Севера. Всё это он передал в своих картинах. Они очень неожиданные, это правда. Мы сделали выставку его работ параллельно с работами Национальной галереи, где люди могли увидеть пейзажи и горизонты с другой трактовкой. Это важно, потому что язык, в том числе визуальный, меняется. Он связан с разной политической и экономической ситуацией в том числе, что мы и показали через выставку.

– **Можно, я озвучу личные впечатления? Тимур Новиков мне знаком, потому что я училась в Питере, его художественный язык мне близок, потому что перекликается с музыкой и кино конца 80-х. Это была одна питерская тусовка, не случайно ведь вы пригласили на вернисаж подругу Тимура, актрису и жену Африки Куксенайте. Но потом были ещё две выставки: про цифровое искусство с применением технологий дополненной реальности и «На танцполе»...**

– Мы уже начали готовить биеннале, и я хотел чуть побольше подготовить публику к современному искусству.

– **Публику действительно надо готовить. Ваш приезд можно назвать шоковой терапией. Мне кажется, в большинстве своём наше местное сообщество не было готово к такому «авангарду». Мож-**

но сказать, мы дружно ходили в 5 класс, а эти выставки и, безусловно, сама биеннале – это уже магистратура.

– Да, есть такая проблема с современным искусством. Сергей Витальевич (Емельянов, министр культуры Коми – *прим. авт.*) прекрасно знал, что я фанат современной культуры. Когда я согласился приехать, то понимал, что Коми – это достаточно традиционный регион, здесь мало что происходит с точки зрения желания понять, чем живёт искусство России и мира сегодня. При этом ведь Коми не так далеко от Москвы... Современное искусство очень важно

для того, чтобы в наше сложное время (глобализация, загрязнение природы, пандемия) художники нашли такой визуальный подход, который позволит нам лучше понимать, что происходит. Художник – это человек, который ходит по берегу, в то время как мы все на барже. Мы плывём, а он смотрит на нас со стороны. У него всегда такой взгляд сбоку.

В традиционном искусстве мы не задаём вопрос. Мы априори понимаем, что такое пейзаж, натюрморт, религиозная картина. Вопрос в том, что дальше, после первого впечатления. Цель современного искусства не отражать красоту (для этого уже есть другие технические средства), а задать новые вопросы. Художник должен привести нас не к шоку, а к ощущению того, что образ, который он отразил, даст возможность поставить новые вопросы и попытаться искать на них ответы. Есть такая пословица: если делишь с кем-то свой хлеб, то он уменьшается, если делишься своей крышей (принимаешь кого-то под свою крышу), то крыша не меняется, а если ты делишься своей страстью – она увеличивается.

– Как рождалась концепция биеннале?

– Она была придумана ещё во время нашей первой встречи с Сергеем Витальевичем. Мы поехали в Усть-Кулом и в Керчомью, и я сказал, что удовольствие, которое я получил от этой поездки, а также от ранних своих путешествий в Усть-Цильму, Ижму, Ухту, – это и есть тема биеннале. Мы должны дать возможность художникам также приехать и получить впечатления, которые затем воплотятся в арт-объекты. Кандинский дал нам прекрасный повод назвать биеннале «Новое открытие Севера», хотя на самом деле это название придумала Марина Лошак, директор Пушкинского музея. Потом, когда я уже начал изучать коллекции галереи, оказалось, что у нас уже был похожий опыт. В 1925 году десятки живописцев и графиков разъехались по России в творческие командировки – для запечатления «величайшего момента истории в его порыве». В Коми приезжал художник Фёдор Мадоров. Он был в Сыктывкаре, путешествовал по реке Печоре, десять дней работал в селе Колва, после чего

родилось живописное полотно «Праздник 1 Мая у оседлых ненцев» (картина хранится в Национальной галерее РК – *прим. авт.*). Это была первая фиксация приезжего художника о том, что происходит в Коми. Во время биеннале нам также было важно узнать, как современные художники видят Коми, анализируют то, что здесь происходит и как они чувствуют себя в этом контексте.

– Как вы отбирали художников?

– Это был опен-колл (специальная отборочная программа для художников с целью участия в каком-либо арт-проекте – *прим. авт.*). Но опен-колл – это всегда проблема выбора, а если хочешь создать полноценную выставку, нужен определённый уровень художников. Конечно, мы могли объявить опен-колл и ждать, когда у нас будет сто кандидатур, но тогда мы бы получили кашу. Я сам звонил тем, кому, как мне казалось, будет интересно именно личное участие. Ведь мы предлагали им путешествовать, знакомиться с людьми, не все художники так хотят. Я знал, кто может согласиться, кто готов приехать и чьи работы совершенно точно будут поднимать какие-то новые вопросы. Так появилась группа 11 ведущих художников, которые приехали и не обманули наших надежд.

– Интересно, как художники работали с коми мифологией?

– Мифология зависима от художника, она была интерпретирована в разных версиях. Апполинария Брошь, к примеру, достаточно глубоко общалась с учёными ИЯЛИ Коми научного центра Игорем Васкулом и Павлом Лимеровым. Родион Китаев смотрел, как мифология существует сегодня в разных городах, в том числе в Воркуте. И, кстати, многие пришли к выводу, что мифология жителям Коми ближе, чем история 30-х годов. Так, Игорь Самолёт, например, понял, что им проще обратиться к мифологии, чем к вопросам ГУЛАГа и репрессий. Ганна Зубкова поехала в Воркуту и обнаружила, что приехала на руины советской цивилизации. Увидев несколько осколков штукатурки, вспомнила Помпеи, и для неё возникла некая параллель... Так создаётся новая мифология.

– Какова судьба экспонатов биеннале?

– По договору художники оставили по одной работе для коллекции Национальной галереи. То есть 11 работ ведущих художников России остались в Сыктывкаре. В том числе работа «Хлебный человек» – Андрея Кузькина, который, напомним, получил в прошлом году премию Василия Кандинского.

В рамках биеннале было ещё три спец-проекта. Я думал, что 11 художников это очень мало, и оказалось, что есть фонды, которые готовы профинансировать приезд других художников. Так, фонд MaxArt Foundation осуществил поддержку проекта «Коллаборация», в котором семь художников работали в тандеме с семью местными мастерами различных традиционных промыслов. Участники фонда поддержки и развития современного искусства «СФЕРА» сосредоточились на добывающем промысле, охоте, без которой невозможно представить жизнь коми человека. Французская группа «La Mediterranee» выбрала подход естествоиспытательский, сотрудничая с геологами и археологами, они создали произведения, ориентированные на местные материалы и технологии. Итого 24 лучших альтернативных художника, авангард современного искусства.

– Уезжая, вы объявили о создании нового проекта, тематически продолжающего биеннале, который будет реализован в залах Российского этнографического музея Санкт-Петербурга.

– Да, работы российских и французских художников, созданные по итогам путешествия по Коми, были показаны на выставке-трансформации «Сырое и приготовленное» в диалоге с постоянной экспозицией этнографического музея. Я очень люблю этот музей, делал там около 15 своих телепередач с разной тематикой. На этот раз мне было любопытно понять, могут ли работы, сделанные в рамках знакомства с культурой коми, иметь другое значение, если будут находиться в другом пространстве. В частности, в зале, где представлено искусство Средней Азии. Появится ли новый диалог и новые смыслы? Мы решили, что это прекрасная возможность задать такой вопрос. И подумать в целом о том, какую роль должен играть сегодня этнографический музей. Ведь есть большая прези-

дентская программа по обновлению краеведческих музеев. Вопрос в том, что показывать в таких музеях после их обновления? Выставка «Сырое и приготовленное: традиция и её актуальные формы» работала в Санкт-Петербурге с 27 ноября по 16 января. Я успел сделать программу о ней, её уже показывали на телеканале «Культура».

– Будет ли в Коми вторая биеннале?

– Честно – не знаю. Но я могу точно сказать, что теперь вся художественная тусовка Москвы знает о Республике Коми, что это не так далеко, что там есть роскошная история и есть, что посмотреть. Мы нанесли новую точку на арт-карту России. Жаль, что мне пришлось уехать из Коми, потому что многое хотелось бы ещё сделать.

– Например?

– Очень хочется создать резиденцию на постоянной основе в Ижме или Усть-Цильме. Говоря о сохранении народного наследия, мы должны понимать, что это можно сделать, либо создавая центры, такие как «Зарань», где обучают народным ремёслам, либо поддерживая народных мастеров. В Ижме есть люди, которые делают пимы, нарты, упряжки для оленеводства. Сегодня молодёжь почти не обращает на это внимания. Мне кажется, что, если туда будут приезжать студенты художественных вузов, специалисты из Москвы, то молодёжь посмотрит на то, чем занимаются их бабушки и дедушки, более внимательно. Когда ты живёшь в «одном котле», сложно понимать, чем ты отличаешься от других. Во всяком случае, до тех пор, пока не столкнёшься с человеком, который скажет: «А мы так не делаем». Мы хотим создать новый тренд: местные должны осознать свою уникальность.

В целом, в 2022 году у меня запланированы три проекта в Коми, но я буду делать их с людьми, которые мне нравятся. Возраст уже не тот, чтобы тратить время на лишнее...

P. S.

14 октября 2021 года Пьер-Кристиан Броше сообщил в своём Instagram, что больше не является президентом Национальной галереи региона. «Дорогие коллеги, сегодня я покидаю Республику Коми, которая успела стать мне вторым домом, и оставляю свой пост в Национальной галерее. Для меня было честью работать с вами! Три проведённые выставки, биеннале, преобразования в облике галереи и, как я считаю, повышение её статуса – это наша общая заслуга. Я благодарен вам за доверие, смелость. Никогда не останавливайтесь в стремлении к преобразованиям и открытию нового. Спасибо всем и каждому!»

Подготовила Елена Шелест.

Елена
ШЕЛЕСТ

Елена Борисовна Шелест родилась в 1965 году в Воркуте. Училась на филологическом факультете Сыктывкарского университета, затем перевелась на факультет журналистики в Ленинградский университет. Работала корреспондентом в газетах «Вечерний Сыктывкар» и «Молодёжь Севера», сотрудником пресс-службы Главы Коми (с 2003 по 2011 гг.), спецкором газеты «НЭП» (Ухта), редактором газет «Комсомольская правда-Коми» и «Красное знамя». Член Союза журналистов России. Живёт в Сыктывкаре.

Дойдёт ли «Вторая волна» до Коми?

В ноябре прошлого года в Екатеринбурге состоялась международная научно-практическая конференция «Вторая волна русского авангарда: региональные версии». В ней приняли участие искусствовед, заведующая отделом музейно-исследовательской работы Национальной галереи Республики Коми Ольга Орлова и журналист Елена Шелест, которая делится сегодня своим мнением о поездке.

Вторая волна – не «секонд хенд»

Впервые мне довелось побывать в Екатеринбурге в 1997 году, когда Глава Коми Юрий Спиридонов прилетал к губернатору Свердловской области Эдуарду Росселю подписывать соглашение о сотрудничестве. С Росселем они были знакомы со студенческой скамьи, вместе учились в Свердловском горном институте. Правда, на разных факультетах, но играли в одной волейбольной команде, и супруга Юрия Алексеевича Галина Медуха была одногруппницей Росселя. Понятно, что визит был хотя и официальный, но очень тёплый и дружественный. В резиденции губернатора гостям из Коми, помню, показали тогда всё, чем гордились. В том числе музей с древними иконами края и суперсовременный по тем временам ситуационный центр, который Россель отрывал одним из первых среди руководителей субъектов Федерации. Он мечтал создать Уральскую республику... Но это другая история.

Итак, я вновь в Екатеринбурге. Теперь исключительно по своему желанию. Очень хотелось увидеть, как изменился город, запавший в душу почти четверть века назад, и заодно узнать, что такое «вторая волна авангарда». По простоте своей я и не знала, что «первая» уже закончилась...

Конференцию организовала кафедра истории искусств и музееведения Уральского федерального университета, который теперь носит имя первого Президента России Бориса Ельцина. Актуальность темы, как было заявлено в приглашении, связана с необходимостью формирования

Участники конференции

современного взгляда на устоявшиеся явления отечественного искусства второй половины XX века, анализом основных тенденций его развития, выявления новых имён и включения исследований российского художественного авангарда «второй волны» в международный и общероссийский культурный контекст».

Напомню даты первой волны русского авангарда – 1914–1922 годы. Его наиболее яркие представители – Василий Кандинский, Казимир Малевич, Владимир Татлин, Павел Филонов, Михаил Матюшин...

Термин «Второй русский авангард» ввёл в обиход московский художник и теоретик искусства Михаил Гробман. С 1971 года он живёт в Израиле, там же сформулировал и обосновал идеологию движения и собрал большую коллекцию произведений художников этого круга. Интересно, что поначалу многие «сопротивлялись» термину, как на Западе, так и в России. Причём особенно в России, потому что английское слово «second» в сознании россиян прочно ассоциируется с понятием «секонд хенд», буквально «вторые руки», то есть нечто «вторичное». Тем не менее термин прижился и с 90-х годов стал общепринятым.

Как движение второй русский авангард, по мнению М. Гробмана, родилось в 1957 году. Толчком стали Московский международный Фестиваль молодёжи и студентов и выставка импрессионистов в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, которая «отразила почти все художественные тенденции, существовавшие в тот период на Западе». За год до этого (в 1956-м) в Москву впервые привезли также выставку Пабло Пикассо, и всё это вместе – начинающаяся оттепель, новая художественная среда и новые надежды – дало свои результаты. На подготовленной почве взошли новые имена: Эрик Булатов, Илья Кабаков, Дмитрий Краснопевцев, Эрнст Неизвестный, Оскар Рабин...

Второй русский авангард существовал 30 лет и закончился вместе с советской властью. Гробман выделяет три периода: «героический» (1957–1971), «концептуально-рефлексивный» (1970–1980) и «интеллектуально-игровой» (1980–1987). Подробнее о периодах, чем и кем он был представлен, конечно, лучше почитать у самого М. Гробмана, поэтому мы не будем углубляться в теорию. Пойдём дальше. Отметим только, что впервые в российской

Михаил Шишин

практике вопросы авангардных направлений в советском изобразительном искусстве обсуждались на научной конференции в 1990 году, причём не где-нибудь, а опять же в Уральском государственном университете.

Конференция, на которой нам с Ольгой Орловой удалось побывать, объединила в реальном и виртуальном пространстве более 60 исследователей из разных городов России, включая таких мэтров искусствоведческой элиты, как Светлана Грачёва (декан факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина), Наталья Толстая (директор НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ), Михаил Шишин (профессор Алтайского государственного университета, заместитель председателя Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока РАХ), Сергей Лазарев (коллекционер и меценат, координатор Общественного объединения «Пространство второго авангарда» (г. Екатеринбург).

Интерес, который вызвала конференция, её сопредседатель, доцент кафедры истории искусств и музееведения УрФУ Тамара Галеева объяснила тем, что неофициальное искусство, вопреки расхожему мнению, существовало не только в Москве и Питере, но и в регионах, и в частности на Урале. «Нам было важно собрать лучших

представителей российской искусствоведческой школы, чтобы построить мосты взаимодействия, дать возможность музейщикам регионов высказаться, предложить свои терминологические версии явления «второго авангарда», – отметила она.

Ещё одной целью конференции было познакомиться с неизвестными представителями отечественного андеграунда, как правило, незаслуженно обойдёнными вниманием в советские годы из-за их «формализма» и «несходства» с официальной версией искусства. О творчестве одного такого художника рассказала Ольга Орлова в докладе «Художественные реконструкции» Анатолия Пунегова».

«Цветовой символизм»

Анатолий Васильевич Пунегов родился в Сыктывкаре в 1959 году. Учился в Сыктывкарском училище искусств и в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой на факультете промышленного искусства. По окончании учёбы (в 1987-м) вернулся в Коми, занимался дизайном, проектированием малых форм, писал картины для офисов. Именно он разрабатывал концепции пространства музея олимпийской чемпионки Раисы Сметаниной и реконструкции здания Национальной галереи Республики Коми. Совместно с Сергеем Михайловым является автором дизайна государственных символов на зданиях Госсовета и Администрации Главы Республики Коми.

За 30 с лишним лет творческой деятельности сделано немало, но для широкой публики его имя всё равно оставалось «в тени». Пунегов непубличный человек, и персональных выставок, по сути, у него было две: в 1993-м совместно с женой Людмилой и спустя 27 лет – весной 2020 года. Для многих посетителей галереи она стала по существу открытием Пунегова-живописца.

«Особенность «природы творчества» художника в создании своего пространства. Анатолий Пунегов синтезировал прожитые впечатления в изобразительные формы, помогающие реконструировать действительность, придать ей статус особого духовного пространства, – считает О. Орлова. – В начале своего творческого пути он работал в реалистической манере, создавая небольшие камерные портреты, позже, познавая мир и усложняя решения, художник вышел на знаковую живопись с цветовым символизмом и философским уровнем обобщения...»

Живопись для Пунегова – это, в первую очередь, цвет, а потом всё остальное. Цвет понимается им как духовный дар, преобразующий земное. Художник говорит, что ему в свои работы «всё время хочется добавить цвета: красного или чёрного»... Во многих работах он применяет аллегорический язык. Яркий пример тому картина «Скорбящий ангел»: на фоне серо-голубого пейзажа – профильная фигура ангела в движении-преодолении, с крылами-парусами, ритмически встроенными в небесный свод – образ-символ...»

«Он постоянно в поиске, развивается, прислушиваясь к внутреннему голосу, не идя против своей человеческой и профессиональной совести. Творчество Анатолия Пунегова требует глубокого аналитического осмысления», – заключает О. Орлова.

Отмечу, что доклад был хорошо принят коллегами-музейщиками. А главное, вместе с другими (такими как «Маргинальные художники Свердловска-Екатеринбурга 1970–1990-х гг.»; «Живопись республик Центральной Азии в поисках обновления художественного языка (1960-е гг.)»; «Проблема художественного образа в живописи Казахстана периода независимости (1990–2020)»; «Можно, но нельзя»: архитектура советского модернизма 1980-х в поисках нового художественного языка»; «Неофициальное искусство Саратова: особенности формирования и развития»; «Неоавангард» в творчестве башкирских художников XX века») войдёт в монографию, которую решено издать по итогам конференции. Жаль, что в этой монографии Анатолий Пунегов будет представлять Коми в единственном числе, но и сказать, что наши художники «в списках не значатся», теперь нельзя.

Уральское измерение

В рамках культурной программы участники конференции посетили несколько интереснейших выставок, открытых в музеях и выставочных залах Екатеринбурга, которых в городе, к слову, огромное количество. Так, в арт-галерее Ельцин-центра в это время проходила выставка «Мир как беспредметность. Рождение нового искусства», в Музее изобразительных искусств – выставка «Заря гражданственности новой». В частных галереях «Синара» и «Антонов» состоялось знакомство с работами современных уральских живописцев, графиков и скульпторов.

Вновь удалось побывать и в резиденции губернатора. Специально к началу работы конференции здесь было приурочено открытие выставки «Второй русский авангард: уральское измерение». Все 16 картин лучших художников края (Алексея Константинова, Германа Метелёва, Сергея Григорьева, Виктора Гардта, Юрия Филоненко, Владимира Чурсина) нынче хранятся в частных коллекциях и были собраны в единую экспозицию, как часть Всероссийского проекта, посвящённого «второй волне».

Лично меня «зацепила» картина Германа Метелёва «Чаепитие». Поначалу я отметила лишь цвет, но, не задерживаясь, пошла дальше. Затем вернулась, взгляделась и... вдруг увидела! Так это же Троица. «Ну, да, – подтвердили мне специалисты, – это второе название картины». Именно с «Чаепития», как мне показалось, «авангард» стал мне намного ближе и понятнее...

Германа Метелёва местные искусствоведы называют «Свердловским Микеланджело». На выставке были представлены две работы мастера – «квинтэссенция его жизненной позиции».

«У него был достаточно жёсткий душевный диссонанс между его жизнью и его

Сергей Григорьев

ощущением жизни. Жил он вполне хорошо, всё у нас было прекрасно: ни с деньгами, ни с заказами проблем не было. Но ему всё время чего-то не хватало, не устраивало», – поделилась на вернисаже дочь художника Анна Метелёва.

«Я рад, что резиденция губернатора стала одним из таких мест, которое на всю Россию подаёт наши достижения. Это направление, этот культурный пласт по существу не был описан, он был неофициальным. Сейчас, спустя достаточно большое время, нам просто жизненно необходимо ввести его в культурный и научный оборот. Это наша традиция, наша основа», – заявил на открытии координатор общественного движения «Пространство второго авангарда» Сергей Лазарев.

Нематериальные мосты

Четыре дня в Екатеринбурге пролетели в обсуждениях, созерцании, поисках смыслов, новых знакомствах... При этом и я, и Ольга всё время помнили о Коми. В резиденции губернатора, глядя на картину Геннадия Горелова с терриконами (похоже ведь на Воркуту?), мы разговорились с уральским дизайнером Валерием Семёновым. Оказалось, что он бывал в Воркуте, знаком с нашим худож-

ником Вениамином Смирновым. Правда, застал его не в лучший период. В. Смирнов жил тогда один, переживал бытовые трудности... Валерий Борисович не знал о печальной кончине товарища из Заполярья... Библиотеке Ельцин-центра Ольга Орлова передала в дар привезённый из Сыктывкара двухтомник Николая Герасимова, поэта, геолога, экс-министра промышленности Коми, современника и участника многих экономических и политических событий конца XX века – начала нулевых. В Екатеринбурге у Николая Николаевича было много друзей, его здесь помнят.

В аэропорту Кольцово я думала о том, что у Коми и Свердловской области все-

го 35 км общей границы. Это немного. Но ведь есть другие мосты и связи, которые гораздо прочнее материальных...

Как сообщили организаторы уральской конференции, первый этап масштабного проекта по описанию и представлению второй волны русского авангарда завершён. Продолжение ожидается уже в этом году в Иркутске и Владивостоке, а завершение – в Санкт-Петербурге. Не исключено, что какая-то часть проекта (выставка, симпозиум) пройдёт и в Коми. Сейчас это обсуждается, в том числе с Росселем. К слову, у нас сегодня много молодых, очень талантливых живописцев и дизайнеров. Так, может, в Коми уже зреет «третья» волна? Не проспать бы.

Эльвира
КОЛЧЕВА

Эльвира Мазитовна Колчева – кандидат искусствоведения, доцент Казанского государственного института культуры. Родилась 7 июня 1962 года. По окончании исторического факультета Казанского государственного университета в 1984 году начала трудовую деятельность старшей пионервожатой, учителем истории и МХК в школах Казани, а затем Йошкар-Олы. Впоследствии 20 лет проработала в Марийском государственном университете преподавателем истории и теории искусства. В 2005 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Этнофутуризм в марийском изобразительном искусстве» при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва. Является автором монографий «Этнофутуризм как явление культуры» (2008), «Реки Вселенной: неомифологизм в творчестве марийских художников» (2010), а также автором около 90 научных статей.

Искусство этнофутуризма – «магически-охранительный» голос художника

“Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путём высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь.

К. Г. Юнг.

Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству. 1922 г.

Этнофутуризм имеет уже 30-летнюю историю, его искусство сложилось в основных темах и формах. Хотя невозможно чётко очертить его стилистические границы, тем не менее, можно попытаться выявить его содержательную сущность.

Этнофутуризм – многогранное явление современной культуры, это далеко не только художественный феномен, как часто его представляют. О нём необходимо прежде всего говорить как об этнокультурном движении, возникшем в финно-угорском мире в конце 1980-х годов, в которое к настоящему времени оказались вовлечены и народы других языковых групп, например, тюркоязычные татары и чуваша. Это движение поставило зафиксированную в его названии идею и цель: поиск путей выживания этносов, так называемых «малых» народов в условиях глобализации и угрозы ассимиляции, поиск перспектив их устойчивого развития. Был сформулирован собственный конструктивный подход к выполнению этой задачи, обусловивший в том числе лицо искусства. Творческий метод этнофутуризма оказался близок аналогичным течениям и идеям в других уголках мира. Предложенное этнофутуризмом «творческое соединение древнего финно-угорского образа мышления с новейши-

ми возможностями информационного общества» *выступает чётко сформулированным частным вариантом общего творческого метода, возникшего в рамках этнонациональных культуросохранительных практик, апеллирующих к собственной этнической ментальности через призму достижений современности.*

Как этнокультурное движение этнофутуризм прошёл уже ряд этапов в своём становлении: от начального периода локальных процессов в республиках СССР до его консолидации на основе финно-угорских народов на 1-й этнофутуристической конференции 1994 года в Тарту, посвящённой 5-летию общества Костаби (Эстония), когда был принят Манифест движения, провозгласивший цели и творческий подход к их достижению. Затем на следующем этапе своего развития, со второй половины 1990-х годов, лидерство перешло к удмуртским деятелям культуры и искусства. Фестивали стали основной формой коммуникации внутри движения. Двигателем его выступила неформальная творческая группа «Одомаа» («Родная земля»), основное ядро которой составили Сергей Орлов, Вячеслав Михайлов, Зоя Лебедева, Юрий Лобанов (Юри Кучыран). На этом этапе *движение перешагнуло рамки одной языковой общности.* К этнофутуризму в начале 2000-х годов примкнула группа чувашских и татарских художников «Тамга» (лидер – Хамза Шарипов).

Третий этап, современный, можно отслеживать примерно с середины первого десятилетия XXI века до настоящего времени. Краеугольным камнем нынешнего этапа необходимо считать дихотомию «*этнофутуризм – массовая культура*» ввиду появления многообразных форм деятельности, в том числе и художественных. Термин «этнофутуризм» стал самостоятельным, им стали маркироваться явления, уже не обязательно связанные с движением (фестиваль «Живая вода» 2002 года; творчество дизайнера Дарьи Разумихиной, Москва; «мерянский» этнофутуризм Андрея Малышева и др.). В Удмуртии появились тезисы о «смерти» этнофутуризма и понятие постэтнофутуризма. Произошла реорганизация движения.

Группа под руководством Юрия Лобанова с 2007 года занялась новым мега-проектом «Этнофутуристический симпозиум» «Сэр но тур» («Искусство света»). Костяк движения составили члены общественной организации «Творческое объединение «Ижкар» (Удмуртская Республика), творческой группы «Тамга» (Республика Татарстан) и объединения «Чингисхан» (Республика Башкортостан) (проект «Хабар»), а также представители Финляндии, Марий Эл, Мордовии.

Новый проект привнёс и новую концепцию в деятельность этнофутуристов, задал кардинально иной вектор движению, направленный «вглубь», а не «вширь». Строго говоря, именно эти ориентиры и разделили парадигмально участников движения. Отошедшая часть видела задачу в необходимости расширения, массовизации этнофутуризма, его выходе на признанные популярные площадки. Новая же концепция предполагала не фестиваль и праздничный концерт для постороннего зрителя, а своего рода творческую лабораторию для художников, музыкантов, актёров-перформансмейкеров (перформансистов), погружение в аутентичный мир удмуртской сельской жизни (обычно две недели). Новая программа, с одной стороны, ставила теперь перед участниками сугубо творческие цели: переход от сочинительства к творчеству, которое мыслится как «особый инструмент, через который работает запредельное», как «сакральное искусство света, обладающее позитивной и чистой энергией». Оно ведёт к созданию «новых конструктивных архетипов и трансгрессоров на основе мифопоэтики». Понятие трансгрессора как указание на «подлинное» было противопоставлено постмодернистскому концепту симулякра.

Эта форма взаимодействия была определена термином «*симпозиум*». Ежегодно «де-

ревенский» симпозиум проводится в каком-либо новом районе Удмуртской Республики, во время его работы происходит тесное соприкосновение с местным населением через совместные художественные акции, мастер-классы, неформальное общение. Итогом становится заключительная выставка произведений, часть которых передаётся в дар жителям села, и в различных сёлах Удмуртии появляются собственные этнофутуристические художественные коллекции. В беседе с автором статьи Юрий Кучыран так говорил об этой форме деятельности: «Любовь держит в руках основу удмуртского этнофутуризма. Люди в деревне чувствуют подсознательно, что мы не делаем деньги на этнофутуризме, что мы художники-общественники. Мы пришли к ним с открытыми сердцами. Они отвечают тем же. И получается праздник души!»

Здесь уместно вспомнить, что в Эстонии на заре этнофутуризма интеллигенция ездила в деревню учиться у народа традиционной культуре (общество Костаби), и вот теперь имеет место «хождение в народ» с «обратной» целью: приобщать народ к его профессиональной культуре, оставляя в дар сёлам свои произведения как задел для дальнейшей работы в заданном направлении. На наш взгляд, это чрезвычайно показательно для эволюции движения этнофутуризма в целом. Конечно, можно говорить, что эстонская и удмуртская культуры имеют каждая свою специфику, отсюда и различный вектор «хождений». Это, безусловно, так, но в обоих случаях это разные пути *процесса интеграции культуры как этнонационального феномена*.

С 2013 года к симпозиумам добавился ежегодный Международный этнофутуристический фестиваль перформанса и видеоарта, организовываемый по такому же «деревенскому» принципу творческой группой «Эмноюмно», «Божественный эликсир» (Юрий Лобанов и Александр Пушкин (Жон-Жон Сандыр)). И в январе 2022 года уже состоялся юбилейный 10-й в с. Н. Асаново (Алнашский район УР).

Подобная переориентация вектора движения неслучайна, она – логическое продолжение развития творческого метода, который в поисках этнических начал обнаруживает его архаический пласт. Мобилизация этничности в культуре призвана укреплять идентичность самого глубокого уровня – мифологического, иррационального и безусловного по своей природе. Это актуализация мифа как древнейшего типа мышления, синкретичного и эмоционального, скрытого под слоем мнимой рациональности. Сам характер проблемы вызывает к жизни мифологию, поскольку миф – это коллективный духовный опыт народа, его бессознательное творчество, которое указывает путь к гармонии, к поддержанию равновесия в мире.

Этнофутуризм обнаруживает чётко выраженную мифотворческую ориентированность. Он вписывается в глобальную культурную тенденцию, связанную с реактуализацией мифа, ставшую одним из главных трендов культурной ментальности XX века. Неомифологическое сознание появилось уже в XIX веке, в романах Ф. Достоевского и в операх позднего Р. Вагнера, расцвело в творчестве Дж. Джойса, М. Булгакова, Г. Г. Маркеса и многих других авторов следующего века. Оно проникло в философию, эстетику, явилось миру в лице так называемого неклассического искусства. Его отличительной чертой стало не просто обращение к мифам и легендам, дошедшим до нас из седой старины, и их иллюстрация, а создание новых, часто по мотивам старых мифологем и архетипов, творчество по законам мифологической логики и мировосприятия. В конце XX века неомифологизм оказался тесно связанным с процессами этнокультурной рефлексии, обращением народов мира к своим культурным корням.

Художественная практика этнофутуризма показывает сегодня разные подходы к использованию этничности. Там, где она связана с ныне живущими этносами, как в Удмур-

тии, творчество этнофутуристов *становится механизмом решения реальных проблем, одной из практик выживания культуры народа с помощью искусства. И это самая суть этнофутуристического движения.* В то же время имеют место фантазийные художественные практики на основе обращения к исчезнувшим этнокультурам, например, в деятельности и творчестве Пермской общественной организации «КАМБА» под руководством Натальи Шостиной, отметим её постановки «Мистерия чуди», «Мимикрия» и другие проекты. Активно проявляют себя «мерянские» этнофутуристы во главе с Андреем Малышевым, группа энтузиастов реконструкции культуры финно-угорского народа меря, стремящиеся к выявлению финно-угорских истоков русской культуры. Эти формы, скорее, обогащают и укрепляют мифологическую базу региональной и российской идентичности в целом, связаны с брендингом регионов и т. п.

Искусство этнофутуризма представлено сегодня всеми видами искусства. Особо продуктивными в нём оказываются *игровые виды*, такие как *перформанс* и *видеоарт*, в которых актуализируется древнее синкретическое начало, т. е. собственно черты мифологического типа мышления: тенденция к стиранию границы между условностью и реальностью, искусством и ритуалом, выход за пределы пространственно-временного профанного измерения.

С этой точки зрения искусство этнофутуризма представляется как своеобразная концентрическая сфера. Её ядро составляют высоко мифогенные произведения, наиболее труднопознаваемые широкой аудиторией в силу значительной степени, выражаясь термином Б. Шкловского, их остранённости (странности), обладающие специфическим эмоциональным посылом, кото-

Сергей Орлов. Я и идол.

Юрий Лисовский. *Стояли мы под крыльями деревьев.*

рый может вызывать у неподготовленной публики даже иррациональное отторжение из-за тонкой настройки на подсознание, сметающей культурные стереотипы суггестией. Отсюда особенный потенциал перформанса и близких к нему форм творчества, которыми активно занимаются группа «Эмноюмно», Сергей Орлов, Валерий Савин (Удмуртия), Ленар Ахметов (Татарстан). Вокруг этого ядра представим мощный слой произведений изобразительного искусства, которые отличает не только мифотворческое напряжение, но и высокие художественные качества. Их авторство представлено такими именами, как Сергей Орлов (Удмуртия), Измаил Ефимов и Юрий Таныгин (Марий Эл), Юрий Лисовский и Павел Микушев (Коми Республика), Юрий Дырин, Андрей Алёшкин (Мордовия) и многие другие. На внешнем пограничье «этнофутуристической сферы» обнаруживаются произведения, которые во многом продолжают традиции *позднесоветского национального неоромантизма*. Им свойственна иллюстративность, фантазии на тему исторического прошлого своего народа. Это *нарративное искусство* вне зависимости от стилистических форм. В творческой биографии одного и того же мастера можно найти произведения различной степени мифогенности и иллюстративности, архетипической глубины и повествовательности.

Необходимо отметить, что неомифологизм породил множество способов художественного высказывания. В Марий Эл, к примеру, художник Иван Ямбердов выполняет фактически этнофутуристическую роль по сути, но не является таковым по форме. Он идёт через традиции академизма и реализма к символизму. Этнофутуризм, будучи неомифологическим творчеством по существу, всё-таки исходно стремится говорить языком условных

знаков. Важно помнить, что этнофутуризм настроен на выражение глубинных смыслов, закреплённых в архетипах этнокультуры, а не на отражение окружающей действительности. Тематическим материалом, способным выразить этнические истины, оказывается архаика или детство, этапы человеческого развития, первый из которых филогенетически и другой онтогенетически свободны от чувства физического времени. Эти две тенденции формируют два основных способа высказывания. Один возникает из личного опыта в области традиционной культуры и пересекается с поэтизацией детства, протекавшего в этом укладе. Это путь художника, идущего *от символизации лично пережитого, или более широко – путь, идущий от индивидуального (даже когда художник отходит непосредственно от своих воспоминаний) как такового к общинному, родовому*. Другой путь – фантазирование на материале *архаики, опора на сферы коллективные, как сознательного, так и бессознательного, и от них уже приближение к индивидуальному и личностному*.

Произведения на основе воспоминаний детства – путь мистификации личных переживаний детства, идеализации деревенского образа жизни, наивизма. Пластические решения в этом случае могут быть от обобщённо-реалистических форм до условных и примитивных, живописные приёмы нацелены на задачу изображения «сна», отсюда – либо сумеречный, либо блёклый колорит, или же – специфические изобразительные приёмы типа «потёртости от времени» и т. п.

Фантастический язык знаков, мир древних символов, основанный на финно-угорской мифологии (тюркской и т. д.), наскальные росписи, украшения, вышивка представляют собою исходные сакральные паттерны второго способа репрезентации. Основные приёмы – стилизация и цитирование в современных формах образов пермского звериного и орнаментальных стилей, аллюзия, когда исконное этническое видение узнаётся вне прямых указаний на традиционные формы. В живописи имеет место понимание цвета в духе народного искусства, колорит декоративен. Именно этот второй путь ассоциируется у большинства зрителей собственно с этнофутуризмом, и, пожалуй, в этнофутуризме чаще всего используется художниками.

Эти два способа этнохудожественной рефлексии взаимодополняют друг друга и зачастую пересекаются в творчестве этнофутуристов, а в перформансах и видеоарте предстают ещё в более тесном синтезе. Более того, синтез личностного и национального проklamирован в Манифесте удмуртского этнофутуризма.

Этнофутуристическая роль художника состоит в извлечении из забвения значимого первообраза, архетипа культуры, новом осмыслении, восстановлении его ценностной, консолидирующей природы, насыщении адекватным современности содержанием, придании привлекательных форм и вида, а уж «обратную дорогу» в коллективный духовный опыт народа тот найдёт сам. Хотя нельзя не отметить, что этому призваны способствовать художественные институции национальной культуры: критика, галереи, СМИ и т. д. Сегодня продвижение этнофутуризма в международном культурном пространстве – весьма актуальная задача.

Широкая экологическая ориентированность современной культуры соответствует задачам этнофутуризма. Декоративно-прикладные виды искусства и дизайн отвечают на этот запрос социума. В 1996 году эстонская писательница Пирет Вийрес сформулировала творческий метод этнофутуризма собственно в искусстве: «Этнофутуризм – это мировоззрение и творческий метод, соединяющий архаическое, первобытное этническое содержание, присущее лишь данному народу, с современной формой или же архаическую форму с современным содержанием». Этот подход широко реализуется в поиске новых материалов, реконструкции старых технологий, синтезе новых пластических форм. От

простой сувенирной и декоративной продукции их отличает не только штучность и рукотворность, но наделение мифологическими функциями, в них привносится магический компонент. Вообще, необходимо признать, что в пространстве этих видов творчества происходит тесное переплетение неомифологических устремлений массовой культуры и собственно этнофутуризма, так что трудно зачастую сформулировать чёткие критерии рассматриваемого явления, остаётся только констатировать факт многообразия и популярности «этнического стиля» в дизайне текстиля, одежды, украшений, посуды и т. п.

Вопрос о том, что такое этнофутуризм в музыке, ставила в своё время удмуртский этномузыковед Марина Ходырева. Следуя принципу, который сформулировала П. Вийрес, наверное, можно утверждать, что музыкальный этнофутуризм совпадает с понятиями этнической музыки, world music, во всём жанровом богатстве её выражения, могут быть представлены, с одной стороны, аутентикой (например, ансамбль «Торама», Мордовия), с другой стороны, фолк-роком и близкими к нему жанрами в молодёжной музыке («Морденс», Мордовия; «У ен», Марий Эл и др.). Радикальными экспериментами отличается Финно-угорский шаманский оркестр «УМПУ», в «тур по непознанному миру этносталкинга» отправляются участники ежегодных симпозиумов, основу оркестра составляют Юрий Кучыран, Жон-Жон Сандыр (Александр Пушкин), финский музыкант Отто Эскелинени и др.

Подводя итог обзорному взгляду на этнофутуризм, зададимся вопросом: достигает ли своих целей этнофутуризм. Погрузившись в динамический мир его художественного творчества, многообразие созданных им произведений и форм, эмоциональных переживаний и ощущений, нарративов и мифологем, необходимо ответить, безусловно, положительно. Этнофутуризм сегодня не единственная форма профессионального национального искусства, академические традиции по-прежнему питают его, но этнофутуризм, оказавшись движением «изнутри», из самого народа, определяет его самобытное лицо и уникальность его художественных форм, создавая тем самым своим этносам актуальное основание для желанного «футу».

Дмитрий Несанелис:

МИФОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ИГРЫ

“ Это интервью с этнографом Дмитрием Александровичем Несанелисом было записано мной в далёком 1993 году для радио «Коми гор». Несмотря на сложное время, мы были так увлечены этнографией, что, кажется, не очень вглядывались в происходящее вокруг нас. Мы открывали мир народной культуры с его мифологией, с его сложными символическими связями. Помнится, Н. Д. Конаков, руководитель отдела этнографии, всегда подчёркивал, что мы не просто должны описывать этнографические факты, но и интерпретировать их, искать в них скрытые смыслы. Именно в этом, – повторял он, – задача этнографии как науки. Д. А. Несанелис к 1993 году был автором книги «Раскачаем мы ходкую качель» и ряда статей, посвящённых мифологии детской игры. Великолепно образованный, Дмитрий Александрович находил параллели между коми детскими играми и детскими играми американского племени бороро, часто цитировал любимых им К. Леви-Стросса или Ю. М. Лотмана, а о символике какого-нибудь этнографического факта мог рассуждать, что называется, даже стоя на голове. Это, разумеется, шутка. Но разговоры о символизме народной культуры, о мифологии в то время мы вели часто. Возможно, некоторые реалии начала 90-х годов, появившиеся в тогдашней жизни, сегодня уже кажутся не такими злободневными, но в целом наша беседа с Д. А. Несанелисом и сегодня выглядит актуально.

Павел Лимеров

*Д. А. Несанелис.
(1960–2016).*

– В последние годы заметно усилился интерес к культуре Запада. Это и массовая культура, которая буквально наводнила книжные прилавки и экраны телевизоров. Это и финансовая сфера. И как это ни парадоксально, именно в последние годы усиливается интерес к народной культуре. Стало даже модным в некоторой степени щегольнуть словеч-

ком с приставкой -этно: этноэкология, этнопсихология, этнопедагогика. А чем Вы можете объяснить то, что в наше прагматичное время люди как бы обращаются к корням, к культуре деревни?

– Я хотел бы сказать, что параллельное обострение интереса к западной культуре и к народной культуре, вероятно, обосновано и неслучайно. Тем самым задаётся

набор возможностей или ориентиров. И в какой-то мере это способствует культурной рефлексии. Можно не сомневаться в том, что за последние годы обозначилось заметное повышение интереса к народной культуре, к обычаям, традициям, к этикету и в том числе обозначилось повышение интереса к такой сфере народной культуры, как педагогика или народная система воспитания. Вероятно, нетрудно заметить, что в рассуждениях об этнопедагогике проскальзывают ностальгические и романтические нотки. Считается, что система народной педагогики обладала набором преимуществ, некоторой большей естественностью по сравнению с современными способами воспитания и социализации. В связи с этим мне хотелось бы привести цитату из книги нашего замечательного земляка Питирима Сорокина. Так вот, в своём автобиографическом романе «Долгий путь» он писал: «Несмотря на различные чувства, испытываемые друг к другу, девочки и мальчики в каждом селе дружили и общались все вместе ватагой. Среди них, как и вообще среди жителей села, не было ни одиноких толп, ни одиноких душ. Летом всей ватагой мы ходили купаться, ловить рыбу, играли в мяч или в «городки», отправлялись в походы за ягодами в лес, косили сено и собирали урожай, делали набеги на соседские грядки с репой. Зимой бегали на лыжах, катались на коньках и санках, вечерами пели, рассказывали друг другу разные истории на крестьянских посиделках». Вот в этом процитированном отрывке, пожалуй, ключевой фразой является утверждение о том, что в рамках деревенского сообщества не было «одиноких душ». И, конечно, это пример, достойный и изучения, и в какой-то

Д. А. Несанелис беседует с Н. Д. Коначковым, заведующим отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

степени подражания. В плане психологического комфорта традиционное общество выглядит более привлекательным, чем современное. Мы знаем, что проблема одиночества, изолированности стоит достаточно остро и перед детьми, и перед взрослыми. Я думаю, что как раз очевидный психологический комфорт, свойственный традиционной культуре, и определяет наш повышенный интерес.

– В некоторых школах введена должность «этнопедагог». Если буквально перевести – это «народный педагог». Насколько обоснована такая фигура в системе народного образования?

– Мне хотелось бы начать рассуждение, может быть, с несколько неожиданного пункта. В замечательной книге «Печальные тропики» известного французского этнолога и философа Клода Леви Стросса есть одно очень примечательное рассуждение. Леви Стросс пишет о судьбе племени бороро. Так вот, это племя индейцев, живущее в Бразилии. Когда к племени бороро пришли христианские миссионеры, они выселили бороро из их традиционного поселения, отличавшегося круговой формой, в поселения европейского типа с прямо-

угольной планировкой. И вот оказалось, что круговая форма поселения с мужским домом в центре во многом обеспечивала функционирование социальных, в том числе и семейно-брачных связей, она была взаимосвязана с традиционной мифологией и вообще всем укладом жизни бороро. Когда они утратили естественную, выработанную ими форму поселения и оказались в совершенно новом положении, в этом европейском прямоугольном поселении, построенном миссионерами, то выяснилось, что достаточно скоро и обычные семейно-брачные и социальные связи стали разрушаться. Утрачивалась и традиционная мифология, и сам образ жизни. Одним словом, ликвидация одного из ключевых звеньев образа жизни, а именно типа поселения, привела к деградации остальных её сфер. Я думаю, что этот пример в типологическом отношении распространяется на анализ традиционной культуры вообще и коми в частности. Дело в том, что, когда мы говорим о народной педагогике, мы должны себе отдавать отчёт, что система воспитания ребёнка в культуре была органична для определённого типа культуры. А она была тесно взаимосвязана и с теми хозяйственными занятиями, которые имели место быть, и с календарной обрядностью, и с ролью православной церкви в жизни сельского коллектива. И вот все эти сферы народной культуры были взаимообусловлены и взаимопроницаемы. Так вот, в рамках такого типа культуры выглядело естественным и то, что мы сейчас называем народной педагогикой. Когда же мы пытаемся ввести должность этнопедагога в современных школах, то, конечно, должны отдавать себе отчёт в том, что возможности его очень ограничены. Этнопедагог, конечно, может рассказать детям о фольклоре, о каких-то забытых народных играх, об обычаях. Но один человек в современных условиях, сколь бы талантливым он ни был, просто не может приобщить детей к тому миропониманию, к тому образу жизни, к

манере поведения, характерной для детей 100 лет назад. Это просто невозможно, потому что мы живём в совершенно изменившемся мире с другими ориентирами, с другими критериями, и, наверное, сам человек, занимающий должность этнопедагога, и руководство школ, которое ввело эту должность у себя, конечно, должны это понимать. Если они не понимают этого, то, наверное, их скромные усилия тем более обречены на неудачу.

– То есть фигура этнопедагога в современной школе – это как бы хвост от дружкой кошки. Это фигура скорее курьёзная, нежели реальная.

– Да, это булочка из соседнего анекдота. Вероятно, следует разделить две вещи. Скажем, когда проводятся всевозможные встречи, семинары, какие-то конференции, на которых собираются работники сельских клубов и обсуждаются проблемы возрождения традиционной календарной обрядности. И мы, Павел Фёдорович, с вами участвовали некоторое время назад в одном из таких семинаров. А всё это стремление-то благородное. Как-то разнообразить досуг, ввести в него что-то интересное, живое, что-то из того, что мы утратили. И конечно, и на селе, и в городе можно отчасти возродить, скажем, масленичную обрядность и обычаи, связанные с Троицей или с другими праздниками православного и народного календарей. Но ясно всё-таки, что в какой-то степени это будет искусственным. В ещё большей степени это касается и усилий в области этнопедагогике. Конечно, если сам преподаватель понимает ограниченность своих возможностей и просто пытается рассказать детям о традиционной культуре – это одно, если он пытается воспитать детей в рамках идеалов 19 века – то это, конечно, утопия. Достаточно вспомнить такой пример утопии, как Смольный институт, где пытались воспитывать новых людей, изолировать их от родителей, от порочного

Сотрудники отдела этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. 1993 г. Первый справа – П. Ф. Лимеров, третий справа – Д. А. Несанелис.

общества и создать новых, замечательных, прекрасных людей. Но мы прекрасно знаем, чем на практике всё это обернулось. В общем, никакого нового человека там не получилось и получиться не могло. Некоторые такие опасности подстерегают нас и сегодня, когда мы обращаемся к народной педагогике.

– Народная педагогика, наверное, состояла из многих элементов, и вводить эти элементы в систему образования, в систему воспитания детей, может быть, даже необходимо.

– Я совершенно согласен вот с чем. Так называемая народная педагогика действительно складывалась из нескольких разнообразных компонентов. Прежде всего, это семейное воспитание. Не так давно появилась книга «Традиционная культура народа коми», где есть глава «этнопедагогика», написанная известным нашим учёным Николаем Дмитриевичем Кона-

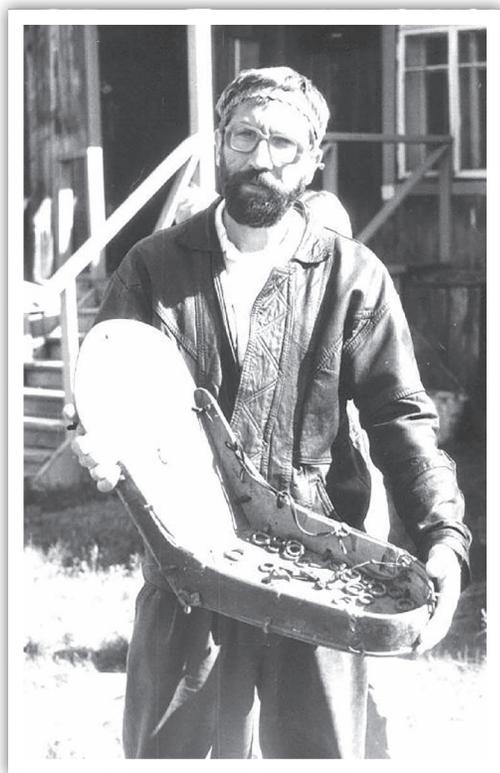
ковым. Он привёл там несколько примеров. Вот, скажем, колыбельная песенка, которую пела ребёнку мама или бабушка. Она пела там: «Баю-бай, папа твой в лес ушёл белок-рябчиков ловить, лисиц-зайцев стрелять». Мама или бабушка также предрекали младшему судьбу хорошего охотника. Они говорили ему: «Пусть, как дед, будешь добытчик и приносчик, одним выстрелом птицу роняющий!» То есть уже с самого детства шло вот такое воспитание, приобщение к каким-то нормам, которые казались важными. В данном случае и некоторая ориентация на будущую трудовую охотничью деятельность. Это вот в рамках семьи. Опять-таки в рамках домашнего воспитания. Действительно, хорошо известно, что дети начинали помогать родителям очень рано и участие детей в семейных делах высоко ценилось. Неслучайно ведь мальчики 6-7 лет добывали пусть и небольших, но всё-таки съедобных клестов, которые использовались за общим

столом в ходе семейной трапезы. Такое участие детей, их помощь в домашнем хозяйстве поощрялись. И девочки, в общем, очень рано начинали помогать своим матерям и убирать дом, совместно готовили игрушки и шили одежду, а девочки чуть постарше ухаживали за младшими братьями и сёстрами. Мальчики достаточно рано приобщались к охотничьим, рыболовным промыслам. И всё это приводило к тому, что к годам 14-15 девочка или девушка уже была готова ко взрослой жизни, ну и молодой человек к 15-16 годам тоже был вполне готов к полноценной взрослой жизни. Мы можем легко убедиться, что наши дети в 15 лет, несмотря на так называемую акселерацию, к взрослой жизни часто не готовы. То есть они физиологически, может быть, отчасти готовы, но в культурном, социальном плане, конечно, это не так. В данном случае речь идёт о том, что одним из важнейших принципов народной педагогики было поощрение самостоятельности. Кроме семейного воспитания очень важную роль играло сообщество сверстников. И там были свои нормы, свои законы. Ну вот, в частности, об этих нормах упоминал П. Сорокин в цитированном отрывке. Культивировалось товарищество, взаимопомощь, коллективизм. Мы знаем, что дети были прихожанами церкви. Церковь оказывала очень важное влияние на нравственное и на духовное развитие ребёнка. Опять-таки в романе «Долгий путь» о церкви тоже сказано много и очень выразительно. И, наконец, существовала и так называемая «цензура коллектива», т. е. общественное мнение. Это очень важная сила, с которой вынуждены были считаться не только взрослые, но и дети. Она давала определённые ограничения. Не считаться с ней было невозможно. Все эти компоненты или институты вместе составляли то, что мы сегодня называем народной педагогией. По отдельности эти механизмы не действовали, а именно вот в комплексе. В чём, собственно говоря, на

мой взгляд, и заключается суть народной педагогики.

– Какое место занимали в народной педагогике детские игры?

– Это один из самых интересных и, вообще говоря, ключевых вопросов. Мы можем вспомнить, во-первых, известные слова: «Не докучал моралью строго, слегка за шалости бранил и в летний сад гулять водил». Онегина учили всему шутя, играя. В этих Пушкинских строках проскальзывают открытые цитаты Жан-Жака Руссо, который говорил, что детей надо учить играя. Но то, к чему пришла французская философская мысль просветителей в 18 веке, в общем, без глубинных философских раздумий всегда свойственно народной педагогике, действительно, дети во многом учились играя. Причём здесь есть два важных момента. Вот были игры, скажем, «шег» – это игры в овечьи кости, когда надо выбивать овечьи косточки, играя на столе, на полу или на печи. Были игры типа «клянчи», «чирка». Были игры, особенно распространённые на севере, вот у ижемцев, связанные с набрасыванием тынзея на оленье рога или на палочку, которая изображала эти рога. Причём они могли быть как неподвижными, так и подвижными: рога привязывались к саночкам, их запускали с высокой снежной горы, и на них надо было забросить «тынзей», заарканить эти рога, эти саночки. Вот все перечисленные игры, ну и многие другие, конечно, были весёлые, интересные, азартные, соревновательные. Но, кроме этого, в них формировались сила, и ловкость, и глазомер, и реакция, и очень многие другие полезные, жизненно необходимые качества, которые, в общем, потом позволяли ребятам стать полноценными работниками. Это одна часть детских игр, в которых происходило освоение каких-то практических навыков. Но был целый ряд игр, например, таких как «гёрд гача». «Гёрд гача» в дословном переводе с коми – «красные штанишки» – одно

Д. А. Несанелис в экспедиции в Шурышкарский район Ямало-Ненецкого АО. 1994 г.

из наименований домового в коми языке. Вот в таких играх как бы происходило приобщение к миру символов, к миру понятий, к определённому мировоззрению. Игра заключалась вот в чём. Стало быть, дети, в отсутствии взрослых, закрывали окна, сами забирались на печь или на полаты, а у входа в голбец предварительно оставляли хлеб и холодную сладкую водичку. Значит, вход в голбец открывали и вызывали оттуда хозяина подземелья, этого «гёрд гачу». Он мог носить, конечно, и другие имена: «чилеюшка», «бртанушка», «бубыля» и т. д. Предполагалось, что хозяин в красных штанишках должен подняться из голбца, съесть приготовленное угощение и вернуться вниз. Ежели «хозяин» не хотел возвращаться добровольно, то считалось, что его надо сбросить туда кочергой. И вот посмотрите, какая любопытная вещь. Скажем, желая

вступить в контакт с домовым, его приглашали из голбца, который олицетворял или символизировал нижний мир. А сами дети забирались как можно повыше – на печь, на полаты и т. д., то есть они оказывались как бы в верхнем мире, недоступном для домового. Ну сам пол – это средний мир, разделяющий нижний и верхний. В данном случае в детской игре происходило усвоение определённого мировоззрения, согласно которому жилище – это не просто место, где едят, спят, работают, но это и набор символов, в частности, включающий в себя 3 сферы или 3 мира: нижний, средний и верхний. В целом, само по себе жилище оказывалось моделью всего мироздания, в котором тоже есть 3 сферы. Играя в эту игру, дети приобщались к миропониманию, и примеры такого рода легко продолжить.

– Сразу вспоминаются исследования некоторых этнографов об образе домового как предка, некогда похороненного в голбце. Василий Петрович Налимов писал об этих преданиях, что коми считали, будто бы в голбце был похоронен древний предок.

– Да, у В. П. Налимова есть такие упоминания. Но мне хотелось бы обратить внимание вот на что: Налимов говорил об этом не как об этнографическом факте, а как о предании, т. е. имела ли место в действительности такая ритуальная практика, мы не знаем. Хотя, в принципе, не исключено, ведь мы же знаем, скажем, обычай первых христиан, когда престол сооружался над могилой праведника, такое бывало. Не исключено, но скорее всего то, о чём говорил Налимов, – это всё-таки предание.

– Я не говорю о настоящей ритуальной практике. Просто эти игры с домовым наводят на мысль о том, что дети вызывают именно предка из голбца. Т. е. игры – приобщение к миру предков, к миру мёртвых.

– Да, я с вами, Павел Фёдорович, вот тут абсолютно согласен. Несомненно, домовый – это представитель мира предков. И мы знаем, какую колоссальную роль в традиционном мировоззрении, в жизни коми играли представления о предках. Скажем, когда начиналась уборка урожая, то обязательно просили помощи у предков. Когда рыбаки добывали рыбу и варили уху, то они обязательно приглашали души предков разделить с ними трапезу. Количество примеров такого рода очень легко умножить. Т. е., конечно, считалось, что от предков, от их расположения очень многое зависит: и хозяйственные дела, и семейные и т. д. В этом смысле в игре действительно происходил своего рода контакт с миром усопших предков. И надо сказать, что игра с домовым – не единственная игра, где такой контакт, по крайней мере, в игровой форме намечался или осуществлялся.

– Вы с Валерием Энгельсовичем Шарповым давно разрабатываете тему смерти в детских играх. Расскажите, пожалуйста, поподробнее об этой теме.

– Да, мы с Валерием Энгельсовичем вот уже много лет занимаемся этой темой, казалось бы, немножко странной. Как это так? С одной стороны смерть, с другой – детская игра. В действительности, достаточно многочисленные данные, которые нами собраны, показывают, что образ или тема смерти были широко представлены в традиционных играх коми детей. Причём все игры разыгрывались так, чтобы поблизости не было взрослых. То есть это особый детский мир культуры, не предполагающий контроля со стороны взрослых. Достаточно упомянуть о нескольких играх, например, по данным, полученным в Прилузском районе, дети из крупной картофелины вырезали антропоморфную фигуру, наделяли её чертами лица, а затем хоронили. Хоронили причём с плачем, заимствованным из репертуара взрослых. Затем сооружали холмик, на этом холмике ставили

П. Ф. Лимеров в ижемской экспедиции. 1992 г.

крест, сделанный из щепок. Или вот тот же Василий Петрович Налимов, о котором мы упоминали, в с. Вильгорт записал игру. В ходе этой игры дети хоронили щепочку или куклу на углу одного из домов. Наиболее выразительная игра – «дорога к ёме», «ёма туй». Эта игра была описана в начале 20 века замечательным лингвистом, археологом и этнографом Алексеем Семёновичем Сидоровым. Дети, взявшись за руки, проделывали очень извилистый путь, причём они прихрамывали на одну ногу, и этот извилистый путь, который, как писал Сидоров, проходил вблизи древних могильников, в конечном итоге заканчивался в той же точке, откуда и начинался. Я не буду сейчас приводить подробный анализ игры, но и в ритуальной хромоте игроков, и в этом сложном извилистом пути, и в том, что игра происходила вблизи могильников, и в самом её названии «ёма туй» – ведь ёма

по верованиям древних коми – это злое божество, которое может наслать голод, болезни, неурожай и т. д., конечно, прямо ассоциируется с миром смерти. «Ёма туй» – одна из игр, где дети как бы соприкасались со смертью. Это очень интересно и в этнографическом, и в психологическом, и во многих других отношениях. Вероятно, в психологическом смысле подобные игры способствовали как раз снятию страха смерти. А как культурное явление, как этнографические факты они свидетельствовали о том, что представления о смерти, о загробном мире могут быть реализованы не только в ритуалах, в этикете, но и в детских играх.

– В вашей работе есть один такой любопытный пример, вернее, ряд примеров. Когда дети хоронят куклу, то взрослые полагают, что в этом доме, возле которого похоронена кукла, наступит смерть. Если дети копают колодец на берегу реки, значит, скоро будет утопленник. Если дети играют в свадьбу, значит, вскоре в деревне будет свадьба. Откуда детям всё это известно?

– Чрезвычайно интересный вопрос. Я попробую ответить на него коротко. Можно было бы количество ваших примеров продолжить ещё одним, очень примечательным. Скажем, на Васильев день (это Новый год, 1 января старого стиля) родители отправляли детей под стол, для того чтобы они там отыскивали зёрнышко. Вот если зёрнышко они найдут, год будет урожайным, если не найдут, то урожай может быть плохим. То же самое и с выкапыванием колодца, о котором вы говорили, и с другими примерами. Я думаю, и Валерий Энгельсович со мной как будто бы солидарен, что дело вот в чём заключается. Взрослые предполагали, что детям в большей степени открыта судьба, мир будущего, что они могут достаточно легко и непринуждённо, по крайней мере, в определённое время и в определённом месте вступать

в контакт с предками, с какими-то иными мирами и силами. И что, в общем, детям открыто будущее. Это во многом построенно на так называемой мифоритуальной концепции жизненного пути, когда дети и старики наделяются особой ритуальной значимостью. Я думаю, что именно наделение детей высоким ритуальным статусом и представление о том, что им открыты будущее и судьба, наверно, и обуславливают те примеры, которые мы с вами сейчас обсуждаем.

– **Куклы – вот что интересно в культуре детей. Современные дети играют в куклы, максимально отражающие действительность. Достаточно вспомнить «Барби» – это даже целые семьи, это взрослые какие-то куклы. А деревенские куклы – они без лица. Чем вызвана безликость традиционных кукол?**

– Мне хотелось бы сказать вот что. Казалось бы, «Барби» и другие современные куклы намного красивее, интереснее, чем старинные традиционные куклы. На самом деле это не так: явное подражание жизни в действительности сужает возможности каких-то игровых импровизаций с куклой. В этом отношении старинные безликие куклы выглядят предпочтительнее. Они давали просто намного больше для творческой фантазии ребёнка. Очень важный вопрос – почему они безликие. Действительно, и у коми, и у многих народов Севера соблюдался запрет на изображение черт лица у куклы. Кстати говоря, соблюдались и другие запреты. Во-первых, кукле нельзя было давать имя кого-то из членов семьи, кроме того, нельзя было использовать для изготовления кукольной одежды старые пелёнки или какую-нибудь старую одежду. Можно было брать, как это ни покажется странным, только новый материал. Считалось, что если наделить куклу чертами лица, изготовить одежду из старой пелёнки или старой одежды и дать ей имя кого-то из членов семьи, то такая кукла может стать

очень опасной для реального, живого члена семьи. Если что-то с этой куклой случится (она упадёт, сломается, потеряется), то подобное может случиться с человеком, чьё имя она носит. Это одно. А второе... Разнообразные лингвистические исследования, анализ фольклорных, этнографических данных позволяет предположить, что сами куклы (безликие тоже) в определённой степени соотносились с миром предков. И создавая куклу, и играя с ней, дети сознательно, а скорее всего бессознательно, вступали в контакт с миром предков. Ведь не случайно такой же запрет и такие же нормы, например, соблюдались у хантов. Вот вы, Павел Фёдорович, были в Западной Сибири, знаете, что онгоны наделяются чертами лица. В то время как куклы и у хантов, и у коми всегда безлики. И вот мне в этой связи хотелось бы сказать ещё одно. Как-то нам удалось записать слова одного нашего пожилого хантыйского собеседника, который высказал очень любопытное предположение. Наблюдая за своей дочерью, которая шила себе куклу, он сказал: «Странно, что во всех её играх куклы всегда спят». Ну, такой постоянный сон, в общем, понятно, метафорой чего он является.

– Хантыйские и, вообще, сибирские онгоны являются вместилищем духов. Для того на них и вырезаются лица: уши, рот, чтобы они слышали, потому что они и есть духи-помощники. А куклы – они слепые, они как бы не должны вмещать духа в себя. А вы говорите, что они всё-таки связаны с миром духов. Как это можно понять?

– Вы знаете, когда мы анализируем народную культуру, то должны помнить о том, что таких простых, точных, математических моделей всё равно здесь не создадим. Всегда возможны и даже необходимы достаточно сложные комбинации, инверсии и тому подобное. Иначе, если бы это было не так, то культура передавалась бы из поколения в поколение не меняясь. Очевид-

но, что онгоны, имеющие лица, и куклы, не имеющие лиц, отражают представления о разных сторонах мира предков. Вот, может быть, так осторожно я бы выразился.

– В вашей работе приведено любопытное высказывание одной четырёхлетней девочки: «Моей кукле приснилось, что я умерла». Достаточно любопытно. Как вы можете прокомментировать эти слова?

– Надо сказать, что девочка, которая произнесла эти слова, наделена очень развитой творческой фантазией. Это одно. Второе – в данном случае произошёл своего рода обмен ролями. То есть кукла принимает на себя эго девочки, то есть она становится как бы девочкой, а девочка становится куклой. Происходит, так сказать, смена ролей. Поэтому, вероятно, кукле и могло присниться, что девочка умерла.

– Дети часто отождествляют себя в своих играх именно с куклами. Я думаю, что девочка, когда играет с куклой, думает, что это она, как бы «двойник». Кукла – «двойник» девочки, а девочка – «двойник» куклы.

– Частично, конечно. В чём прелесть игры? С одной стороны, девочка отождествляет себя с куклой, а с другой стороны, она прекрасно понимает разницу между собой и своей игрушкой. Вот это сочетание условного поведения и практического, собственно говоря, и создаёт эту прелесть, особую природу игры. Если бы девочка относилась к кукле только как к игрушке или если бы она полностью отождествляла куклу с собой, то игры бы не было. А такая двойственность поведения обеспечивает особую игровую атмосферу и, между прочим, наиболее способствует интеллектуальному, творческому развитию ребёнка.

– Похороны куклы. Каких кукол хоронили: специально сделанных или тех же самых, с которыми девочка играла?

– Я боюсь здесь утверждать что-то категорично. По тем материалам, которые удалось собрать нам с Валерием Энгельсовичем, обычно хоронили кукол, специально для этого сделанных. Того же картофельного человека специально вырезали, куклу специально делали. Пожилые люди вспоминают, что, если им попадалась мёртвая птичка, они её тоже хоронили. Тут уже другой немножко случай. Те данные, которые собраны на сегодняшний день, позволяют считать, что для этих целей изготавливалась специальная кукла.

– Есть материалы, что коми девушки, да и не только коми, и после свадьбы продолжали играть в куклы.

– Да, совершенно верно, такие материалы есть, и, между прочим, это не только свойство так называемой народной культуры. Дело в том, что подобные вещи бывали и в дворянской культуре XIX века. Поскольку замужество могло быть достаточно ранним, то игры в куклы могли иметь место и после замужества. Думаю, что это в какой-то степени снимало ностальгию по утраченному детству.

– А может ли быть, что, поскольку куклы связаны с миром предков, как вы говорили, то мир предков через них действует на плодовитость женщины? Игры в куклы таким образом даже поощрялись в обществе, потому что они способствовали рождению ребёнка.

– Я думаю, что это так. Но тут надо очень чётко обозначить одну вещь. Ведь люди часто делают какие-то вещи, соблюдают обычаи, этикетные нормы, участвуют в каких-то играх. Но, может быть, их глубинный смысл не всегда самим человеком осознаётся. А он как бы реконструируется со стороны, реконструируется исследователем. Поэтому в данном случае, когда мы

с вами беседуем об играх в куклы после замужества девушки, то это как раз один из тех примеров, когда, конечно, куклы должны были обеспечить какую-то защиту, покровительство предков и плодовитость. Но вот вопрос: насколько сама девушка отдавала себе в этом отчёт?

– Конечно, это всё происходило на бессознательном уровне. Тут можно провести какую-то общую параллель: куклы – мир предков – игры детей с домовым и в дальнейшем – игры с покойником. Помните, эти игры с покойником в свадебном обряде, игры с покойником в ходе свадебной обрядности, которые проигрываются молодёжью.

– Да, Павел Фёдорович, конечно. Вы довольно чётко очертили круг культурных явлений, в которых так или иначе проявились представления о мире предков и о неразрывной связи живых и усопших. И что ж можно по этому поводу сказать? Это лишний раз подтверждает идею о том, что традиционная культура во многом ориентируется на некоторый образец или некоторый прецедент, говоря высоким стилем. И вот эти образцы, конечно, находились в мире предков, которые делали какие-то установления, законы, нормы. Это всё отразилось в представлениях о культурных героях.

– То есть с помощью игры человек ставил себя как определённое звено между прошлым и будущим, между предками и будущими поколениями. Он чувствовал взаимосвязь ушедших и будущих поколений.

– Да, я с вами абсолютно согласен. Можно сказать так, что игра – одно из важнейших средств передачи культурного опыта от одного поколения к другому.

Беседовал Павел ЛИМЕРОВ.

Игорь ЖЕРЕБЦОВ:

«Научной работы Дмитрию было мало»

Мой друг и коллега Дмитрий Александрович Несанелис родился в Сыктывкаре 5 января 1960 года, окончил здесь школу № 4 (одну из лучших в городе) и в 1978 году поступил в Сыктывкарский государственный университет, где сразу окупился в бурную общественную жизнь исторического факультета. Он, в частности, являлся главным редактором студенческой стенной газеты исторического факультета, которая остротой своих материалов не раз вызвала нарекания партийного руководства; очевидно, что уже на этих страницах зарождался будущий политолог...

Интерес к науке проявился у будущего учёного ещё с первых курсов, но особенно заметен стал примерно с третьего курса. Диме доставляло огромное удовольствие

бывать на своеобразных беседах у преподавателей-ленинградцев, жадно впитывать в себя новые знания, неожиданные идеи. Из скромного слушателя он быстро превратился в полноправного участника этих полуофициальных собраний, выступал с интересными докладами, активнейшим образом дискутировал по самым разным поводам. Думаю, так он постепенно нащупывал свой путь в науке, который, собственно, заключался в том, чтобы избегать наезженной колеи и всегда находить новую дорогу. Дима обожал «перекрёстки» и «развилки» науки, на которых можно было задержаться, поразмыслить и, уйдя с проторённой дороги, двинуться в неизведанное по одному ему ведомым полупрозрачным ориентирам.

Последний день рождения Д. А. Несанелиса с сыном Глебом и сестрой Татьяной.

Дмитрий был чрезвычайно одарённым и разносторонним человеком. Окончив в 1983 году СГУ, отслужив в военно-строительном отряде под Ленинградом, поработав в сыктывкарской школе № 35, он поступил в аспирантуру Института языка, литературы и истории, по окончании которой работал в секторе этнографии ИЯЛИ. Большое влияние на выбор его пути в науке оказало знакомство с одним из основателей Тартуско-московской семиотической школы В. В. Ивановым во время Международного конгресса финно-угроведов в Сыктывкаре в 1985 году. На одной из городских квартир с участием молодых учёных Сыктывкара и маститых исследователей Москвы был проведён семинар, ставший началом семиотических изысканий в области традиционной культуры коми. В 1989 году состоялась I семиотическая конференция, в подготовке и прове-

дении которой Дмитрий принял деятельное участие.

Д. А. Несанелис – автор полутора сотен научных трудов по этнологии, семиотике, истории, опубликованных в России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции, Франции и неизменно вызывавших живой интерес коллег. Он неоднократно участвовал в этнографических и археологических экспедициях ИЯЛИ и исторического факультета СГУ. Блестяще прошла защита его кандидатской диссертации «Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.)» в Институте этнологии и антропологии РАН в Москве. Его многочисленные (более 70) выступления на разнообразных международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах никогда не оставляли равнодушными их участников, часто становясь предметом

горячих дискуссий и в залах заседаний, и в кулуарах. А организованные им научные и научно-практические форумы по своим научным программам и составу участников всегда были на самом высоком уровне. Дмитрий заслуженно пользовался большим авторитетом в коллективе института, избравшем его – ещё молодого учёного – членом Учёного совета.

Но одной только научной работы Дмитрию было мало. Он одновременно читал общие и специальные курсы лекций на историческом, филологическом и юридическом факультетах СГУ, а позднее – в Поморском государственном университете (Архангельск) и Усинском филиале Ухтинского государственного технического университета, часто выступал с пользовавшимися большой популярностью публичными лекциями для общественности, стал одним из организаторов и первым научным редактором литературно-художественного, историко-культурологического журнала «Арт».

В 2000 году, на рубеже тысячелетий, Дмитрий принял решение кардинально поменять свою жизнь и попытался реализовать идею об объединении усилий науки, образования, общественности, власти и бизнеса. Он считал, что только совместными усилиями можно адекватно ответить на вызовы, которые сегодня стоят перед обществом, человеком, государством. В сущности, именно этому была посвящена его работа в различных структурах «ЛУКОЙЛа», в органах власти Архангельской области и Ненецкого округа, многочисленных общественных организациях, среди которых важное место занимала, в частности, Общественная палата Республики Коми. Умение Дмитрия находить контакт

с самой разной аудиторией, убеждать слушателей, убедительно доказывать правоту своих взглядов в этот период проявилось особенно ярко.

В самые последние годы Дмитрий стремился всё больше внимания уделять научно-исследовательской и научно-организационной работе. По его инициативе в Институте языка, литературы и истории в 2015 году создали лабораторию, которая должна была развернуть изучение истории промышленного освоения, экологии и культурной антропологии Тимано-Печоры и Западной Арктики. Д. А. Несанелис возглавил эту лабораторию, подготовил проект плана её работы. Среди его задумок были организация экспедиционных исследований, научных конференций, систематической целенаправленной популяризации результатов работы учёных в СМИ, подготовка новых научных трудов, завершение докторской диссертации и многое другое, оставшееся, к сожалению, неосуществлённым... 15 января 2016 года он скоропостижно скончался.

Как-то в моём присутствии Дмитрий разговаривал с кем-то по телефону и, убеждая собеседника что-то сделать, сказал примерно следующее: «Конечно, нельзя своим дыханием согреть весь мир. Но можно начать с чего-то, с какой-то частички этого мира. Важно начать делать, начать двигаться вперёд, и в какой-то момент непременно окажется, что мы не одиноки на этом пути». И именно так чаще всего и происходило. Увы, на весь мир дыхания его, конечно, не хватило. Но в самых разных городах, где Дмитрий жил и работал, осталось множество людей, благодарных ему за помощь, согретых теплом его дыхания.

Мифология в современном искусстве: материалы онлайн- круглого стола

Модератор – Павел Лимеров

Точки зрения на территориальную идентичность: в прошлом и настоящем, извне и изнутри. Что является ресурсом художественного творчества? Возможна ли самобытность в условиях информационной глобализации?

Ирина КОТЫЛЕВА,
историк, искусствовед

Ресурс художественного творчества – это свободное, полное, смелое выражение своих мыслей, ощущений, устремлений, поисков. В современном мире даже при информационной глобализации самобытность, яркая индивидуальность не утратили свою ценность. Другое дело, что подлинная яркая индивидуальность не так уж часто присутствует в современных работах и немало работ, которые вторичны. Формы, темы в высказываниях художника во многом взаимосвязаны с тем временем, в котором они живут, с некой культурной традицией, с общей тенденцией развития искусства и культуры в целом. Гении обычно опережают время, они вне времени. И они имеют смелость и силу быть самостоятельными в своём творчестве. Представление древнего, архаического, мифологического, археологического – это уже устоявшееся направление в современном искусстве. Этническое присутствует в современном искусстве, т. к. есть сформированное понимание ценности многообразия, многоголосия мира и важности для развития всей системы сохранения и развития многообразия. И это экзотично, часто декоративно и т. д. Однако проявленность родовой энергетике в творчестве не всегда признак качественного высказывания в произведении, но качественное, самобытное произведение в любых формах (живопись, графика, медиа) всегда привлекает внимание как специалистов, так и широкую публику.

Александр КОТЫЛЕВ,
культуролог

Осознанная сроднённость с определённым топохроном в современном мире возможна только личностная, внутренняя, выработанная человеком в результате преодоления кризисов идентификации, как посредством «возвратов к корням», так и «прорывов в будущее». Первое сложно связано со вторым, как в той давней шутке: раньше и будущее было лучше. Отождествление личности с определёнными локусами (вне зависимости от их количества и масштаба) происходит вследствие постижения, погружения, познания, вбирания, прочувствования, требующих усилия, напряжения, затрат. Поэтому многие люди склонны избегать выработки осознанной идентичности, довольствуясь стереотипными представлениями условного социума, транслируемых властью, СМИ, сетями и массовым искусством. Хорошим примером такого мироотношения выглядит «тик-токовая» идентичность, утверждающая существование типа вечного здесь/сейчас в бесконечной сменяемости микрофрагментов псевдобытия, лишённых не только соотносённости с историей, но и причастности смыслопорождению.

Ольга ОРЛОВА,
искусствовед

Художник есть то, чем он надышался, познал, с чем слился. Синтез искусств и дифференциация искусств – одинаково умерщвляют творчество. Современный художник должен встать на путь пересоздания самих себя, стать своей собственной художественной формой. Остаться художником, не переставая быть человеком.

**Анжела
РАЗМАНОВА,**
художник

Отвечу сразу на вторую часть вопроса. В области визуальных практик сейчас очень сложно быть оригинальным и неповторимым, но это не является главным. На мой взгляд, именно сейчас важна роль личности художника, его точность чувствования. В этом я вижу как раз самобытность. Ресурс творчества, наверно, как и просто жизни – это любовь и вера в свои силы. Насчёт территориальной идентичности – конечно, у всех по-разному: для меня это влияние колорита места, буквально цвета. Я люблю тонкие переплетения историй личных и странные взаимосвязи предметов и места.

Способны ли повлиять художественные проекты на формирование культурной и этнонациональной идентичности региона?

Ирина КОТЫЛЕВА,
историк, искусствовед

Наверное, лучший пример такого влияния – это творчество финского художника А. Галлен-Каллела. Его работы на тему «Калевалы» были в конце XIX – начале XX века частью устремлённости финнов в проявлении своей идентичности. Одновременно его творческие поиски стали своеобразным знаменем для многих художников, музыкантов, писателей, учёных и т. д. для понимания себя во времени и в пространстве. Творчество Галлен-Каллела и сегодня восхищает своей силой и оказывает влияние на поиски художников в XXI веке. Неслучайно часть программы выставочного проекта «Ugriculthure» в 2000 году проходила на территории усадьбы-мастерской Галлен-Каллела.

Анжела РАЗМАНОВА,
художник

Хотелось бы в это верить. Думаю, что художественные проекты, которые исследуют много разных вопросов и проходят на определённых территориях, способны изменить и гармонизировать эти места. Тем более, что проектная деятельность может быть разнообразной и иметь совершенно разные цели. Мы делаем место интересным, загадочным, притягательным. Я это могу смело утверждать на примере своих проектов, которые каждый раз через выставочный проект открывают двери восприятия той или иной темы («Клюква. Нить» на территории Сысольского района и как результат высказывания авторов в различной форме «текстильным языком». Таких проектов десять, и все они про уникальность территории).

Александр КОТЫЛЕВ,
культуролог

Процесс выбора своего места мироздания имеет высшей точкой его творческое присвоение в игровом, эстетическом или интеллектуальном действии, противоположным по сути агрессивному политическому, экономическому или военному захвату. Естественно, что его не следует путать и с (доступным сегодня практически всем) селфи: наложением своей физиономии на любое достопримечательное пространство. При сохранении научным дискурсом значительной степени усложнённости, наиболее очевидным перекрёстком встречи запросов заинтересованной части человечества с вариантами осмысления и образно-символического представления пространственно-временных континуумов остаётся художественная культура. Писатель, художник, режиссёр предоставляет возможность ищущему себя индивиду обрести идентичность в своём творческом мире, выросшем на основе личного переживания и трансформации этнопространственных реалий.

Ольга ОРЛОВА,
искусствовед

Созерцание в искусстве – средство, средство расслышать призыв к жизненно-му творчеству. Индивидуализм творчества в настоящее время чаще всего – индивидуализм усовершенствованного метода работы. Техническая эволюция превратила художника в зависимого. Современный художник всё более превращается в учёного, а это отдаляет его от цели искусства (искусство создаёт объекты познания). Сферой искусства становится то, что раньше было искусством не являлось.

Мифология и формы её презентации (традиционные и нетрадиционные) в художественных проектах. Каковы примеры новых, актуальных практик?

Анжела РАЗМАНОВА, художник

Мифология – всегда любимая область исследования художника. Как правило, это космогонические мифы и их всевозможные формы и ответвления. Формы цифрового искусства и возможности современных средств инсталлирования позволяют очень ярко донести любые фантастические идеи. Ещё одна из форм – это масштабные экспозиционные инсталляции, возможность проекционного оборудования и, конечно, синтез различных аудиовизуальных практик. В этом году на выставке, которая как раз называлась «Клюква. Миф», – пример сотворения МИФА: создание гнезда как образа женского сакрального и сжигание его. Всё это действие, превращённое почти в обряд, обрело сразу несколько смыслов, включая историю места (ГУЛАГ, женский лагерь, побег, освобождение) и нечто древнее, архаичное, что находится за пределами социума. Также пример – это находки, которые перевоплотились в объекты искусства или послужили темой для видеопорта. Сейчас в распоряжении художника множество средств, главное – свобода, сила мысли и чувствительность автора.

**Ирина КОТЫЛЕВА,
историк, искусствовед**

Мифология в современных художественных проектах – это большая многоуровневая тема. Наверное, из последних глобальных проектов, если имеем в виду национальное, архаичное, – это выставка в Вильнюсе в 2020 году, в которой участвовал Павел Микушев, создав уникальные монументальные росписи (хорошо бы об этом отдельно написать).

Ольга ОРЛОВА, искусствовед

Приёмы, образы никогда не исчезнут. Задача художника – на старых счищенных «текстах» написать новые, сохраняя основной носитель (территориальную идентичность, ТРАДИЦИЮ). Сохраняя генетические культурные коды, современный художник создаёт острые, яркие образы в формах новых художественных практик. Создаёт свою КАРТИНУ МИРА, с новыми контекстами, отвечая на нравственные, метафизические вопросы. Современному художнику неважно, где он географически присутствует. Ресурс творчества не меняется – КОРНИ.

Александр КОТЫЛЕВ, культуролог

Художественное творчество может быть представлено как поле непростого взаимодействия истории и мифологии, находящихся в постоянном нелинейном развитии, переживающих столкновения и слияния, накатывающие и отливы, угасание и возрождение. Художник способен актуализировать мифы и демифологизировать события, демонизировать или героизировать место и время, вещь и виртуальность, прошлое и будущее. Развитие этнокультуры сегодня, её место в мировом контексте напрямую зависят от наличия или отсутствия у неё выдающихся представителей, проживших в себе и репрезентирующих её в своём творчестве. При этом в современном мире неважно, какой народ породил этих творцов, какая культура их воспитала.

Мифология в современном искусстве как ресурс брендинга территории. Зырянский бренд: ГУЛАГ, «Лыжа Йиркапа». Что ещё? Творческий потенциал «Коми истории».

Ирина КОТЫЛЕВА,
историк, искусствовед

Страшно, если ГУЛАГ стал зырянским брендом... Хотя и в России, и за рубежом часто просто ничего не знают о зырянах, ни о Республике Коми, но знают, что есть Воркута. Лозунг/бренд «Коми – родина лыж», который имеет под собой многоуровневую историческую основу, мог бы неплохо использоваться в туристических программах республики, но для этого надо вложиться: новая экспозиция музея, издания, декоративные объекты в пространстве городов, рекламная и сувенирная продукция.

Мне видится более значимым продвижение темы Св. Стефана Пермского. Исходя из исторического материала, памятников, а главное – метафизического смысла. В 2018–2019 годах мы говорили с Дмитрием Морозовым (современный московский художник, известный на весь мир своими концептуальными роботизированными объектами) о создании для республики ряда объектов на тему стефановской азбуки, письменности. Эти объекты могли быть представлены как в музеях республики, так и на выездных мероприятиях в Москве, Петербурге и т. д. Это если мы говорим о развитии брендов региона через современное искусство. Проект не получил поддержки. Как, впрочем, не получил поддержки проект по изданию красивого альбома на нескольких языках о св. Стефане Пермском, в котором могли быть представлены новые собранные материалы.

Александр КОТЫЛЕВ,
культуролог

Представления о том, что некие «БРЕНДЫ» где-то существуют и их нужно только найти, или о том, что при помощи специальных технологий можно раскрутить любой бренд, в равной степени ошибочны. Мы видели в Республике Коми ряд неудачных проектов, направленных на брендинг её пространства (этнопарк в Ыбе, фестиваль «Люди леса», фильм «Экореспублика» и т. п.). Любой этно-историко-культурный элемент может стать брендом, но только в том случае, если он стал частью творческого, авторского личностного сознания, а затем был репрезентирован в талантливом художественном произведении. Впрочем, само это произведение должно быть не только многократно тиражировано, изучено и прославлено, но (прежде всего!) востребовано. Соответственно, если сегодня представители какого-то народа не хотят (или даже стыдятся!) говорить на родном языке, если даже образованные представители этого народа не считают нужным обучать детей родному языку, трудно ожидать, что на этом языке появится гениальная книга, способная поднять его на новый уровень, стать символом масштабной этноидентификации. Разве что этому бы предшествовал успешный перевод её на более популярный язык, стимулирующий возврат в свою культуру в новом качестве.

Иван Горшков. *Интинский метеорит*. 2021.
Надувная скульптура на картах ижемских оленеводов. 500 см.

Андрей Кузькин. *Мечты о радости и свободе*. 2021.
Инсталляция. Смешанная техника. Скульптура, металл, хлеб, соль.

Таня Ахметгалиева. *Иль солнце меркнет в эфирной глубине*. 2021.
Бумага, акварель. 150×90 каждая.

Эдгар Сарин.
Облачённая кариатида. 2021.
Сосна, ткань, краски по дереву.
213×58×50 см.

Виктория Кошелева.
Конвергенция. 2021.
Холст, масло. 60×45 см.

Игорь Самойлов. *Не все тени отброшены предметами.* 2021.
Инсталляция с открытым звуком. Металл, цифровая печать,
пенополистерол, картины из Национальной галереи Республики Коми.

Апполинария Брошь. *Короткое замыкание*. 2021.
Бетон, кварц.

Иван Горшков. *Фотографическая документация проекта «Интинский метеорит»*, 2021.
Съёмка – А. Каратеев.

Владислав Кульков. *Северная тропа. Путешествие в племя «диких Кандинских»*. 2021.
Бумага, акварель. 150x200 см.

Алиса Горшенина. *Как умирают океаны и рождаются горы*. 2021.
Серия из семи графических листов. Акварель, карандаш, бумага. 21x28,3 каждая.

Евгения Воронова.
Лесные духи из серии «Внутри ландшафта». 2021.
Холст, масло, вышивка. 140x190 см.

Тим Парщиков. *Серия фотографий «Воркута 2021»*.
Общий вид экспозиции.

Родион Китаев. *Тени забытых предков. 2021*.
Общий вид экспозиции.
Ткань, вышивка, берестяной короб, хлеб, найденные объекты, текстиль.

Аннушка Броше. *Подпоясанные*. 2021.
Инсталляция. Керамика, ткачество.

Устина Яковлева. *Пальто*. 2021.
Ручное жаккардовое вязание по мотивам традиционных узоров для с. Усть-Цильма.
Мастер Марина Яковлева. 140x78 см.

Устина Яковлева. *Коротенька. Лакомник. Гетры*.
Общий вид экспозиции.

Андрей Сяйлев.

Алиса Горшенина.
*Как умирают океаны
и рождаются горы.* 2021.
Маска. Холст, бисер, бусины.
19×16 см.

Эдгар Сарин. *Коми скамья.* 2021.
Берёза. 39×111×23 см.

Матео Ревилло. *Медовый мишка.* 2021.
Гипс, свечной воск, нефть. 120×120 см.

Артём Го.

Артём Го.

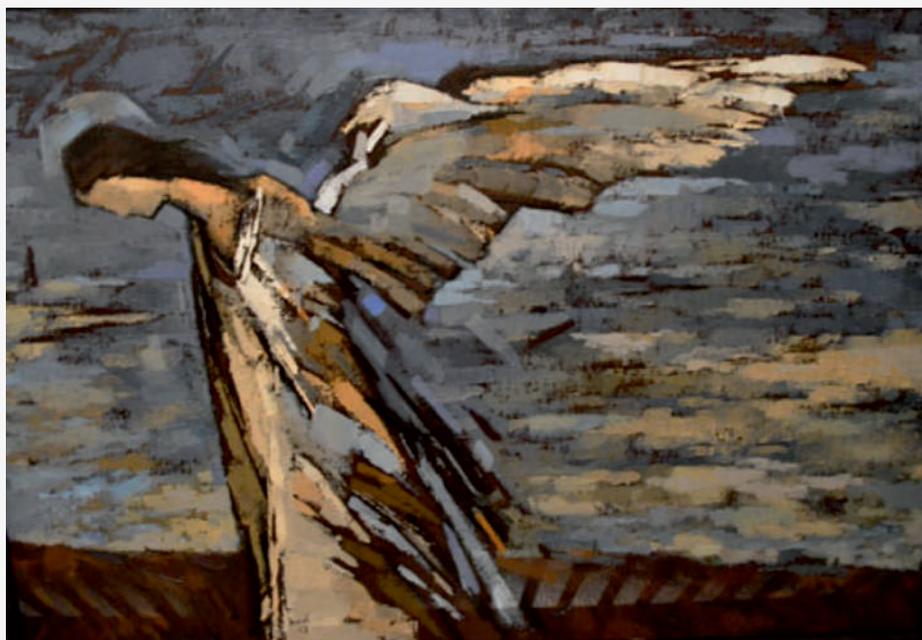

Даниил Антропов. Колосок. 2021.
Инсталляция. Дерево, глина, найденные объекты.
138×51×50 см.

> Е. Шелест • Дойдёт ли «вторая волна» до Коми?

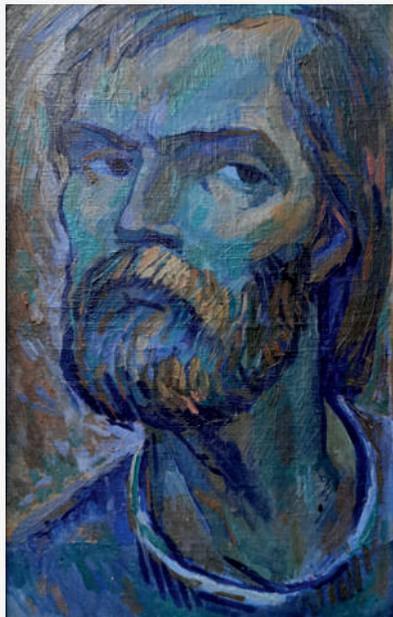
Анатолий Пунегов в мастерской.

Анатолий Пунегов. *Скорбящий ангел.*

Анатолий Пунегов. *Грешница.*

Анатолий Пунегов. *Автопортрет.*

Анатолий Пунегов. *Мне тесно.*

> Э. Колчева • Искусство этнофутуризма –
«магически-охранительный» голос художника

Сергей Евдокимов. Элнет. 2006.
Холст, масло. 55х54,5.

Измаил Ефимов. Биоактивация. 2015.
120х150.

Павел Микушев. *Путь водной птицы*. 55×50. ДВП, масло.

Юрий Таныгин. *Личина 2*. Серия «Миф». 2007.
50×100. Холст, масло.

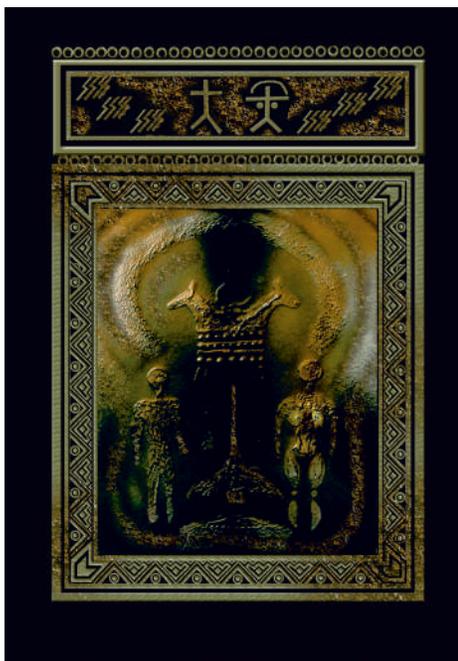
Валерий Савин.
Крылья подсознания. 2012.
Холст, акрил.

Хамза Шарипов. *Голос предков*. 2001.

Сергей Орлов. *Открытый портал*. 2006.

Андрей Алёшкин. *Моя масторава*. 2013.
Иллюстрация к мордовскому эпосу «Масторава».

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Тимофей Ветошкин

Тимофей Владимирович Ветошкин
(1962–1998) – поэт. Чужис Златоуст карын.
Сылөн рөдыс коми, весиг Сыктывкарын
олысьяс эмось, но ачыс гижлөма рочөн.
А өні кывбуръясыс и комиён
пондасны шыавны.

«О, ньөжджык, олөм...»

* * *

Сөдз кылань, асывлань нырөн, чим еджыд,
Виль лым вывті. Войыслысь нюжалөм унсö ог торк,
Ме мөдөдча, унзіль да шоныдін туй вылө вежа,
Дерт, йөшкыд, но колө мен аддзывны муыслысь дор.
И чайтсьö, со эсийö чуркйөдзыс содта кө воськов,
Көн шонділөн югöрас енэжкөд сөльнитчö му, –
То төдмала сэтшөмтор – енсянь мөд син быттьö вössяс.
А сійötö вермө! И ме пытшкө пöльыштас ру..
Мед нэм ковмас кыссьыны мичыскөд аддзысьöм понда, –
Ас кадö ме лоа сэн, суа лов кыпöдан здук,
Кор кок улысь чепөсьяс көдзыд на, ыргөнгөрд шонді,
Тадз эновтас вой улö бөрйылөм лым юра чук.
И дивö кодь югöрыс чуймалысь синмös оз чегъяв,
А явитас сэтшөмтор, мыйысь мен вössылас садь
Да вежорта, кодарö нырччам ми, вөр-валөн челядь,
И мый понда олам,
И мый сійö эм – благодать.
Ме узя и вötала эскөмөн мичмөдөм серпас,
А öшиныын гудрасьö лун – мисьтөм рунас да сернас.

* * *

К восходу, к востоку, по первому снегу,
Что выпадет тихо, безмолвие ночи храня, –
Пойду я, оставив тепло, полусон мой и негу,
От холода ёжась, к началу земного огня.
Мне кажется, если дойти до того горизонта,
Где небо сплавляется солнцем с корою земной, –
Наступит божественный миг откровенья, а он-то
Способен одно лишь прекрасное сделать со мной...
Пусть вечно придётся идти ради встречи прекрасной, –
Я буду там вовремя, и от меня в двух шагах
Шар солнца начнёт подниматься багровый и ясный,
На миг задержавшись на вспыленных ветром снегах.
И в этом щадящем глаза изумительном свете
Увижу я нечто, что даст мне возможность понять –
К чему мы стремимся, вселенной несчастные дети,
В чём смысл нашей жизни
и в чём состоит благодать...
Я сплю, и мне снится сей миг, приукрашенный верой.
За окнами – день, удивительно мгlistый и серый.

* * *

А менам өшинь улын төлк ни лад –
Дзик тыртөм, пырыс тыдалана сад.
Сьёд пюясыс то вугралёны чёла,
То таркөдчёны өшиньё, кор төла.
Но чайтсьё, таын вежөртас жё эм,
Мый быть нин колё гөгөрвоны мем.
Да нем пё таын абу, босьтін кысь?
Но тэн кө тайё арнас абу кызь,
А кызь вит либё – мөвпыштлы! – кызь квайт,
И весиг комын – мыйсё он и чайт!
Ме татшөм лунё өшинь водзын дыр
Важ грекъяс мёда лэдзны сьёлөм пыр.
Ог дөзмы, весиг велалі нин тшук,
И виччыся, мед сөмын волас здук, –
Кор, олөмыслөн өтгудырын падмөм,
Друг кыла налысь таркөдчөм, и – садьма;
Пель чунөдана лөньыс сэтшөм сөдз –
Кад мунан шыыс меё йиджө стөч.
О, ньөжджык, олөм, лолөс вежны сет.
О, сьёлөм, эн көть морөс кудйысь пет!

* * *

В моём окне на первом этаже –
Деревья, опустевшие уже.
Деревья то спокойны и молчат,
То ветками в окно моё стучат,
Как будто есть какой-то смысл и в том,
Что ветками они стучат в мой дом.
Намёка в этом нет и знака нет, –
Но ежели тебе не двадцать лет,
А двадцать пять иль, скажем, двадцать шесть,
И даже тридцать – что-то в этом есть
Такое, от чего нет-нет да и
Припомнятся тебе грехи твои.
Я не сержусь, я к этому привык, –
Напротив, мне так нужен этот миг,
Когда из полной чаши бытия
На шорох и на стук откликнусь я,
И обострённый слух уловит вдруг
Звук времени, щемящий сердце звук...
О, жизнь, так быстро ты не проходи,
О, сердце, бейся медленней в груди!

* * *

Сад кисьтас муё зарни кор,
Шань уджысь водзёс быттьё бергёдö.
Та кадö сьёлöм овлö нор,
И син оз куньсьы югдан веркыдöдз.
Руд енэж сэки воштö садь,
Быд кымöр – мунöм лэбач пертаса.
...Ме öтчыд осьта выль тетрадь,
И кывбурьяс кузь туйö петасны.

Мудз синьяс водзысь вешьяс вез,
Лов кыптас идöг борднас öвтöмön,
Тадз гортса гулю кылö мезд,
Кор сийöс енэж йирö чöвтöны.
И тöдлытöм на шуд ли дой,
А гашкö, дой и шудыс öтласön,
Кыдз юкö лоём кык ва войт,
Ме вылын ыджыдавны мöдасны.
И, горттöм-идöртöмöс моз,
Дзуг олём шöрсьыс менö босьтасны.
Мед эскан туй вылысь эг кос,
Збыль олём вылас синмös осьтасны.

* * *

Когда уляжется листва –
Как дань земле за чистый сок её,
Когда, вступив в свои права,
Начнёт движенье грусть высокая,
Когда от звонких летних птиц
Лишь перья облаков останутся, –
В опасный путь с моих страниц
Стихи, как журавли, потянутся.
Душа избавится от мук,
От заземлённости непрошенной,
Как избавляется от рук
Домашний голубь, ввысь подброшенный.
И то ли счастье, то ли боль,
А может быть, и боль, и счастье –
Двух чувств, несовместимых столь,
Томительное двоевластие
Возьмёт меня, как сироту,
Средь вечного столпотворения,
Даруя мудрость, правоту,
И труд, и веру, и терпение.

* * *

Кыдзи гуся клад корсьёмлы сиёны олём,
Сідз жё колана кыв меным аддзыны колё...
Ичёт морт йылысь, кодлы нин дзескыд не сёмын
Мамлөн кынёмас, весиг Вселеннойыс этша;
И Вселеннойыс йылысь, кор пёртмасын рёмён
Кодзув сикаслы петкөдчис сылөн Петтетша*.
Югыд лов йылысь, коді и ен вылө туйё,
Ина мог йылысь, коді мен мыччөдлас чудё,
Кытчө веськавны поэяна енэж выв туйёд,
Сэтчө, көні оз инасьлы некор Иуда...
Сёмын аддзыны эськө, а та понда позьё
Сёысь воштывны, аддзыны, аддзысьны, вошны,
Весиг сынөдтөм сынөдө нюжөдны посьяс,
Рөспинайтны дась йөз водзын думъястө восьтны!

*Петтетша – предтече (Эжолын вөлі Усекновения главы Иоанна Предтечи вичко, пöрысь йөз шуисны: Иван Петтетша).

* * *

Словно выкопать клад из земли для Земного –
Мне бы только найти то заветное слово...
О ребёнке, которому мало не только
Материнской утробы, но и Вселенной,
О Вселенной, в которой нуждается столько
Новых звёзд, порождённых игрой космогенной,
О душе как единственно мыслимом боге,
Как о цели, о главном, о высшем, о чуде,
О её бесконечной небесной дороге,
Уводящей туда, где нет места Иуде...
Мне бы только найти, ради этого стоит
Находить и терять, находиться, теряться,
В безвоздушном пространстве воздушное строить
И пред самой глухой глухотой распинаться!

ВИЧЧЫСЬӨМ

С той стороны зеркального стекла...
А. Тарковский

Мем виччысьны да эскыны и кольё,
Но кӧдзыд ловлы; шоныд ру кӧ эм,
То сылы, дерт жӧ, кӧнкӧ лоны колӧ
Кын стеклӧ саяс, – тадзи чайтсьӧ мем...

Но ачымӧс куш ылӧдлӧм кӧ тайӧ?
Син пӧртмалӧмӧн чайтӧм мый оз ков?
Сӧк дой оз бурд, но содтӧд дой на ваяс,
И весьӧпӧрас мудзӧм ӧтка лов.

Ми ӧтув суйӧр кындзи нем эг тӧдлӧй,
И ӧти кодзув вӧлі ставлы дзик, –
Ми, грека войтыр, шогмим ӧта-мӧдлы,
Кӧть тайӧ мӧвпыс нӧти абу чиг...

Ме важӧн тӧнӧ виччыся, ог гажъяв,
Лов усьӧм понда весиг быри ун,
Вӧй турӧб шӧрын, быттьӧ карандашъяс,
Лун бӧрся лёкысь чегъя нӧшта лун.

И волӧ серпас – майшасьӧмӧс чинтӧ,
И сӧк жӧ бара ставыс лолӧ дзуг.
Ме кевма, енмыс туй мед тӧныд индас,
Мед локтан тэ, и збыльмас шуда дзук.

ОЖИДАНИЕ

С той стороны зеркального стекла...
А. Тарковский

...Мне остаётся ждать и верить в чудо,
Мне холодно, но я хочу тепла,
Оно должно, должно прийти оттуда,
С той стороны морозного стекла...

А если это страсть самообмана,
Иллюзия, рождённая в глуши, –
Не выдержит, смертельной станет рана
Моей истосковавшейся души.

Мы все в пределах жизненного круга,
Над нами светит общая звезда, –
И мы достойны, грешные, друг друга,
Как это ни обидно иногда...

Я жду тебя давно, и на пределе
Немыслимых возможностей души
Под стон и завывание метели
Ломаю будни, как карандаши,

И мне с трудом рисуется возможный
И равный невозможный миг, когда,
Оставив за собою путь тревожный,
Любимая, ты явишься сюда...

ЁРТА СЁРНИ

Алёна Нестерова: «Выныс вужийын»

– Алёна, колян вося сентябрын тэ пондін зильны «Би кинь» журналса шөр редакторён. Кутшөм могъяс пуктін ас водзад виль удж вылын?

– Журнал дасьтөм – тайё сьёкыд, кывкутана удж. И тайё уджыс векся, помасьлытөм: типографияё талунья петас сдایتөм бөрын заводитчө виль журналлөн кадколаст. Журнал – тайё тэнад быдтас, кодёс колө лелькуйтны, сөвмөдны йөзө петтөдз. А кодьяс найө «Би кинь» йылысь сёрнитигөн? Тайё коми челядь, бать-мам и челядькөд уджалысьяс: велөдысьяс, воспитательяс, библиотекарьяс. Тайёс төд вылын кутөмөн и артмө менам могөй кызди шөр редакторлөн –

дасьтыны тырвыйё бур, колана, нимкодъпырысь лыддяна петас. И мед эськө сійө отсаліс верстьолы матыстны коми кыв дорас да коми культура дорас зонпосниөс. И таысь нин артмө менам медыджыд могөй кызди коми мортлөн – журнал

отсөгөн видзны, сөвмөдны коми кыв, видлыны быдтыны кызд поэьо унджык коми челядьёс. Гашкө, кутшөмкө материал и лоас кывсө төдны ышөданторнас. Гашкө, рочмөм кагаыс, библиотекаё волігөн да «Би киньсө» аддзылігөн, юалас, а мый эськө тані гижөма? А то тайё кывсө ме төда, а тайёс ог на төд, но көсьяс төдмавны.

Ме бөрья кадө ёна та йылысь мөвпала. Весиг нуөді медводдза уджалан луньяссянныс конкурс, кори висьтасьны коми челядьёс, мыйла колө төдны коми кыв, мыйла колө кужны гижны, сёрнитны, лыддысьны комиён. Мед эськө мөвпыштисны та йылысь и гырысьяс. Мед челядьлөн висьтасьөмыс мөрччис кодлыкө. Кывным вермас дзикөдз бырны, оз кө ло сёрнитысьяс, лыддысьыс да гижысьыс. Ми, дерт, вермам йөзөдны уна висьт, кывбур, мойд. А найёс лыддысьыс сө во мысти лоас-ө?

– Быд редактор бөрийө ассьыс туйвизь. Кутшөм вильторьяс пыртан журналө, кызди зілян вежны сійёс?

– Вильторьяс – тайё, дерт, буртор, но ме век жө, медводз, традицияё кутчысьыс морт и уджө босьтчөмсянь куті вөчны со

мый: видлавны важ журналъяс да босътны сэтсы медбур аддзёмъяссё. Кор комын вит во сайын гижысьяс шуисны лосьодны челядлы журнал, тайё вöлі збыльвийё вьлторйөн, шензьоданаторйөн. Сэки найё вöчисны ыджыд удж, медым öктыны öтилаё медся «чöскыдсö», быдмысь войтырлы медся коланасö. Тайё важ петасьяссö видлалигөн юрын сідз и лэбöны сы кадся серпас-гижöд-юржугöданьясыс. Ставыс кольöма вежöрам, а сідзкö, тайё лист бокъясыс зэв вынаöсь. Мыйкö пыр-пыр мунысьыс öдийö вушйö юрсьыд, а тані, сы мында во мысти, асьтö аддзан ичöt нывкаён, коді листалö «Би кинь» журнал да выльысь и выльысь нюмъөвтö тöдса лист бокъяслы.

Талун мян штатын абу художникыс, ме быд пöрийö корся художникöс, коді эськö вермас ас пырыс нуöдны гижöдсö, гөгөрвоны да лöсьыда петкөдлыны. Серпасыс кö вөрзьодас кагаыслысь сьölöмсö, и гижöдсö окота лоö лыддыны. Во джыннас ме уджалі зэв уна художниккөд нин, донъялі, коді кызди серпасасьö, коді кутшöм авторöс вермö восьтыны, кодлөн артмö ёнджыка серöдны ворсана материалсö. Сьöкыдлуныс тані сыын, мый коми серпасалысь менам сöмын öти. Сідзкö, сöмын öти мортлы оз ков висьтавны коми культуралөн аслыспөлöслун йылысь да вуджöдны текстсö роч вылö. Мукöдыслы, а эм весиг Казахстанысь серпасалысь, меным лоö вуджöдны текстсö, висьтавны коми традицияс йылысь. Тшöкыда лист боксö рисуйта-ылöсала медвойдөр ачым (кутшöм места, коді, мый петкөдчас серпасас, кутшöм ыджда и сідз водзö), а сэсся нин сета художниклы. Та пöрийö ме быттьö пазлөн ворса, лöсьöда, вештала, дзуга, бөр тэча серпасторьяссö да гижöдсö, кызди эськö медбура сувтас-лöсялас. Верстальщик штатын абу жö да, быдторнас лоö аслым ноксьыны. Сідзкö, бöрийöм туйвизьнас медводз лоö виль серпасалысьясöс корсьöм, мед серпасыс кыскас ас дорас ичöt лыддысьысьсö.

Но и вьлторьяссö, дерт жö, вöзя. Меным век окота мыйöнкö шензьöдны лыддысьсöс, чуймöдны. Та вöсна пырта

Алёна Николаевна Нестерова

(Алёна Старцева) чужис 1985 вося ноябр 18 лунö Кörtкерöс районса Ыджыдвидз сиктын. Помаліс Сыктыв-карса государственной университетын национальной филология юкөн. Уджалис С. Я. Маршак нима Коми Республикаса челядлы национальной библиотекаын ас му туялöм да коми литература юкөнөн веськөдлысьөн. 2021 восянь зильö «Би кинь» журналлөн шөр редакторён.

Йöзöдчö «Войвыв кодзув», «Арт», «Юность», «Невский альманах», «Южный маяк» журналъясын, «Белый бор», «Переключка» альманахьясын. Лэдзис «Лолыштöм» (2011), «Тувсов синва» (2015) небөгъяс. Россияса гижысь котырё пырысь (2020).

журналё шыёдём гижод, мед кагаыс нёшта и кывзас, кызди ачыс авторыс лыддьё. Сідзжё «Би киньысь» позьё аддзыны нималана йёзсянь бурсиём да кипасалём, неминучаысь видзан плакат, коми оласногён да культураён төдмөдан лунпас. Пырта и аслыссяма методика материал. Шуам, Елена Афанасьевакөд нуодам «Эжөр-вежөр» рубрика, кытысь челядь аддзёны коми кывлысь озырлунсё. Либё велодысьяскөд да библиотекаряьскөд өттшөтш дасьтам гижысьяслы сиём лист бокъяс, кывбур-висьт да олан туй вылас подуласьёмён восьтам налысь творчествосё.

Сідз жё выль ног зия петкөдлыны өткымын гижод. Шуам, меным важысянь нин сьёлём вылё воёны Виктор Квасов фотографлөн Пожём Коль ветлём-мунёмлы сиём снимокъяс. Тайё сылөн аслыссяма уджтас. А ті төданныд, мый Юрий Васютовлөн эм «Вёрса олысь – Пожём Коль» небөг. Меным окота вёлі өтлаавны тайё геройяссё өти сюжетын и со – артмис буретш «Би кинь» лист бокъясын. Ме йитчи фотографкөд, медым корны некымын снимок, да

Юрий Васютовлөн тшупода пас кежлас вөчим мича разворот. Петкөдлим небөг кышөдсё, кыпөдим экология тема. Вөр-ва видзём йылысь, кызди ас серти гөгөрвои, меным окота сёрнитны уна. Неважён на вөчи материал, көні челядь гут-гаг пример вылын гөгөрвоёны, мый колё вөр-васё дөзьөрнитны, оз позь дурка овны. Та пөрийё серпас да юалёмъяс отсөгөн ышөдам челядьёс гижны ас гөгөр олём видзём йылысь висьт.

Уджьёртъяскөд тшөтш йөзөдам «Би киньын» ёрта сёрни. Сідз, варовитам велодысьяскөд, сьылысьяскөд, МЧС-ын уджалысьяскөд, армияын служитысьяскөд, рөдвуж войтыркөд да мукөдкөд. Юасям бать-мамлысь да челядьлысь мыйкө коньидиниктор, темаыскөд йитчём, мед видзөдлыны, кызди та вылё вочавидзас верстьё морт и кага. Унатор на позяс лыддьөдлыны, и ме ог шу, мый тайё ставыс дзик выльтор, меён аддзёмтор. Дерт, абу. Ме мөвпала, кызди озырмөдны журналсё, кызди матыстны сийёс лыддьысьяс дорё, корся выльсё и өниясьыс, и важсьыс. Выныс вужйын. И ме тайёс буре гөгөрвоа.

– Бөръя воясö коми газет-журнал омöля судзöдöны. Кутшöм ногөн позьö кысыны выль лыддысьясöс «Би кинь» дорö?

– Уджас кутчыси регыд на, тайö ныр-визь сертиыс унатор ог тöд. Но со мый быттьö аслым тöдчöдi: лыддысьясöс колö ышöдны. Шуам, кыкысь нин тайö во джыннас козыналим «Би кинь» судзöдысьяслы коми наклейка-яс. На вылын – серпас, чолöмасьöм, Би киньлөн мыгөр да сiдз водзö. Сэсся кольöм во нуöдiм челядьлы коми Виль во – Национальнöй политика министерство да «Шуда котыр» öтмунöм öтсöгөн, пасйим журналлы 35 во тырöм. Корим сэтчö ставнысö: «Би кинь» лыддысьясöс, конкурсö пырöдчысьясöс, журналлысь том авторъясöс да серпасалысьясöс, ёртъясöс. Зэв бура гажöдчим, дасьтiм быдöнлы юмов козиньяс. Тайö гаж бöрас ставөн, чайта, мунiсны гортаныс зэв шудаөн. И лача кута, мый «Би кинькöд» водзö кутасны ёртасыны.

Öнiя журнал оз вермы овны öтуввейын петкöдчытöг, та вöсна сёр-нита «Би кинь» йылысь «ВКонтактеын» лöсьöдöм котырын, дасьта конкурсъяс, постъяс, петкöдла архивысь лист бокъяс, унатор юся гижöдчысьяслысь, вочавидза юалöмъяс вылö. Сэсся вöзъя «Би кинь» йылысь юөр СМИ-ö, «Коми гор» радиоö да «Юрганö», и журнал йылысь тöдмалö налөн кывзысь-видзöдысь. Мукöддырйиыс материалсö дасьта национальнöй галереякöд либö музейкöд öтув, и найö висьталöны сы йылысь аслас волысьяслы. Татшöм ногөн содö журнал судзöдысь лыдыс.

Дерт жö, ёна отсалö челядь уджъяс пыртöм: аслад кö петiс кывбур-висьт, сер-

пас либö творчествоа удж «Би кинь» лист бокын, тэныд, дерт, окота лоас сiйöс судзöдны. Тайö визьсö и водзö нуöда. А сiдзжö зiля ловзьöдны гижöдсö, матыстын талунъя олöм дорас. Шуам, пырта куаркод, и лист боксянь кага вермö вуджны ыджыдджык материал дiнö либö ёртъяслөн

сайтö, котырö.

Быд номерын йöзöда кутшöмкö задание, векся, кодi мунö январ петассянь декабрöдз. Öнi ме дзеби шусьöг. Быд петасын сайöдчö öти шыпас. Шыпасъяссö кагаыс во чöж чукöртас, а сэсся артмöдас шусьöг. Вермысьяслы лоас козин. Да и козинтöг, чайта, кага окотитас корсьны шыпассö быд выль петасысь, а сiдзкö, во помöдзыс судзöдны-лыддыны. Видзöдлам, кызди артмас пöртны олөмö тайö мөвпсö.

И дерт жö, медвойдөр, колö петкöдчыны лыддысьяс водзын, висьтавны журнал йылысь, сетны, мед видзöдласны, кинас вөрöдасны, тöдмасысны. Аддзысьлөмъяс – тайö зэв коланатор, но öнiя кадö гежöда артмö петавны йöз дорö. Кутам лача, мый коркö висьöмыс помасяс и ми Би кинькöд вермам кытшовтны ставнас республикасö.

– Кутшöм гижöдъяс виччысян авторъяссянь? Кутшöм темаяс, мытшöдъяс окота аддзыны редакцияö воысь текстъясысь?

– А тайö вермас лоны кöть кутшöм гижöд, сöмын мед челядьлы лöсялана да зумыд кывъя. «Би киньын» колö кутны тшупöд. Челядь öд пырысьтöм-пыр казялöны, гижöдыс кö жеб. А журнал öнöдз эз лэдз торкны ассьыс медшөр визьсö –

АРТ

www.artlad.ru
2022

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

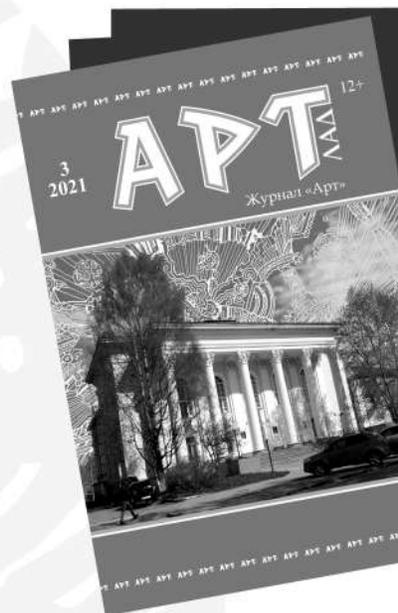
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

Дорогие читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

Получатель: АУ РК «Редакция журнала «Арт»
ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
КОМИ ОТДЕЛЕНИЕ № 8617 ПАО СБЕРБАНК
БИК 048702640 к/с 301018104000000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести:

в магазине «Ордым» (Дом печати, ул. К. Маркса, 229)
в книжном киоске торгового центра «Дом быта» • в магазине «Дом книги»

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС - П4453

Как многогранна и многозначительна жизнь...

29 декабря 2021 года ушла из жизни Елена Козлова. Она родилась 14 февраля 1954 года в деревне Лыаты Усть-Вымского района. Член Союза писателей России, правления Союза писателей России, Международной Ассоциации финно-угорских писателей, Ассоциации писателей Урала. Коми детская писательница, автор увлекательных рассказов и повестей для детей дошкольного и младшего школьного возраста, а также для взрослых. Её творчество стало явлением детской литературы Республики Коми. На её рассказах воспитывалось не одно поколение коми детей. Основной посыл произведений Елены Козловой – нравственное отношение к жизни. Первая книга рассказов вышла в 1988 году. Затем выходили книги: «Ме да Ивук вокй» (Я и братишка Ивук), «Лым морт» (Снежный человек), «Гёгыля-вугыля»

(Волшебные очки), «Шундыр» (Озорник), «Сямтём зонка» (Непутёвый мальчишка), «Туй дор бадь» (Придорожная ива). Она регулярно публиковалась на страницах журналов: «Войвыв кодзув» (Северная звезда), «Би кинь» (Искорка), «Арт» и многих российских и финно-угорских изданий. Была составителем различных коллективных сборников, альманахов, Антологии коми детской литературы. Переводила произведения русских писателей на коми язык. Её тексты переводили на русский и на языки народов России, а также на финский, венгерский, эстонский, шведский. Произведения Елены Козловой включены в учебники для чтения младших классов коми общеобразовательных школ. Пьеса для взрослых «Туй дор бадь» (Придорожная ива) была поставлена на сцене Национального музыкально-драматического театра Республики Коми.

*В верхнем ряду: Юрий Ионов, Александр Казинцев, Владимир Тимин, Виктор Кушманов.
В нижнем ряду: Тамара Ломбина, Вячеслав Морозов, Станислав Куняев, Надежда Мирошниченко,
Елена Козлова, Александр Суворов. г. Сыктывкар, сентябрь 2000 г.*

С 1982 года Елена Васильевна работала в аппарате Союза писателей Республики Коми, с 1995 года – возглавляла творческий союз, являясь председателем правления Союза писателей Республики Коми. На этом ответственном посту она достойно представляла литературу Республики Коми, обладала авторитетом писателя и руководителя. Её стараниями писательская организация РК является образцом межнациональных отношений. Елена Васильевна была активным участником республиканских, общероссийских и международных форумов, своими выступлениями и всей своей деятельностью вносила ощутимый вклад в культуру многонациональной России.

По её инициативе в Республике Коми стали традиционными многие литературные мероприятия: «Поэтическая эстафета», «День писателя», «Ландшафтный фестиваль поэзии», конкурс «Новые имена». Много внимания она уделяла работе с молодыми авторами. Под её

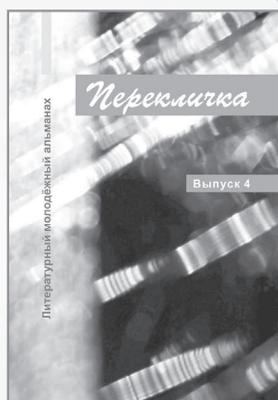
непосредственным руководством были проведены V Международный конгресс финно-угорских писателей, Международный семинар молодых финно-угорских писателей, Конференция писателей Урала и Сибири. Она ежегодно организовывала республиканские семинары коми и русских поэтов и прозаиков, содействовала организации ежегодного Летнего университета юных филологов.

Награждена Нагрудным знаком Министерства культуры Российской Федерации «За достижения в культуре» и медалью «Михаил Шолохов».

Елена Козлова – заслуженный работник Республики Коми, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И. А. Куратова, лауреат премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, лауреат Республиканского конкурса «Лучшая книга года».

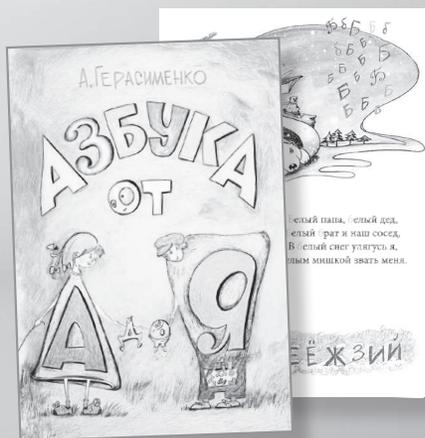
Светлая память...

Книжные новинки

◀ Четвёртый выпуск молодёжного альманаха «Переключка», как всегда, получился разнообразным, по-юношески дерзким и смелым. Его авторы пишут о том, что их волнует, пытаются разобраться в проблемах общества и в себе. В этом выпуске образовался некоторый упор на детскую тему. Что ж, значит, пришло время обратить писательское внимание радостям и трагедиям детей. Есть в нём место и теме любви, и взаимоотношениям поколений. В поэтическом разделе выделяется подборка стихов талантливой Татьяны Кирпиченко в переводе на русский язык. Её творчеству посвящена критическая статья в конце книги. А в целом, альманах стал энергичной переключкой молодых литературных голосов республики и наверняка не останется без внимания читателей.

В книгу «От А до Я» вошли стихи обо всех буквах русского алфавита, они занимательны по форме, легко читаются и заучиваются, интересны как для младших школьников, так и для их наставников. Автор – Александр Герасименко. Он публикуется в журналах «Арт», «Радуга». Стихи выходили отдельными сборниками «Росная тишь» (2018) и «Второе крыло» (2022). ▶

В редакции журнала «Радуга» выходит четвёртая книга Елены Афанасьевой «Товся Дуда» (Зимняя Дуда) для детей и подростков про Дуда Платтьоа продолжает рассказывать о приключениях девочек Ёли и Шоры. Событие в произведении происходит зимой. Девочки случайно оказываются в лесу и встречают лесного духа Дуда Платтьоа. Зимняя Дуда вновь испытывает и удивляет их.

Обогащают рассказ красочные, образные описания северной природы. Это придаёт прозе Е. Афанасьевой лирический, эмоциональный характер. А интерактивные страницы книги вызовут интерес у читателей и позволят окунуться в сказочную атмосферу произведения.

ART ART

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: П4453

ART ART